НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Сборник статей Второй всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов и молодых ученых

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЧЕ

проблемы отечественной истории и археологии



8–10 февраля 2023 года,

Великий Новгород

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЧЕ · ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЧЕ: ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Сборник статей Второй Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов и молодых ученых
Великий Новгород, 8–10 февраля 2023 года

Великий Новгород
2024

УДК 94(47).032:94(47).04:902
ББК 63.3(2)42-91+63.4
И90

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты

кандидат исторических наук, доцент **Я. А. Васильев**
(Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург)

кандидат исторических наук **О. А. Тарабардина**
(Новгородский государственный объединенный музей-заповедник,
г. Великий Новгород)

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук Е. В. Торопова (отв. ред.), Д. А. Борисевич (отв. секр.),
канд. филос. наук Д. Е Крапчунов, канд. ист. наук О. В. Матвеев,
канд. ист. наук Н. С. Федорук, канд. ист. наук А. М. Гринев,
канд. ист. наук И. В. Самойлова, канд. ист. наук К. В. Жуков, С. Е. Торопов,
К. Г. Самойлов, Е. А. Борисевич, В. Г. Колотушкин

И90 **Историческое вече: проблемы отечественной истории и археологии**: сборник статей Второй Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов и молодых ученых. Великий Новгород, 8–10 февраля 2023 года / отв. ред. Е. В. Торопова; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2024. – 296 с.
ISBN 978-5-89896-908-0
DOI: 10.34680/978-5-89896-908-0/2024.veche

В сборник включены статьи, представленные в рамках Всероссийской (с международным участием) конференции студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии», состоявшейся 8–10 февраля 2023 года в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород. В настоящий сборник вошли статьи по проблемам отечественной истории Средних Веков, Нового и Новейшего времени, археологии, истории религии и Церкви. Сборник предназначен для историков и археологов, историков Церкви и филологов, краеведов и всех интересующихся историей, археологией и культурой нашей страны.

УДК 94(47).032:94(47).04:902
ББК 63.3(2)42-91+63.4

ISBN 978-5-89896-908-0

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

История России в средние века и новое время

Антоновская Е. А.
Образ Лжедмитрия I в советской историографии 10

Гайдышев Н. А.
Формирование образа России во Франции XI–XVI вв. 19

Гребенников Н. Ю.
К вопросу о символической стороне даров на Руси
в контексте встречи в Москве в 1147 г. 28

Грошев Д. Л.
История понятия «Вольная типография» в России
второй половины XVIII в. 35

Жуков В. В., *Павлов Е. Н.*
Правовое устройство древнерусского государства XIII века
в содержании Смоленской торговой правды 43

Колычева А. В.
К вопросу о самобытности русской архитектуры
XVII века в отечественной историографии 48

Коротин В. А.
Образ Петра I в панегириках Стефана Яворского 56

Кочетов И. Е.
Административное устройство и управление Дагестана
в конце XVIII – первой четверти XIX века 65

Лихачева Е. М.
Женская придворная служба в Российской империи XIX века:
правовой статус, структура, обязанности 73

Луковников Д. А.
«Умрети за святую Софию». Образ новгородского самопожертвования
XIII – начала XIV в. в Новгородской первой летописи 79

Мащенко Б. Г.
«Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»:
некоторые результаты исследования идеалов воинской службы 88

Медведева Е. П.
Дом купца Игумнова в мифах и легендах о Москве 97

Метелькова Д. А.
Общественно-политические взгляды Леси Украинки 103

Павлов Е. Н., *Жуков В. В.*
Смоленская торговая правда 1229 года в историографическом свете..... 111

Соколова П. А.
Потребительские практики внутри среднего и высокого
ценового сегмента на примере одежды и тканей в завещаниях
в Москве в XVIII веке 119

Турченко Д. А.
Биографический очерк Д. И. Иловайского «Граф Яков Сиверс»:
источниковедческий аспект..... 129

Чекалдина Н. А.
О новом делении списков Новгородской четвертой летописи..... 136

Новейшая история России

Бурлаков Д. И.
Товарный дефицит в начале 1990-х: миф или реальность
(на примере Ростовской области)..... 147

Высоцкий А. А.
«Память погибших за революцию должна у нас остаться»:
конструирование образов мучеников революции
в Новгородском музее революции в 1920-е годы 154

Кежова А. Р.
Объявления на страницах периодической печати как источник
по истории предпринимательства (на примере Псковской губернии
конца XIX – начала XX века) 161

Котик А. В.
Историческая политика Казахстана и российско-казахстанские отношения..... 167

Круковский П. С.
Советская экономическая и военная помощь Китаю в 1937–1939 гг. 175

Соколов П. А.
Опыт хозяйственного обустройства латышских и эстонских колоний в Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX в. 183

Лосманов И. А.
«Административный справочник» для Северной оперативной области как источник об оккупационном режиме на территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны 189

Археология

Буйлова А. Е.
Орудия письма из раскопок в Пскове: писала и чернильницы 199

Бусикова А. С.
«Новгородский областной словарь» как источник по истории ткачества 208

Маевский Д. Е., *Эркенов А. Р.*
Методология цифровых исследований в церковной археологии: перспективы развития направления..... 217

Моисеева Е. В.
Булавки из раскопок в Старой Руссе: обзор находок и хронология 221

Ячменёв О. Ю., *Власенко Д. Е.*
Писаницы на Смоленских скалах..... 226

История религии и церкви

Архипов М. А.
Женский чин пострига в великую схиму в старопечатной московской традиции и в рукописях..... 236

Гай С. Д.
Проблема синкретизма бога волоса-велеса со святым Власием. 244

Забирова А. С.
Сожжение волхвов в агиографии: испытание веры огнем 251

Капитонов М. С.
Дионисийский культ и его связь с образом Иисуса Христа
в рамках сравнительной мифологии 257

Сивков М. Н.
Екатеринбургское духовное правление: орган местного церковного
управления в XVIII–XIX вв. 263

Соловьева Е. А.
Обвинения в колдовстве как средство политической борьбы
иконоборцев и иконопочитателей..... 273

Табачник К. К.
Обрядотворческая кампания
в антирелигиозной пропаганде 1920-х гг.: теория и практика 279

Уткин И. Д.
Ora et labora: путь преподобного Сергия Радонежского..... 288

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию сборник статей, подготовленный по результатам Второй Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии», проходившей в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого в 8–10 февраля 2023 года, организованной с целью объединения усилий молодых исследователей в изучении актуальных вопросов истории и археологии.

Заседания конференции проходили в формате восьми тематических секций и круглого стола. Дополнительно для участников проведены четыре специализированных мастер-класса по источниковедению, археологии и реставрации. В ходе тематических экскурсий по Великому Новгороду многие участники смогли ближе познакомиться с историей одного из древнейших городов нашей страны.

По материалам конференции организаторы приняли решение издать два тома сборника. Первый том посвящен проблемам изучения всемирной истории и уже вышел из печати[1]. В настоящем томе представлены научные статьи, подготовленные по итогам работы пяти секций: «История России в Средние века и Новое время», «Новейшая истории России», «История борьбы с нацизмом», «Археология» и «История религии и церкви».

В сборнике представлены историографические работы, посвященные образу Лжедмитрия I в советской исторической науке, самобытности русской архитектуры XVII века и Смоленской торговой правде 1229 года. В отдельных исследованиях авторы по-новому подходят к изучению Новгородских летописей. В ряде статей затронуты темы развития социальных институтов Российской Империи, изменения ее административного-территориального деления, экономики.

Особое внимание было уделено истории России в Новейшее время. Некоторые статьи посвящены развитию Российских губерний в начале XX века. Особый интерес вызывают статьи, рассматривающие различные проблемы истории советского периода. Авторы обратились к темам памяти об участниках Гражданской войны 1920-х годов, советской

---

[1] Историческое вече: проблемы всемирной истории: сборник статей Второй Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов и молодых ученых. Великий Новгород, 8–10 февраля 2023 года / отв. ред. А. В. Ушаков; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. 232 с.

помощи Китаю, экономических проблем позднего СССР, а также Великий Отечественной войны. Завершает этот блок историко-политологический разбор взаимоотношений России и Казахстана в XXI веке.

В сборник включены статьи по археологии, в которых рассматриваются новые цифровые методы исследований, типологизация археологических находок, а также выявление новых археологических памятников.

Значительное место в сборнике занимают исследования, посвященные истории Церкви и религии.

Сборник адресован студентам, аспирантам, преподавателям, а также широкому кругу читателей. Мы надеемся, что эти статьи станут полезным материалом для дальнейших исследований и помогут расширить наши знания в области отечественной истории, археологии и культуры.

Д. А. Борисевич

ИСТОРИЯ РОССИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 94(47).045:930.2

ОБРАЗ ЛЖЕДМИТРИЯ I В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Антоновская Е. А.

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
Кемеровский государственный университет
(г. Новокузнецк, Россия)
E-mail: Kosmos97r@yandex.ru

THE IMAGE OF FALSE DMITRY I IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

Antonovskaya E. A.

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute,
Kemerovo State University
(Novokuznetsk, Russia)
E-mail: Kosmos97r@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются оценки личности и деятельности Лжедмитрия I в работах советских историков. Проведен анализ и сравнение историографических теорий. В первой половине XX века Лжедмитрию I практически не уделялось внимание. В послевоенные годы события начала XVII века рассматривались через призму крестьянской войны. Таким образом, существует историографическая проблема определения отводимого места в работах советских историков Лжедмитрию I и его роли в событиях начала XVII в. Советские историки уделяли большое внимание оценке политики первого самозванца, а личность лжецаря уходила на второй план.

Ключевые слова: Лжедмитрий I, Смутное время, самозванчество, советская историография.

Abstract. The article examines the assessments of the personality and activities of False Dmitry I in the work of the Soviet historians. The analysis and comparison of historiographical theories is carried out. In the first half of the 20th century, almost no attention was paid to False Dmitry I. In the post-war years, the events of the beginning of the 17th century were viewed through the prism of the peasant war. Thus, there is a historiographic problem of determining the place allotted in the works of the Soviet historians to False Dmitry I and his role in the events of the early 17th century. Soviet historians paid great attention to the assessment of the policy of the first impostor, and the personality of the false tsar faded into the background.

Keywords: False Dmitry I, Time of Troubles, imposture, Soviet historiography.

Историография Советского периода по теме Лжедмитрия I крайне скудна, интерес исследователей вызывала другая историческая личность данного периода – Иван Болотников. На подъеме социалистической

революции в отечественной историографии исследователи рассматривали Смутное время как крестьянскую революцию.

Можно выделить 5 условных этапов: 1) довоенный (до 30-х гг. XX в.); 2) довоенный (30-е гг. XX в.); 3) послевоенный (50–60-е гг. XX в., дискуссия о роли Лжедмитрия I в крестьянской войне); 4) конец 60-х – 70 е гг. XX в.; 5) 80-е – начало 90-х гг. XX в. В советское время меняется ракурс рассматриваемых проблем, авторов все меньше интересует вопрос о происхождении самозванца, они уже не обращаются к дореволюционным теориям.

Довоенный период представлен в первую очередь историком-марксистом Михаилом Николаевичем Покровским (1868–1932). Для Покровского важен вопрос «Кто выдвинул Лжедмитрия?», происхождение лжецаря уходит на второй план. Историк не называет его «самозванцем», он принимает сторону Костомарова и считает правильным называть лжецаря «Названным Димитрием» [1, с. 24]. Таким образом, Михаил Николаевич отрицал теорию осознанного самозванца.

Историк уделял большое внимание роли казаков в восстании Лжедмитрия, у них была хорошая военная организация. Выборные атаманы умели держать дисциплину, это была готовая военная сила [1, с. 27].

Покровский опровергал догадки о нерусском происхождении Лжедмитрия. Примечательна мысль историка о том, что, возможно, самозванец был специально причислен к сыновьям Богдана Отрепьева, чтобы скрыть его от Бориса Годунова [1, с. 196].

Вопрос о роли католического духовенства в статье Покровского заслуживает отдельного внимания. Лжедмитрий довольно легко превращается из православного в арианина, а потом формально принимает католичество и дает желаемые папской власти обещания [1, с. 197].

Юрий Владимирович Готье (1873–1943) – историк, археолог, ученик В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, преподавал в Московском университете, ординарный профессор. Юрий Владимирович занимался в основном социально-экономической историей XVII–XVIII вв.

Готье был уверен, что самозванец был русским, московского происхождения. Григорий Отрепьев жил в Москве в Чудовом монастыре, затем бежал в Литву, где и провозгласил себя царевичем Дмитрием [2, с. 39]. Юрий Владимирович предполагал, что с ранних лет Гришке Отрепьеву бояре внушали, что он царевич Дмитрий, сам же самозванец

искренне верил в это, так Готье отрицает теорию осознанного самозванца [2, с. 41].

Свержение Бориса Годунова и признание Дмитрия Готье расценивал как первый насильственный переворот в Москве. Это событие играло важную роль в истории Смуты, возникло народное движение.

Довоенный период советской историографии характеризует появление Лжедмитрия I как сложный, заранее подготовленный заговор московских бояр, в котором Отрепьев сыграл определенную роль.

В конце 30-х гг. была распространена теория первой польской интервенции, где Лжедмитрий I сыграл роль орудия польской верхушки в борьбе против Московского государства.

30-е гг. представлены статьями А. А. Савича, А. И. Казаченко и Л. Б. Генкина

Александр Антонович Савич [3] (1890–1957) – доктор исторических наук, автор первого учебника по истории Урала. Работал в Государственном историческом музее, Институте истории АН СССР. Сфера научных интересов представлена исследованиями крестьянских волнений на Урале.

Антон Иванович Козаченко [4] (1900–1962) – историк, специалист по библиографии и книговедению. Преподавал во Всесоюзном коммунистическом институте журналистики имени «Правды» при ЦИК СССР, на 1939 г. занимал должность заведующего кафедрой истории СССР.

Лазарь Борисович Генкин [5] (1903–1970) – специалист по истории Ярославского края, изучал широкий спектр событий, от польской интервенции в начале XVII в. до Гражданской войны.

Советские историки конца 30-х гг. рассматривали правление Лжедмитрия I как исключительно результат польской авантюры. Восстание в мае 1606 года против поляков и самозванца расценивается ими как акт разгрома польской интервенции.

Во-первых, Лжедмитрий I был орудием в руках поляков. Историки не сомневаются в том, что на Русском престоле оказался самозванец и подготовлен он был поляками. Волнения в России создали удобную почву для интервенции старых врагов русского государства.

Во-вторых, причину быстрого продвижения войск к Москве историки видели в умелом использовании противоречий, существовавших в Московском государстве. Лжедмитрий обратился к недовольству

крестьянства, вошел в их доверие. Бояре стали переходить на строну самозванца для борьбы с Борисом Годуновым. Интервенты рассчитывали на содействие и поддержку оппозиционных элементов, недовольных правлением Б. Годунова.

В-третьих, политика самозванца не была направлена на выражение интересов крестьянства. Царствование Лжедмитрий начал с возвращения беглых крестьян и раздачи земли, удвоил жалование воеводам и чиновникам, отменил пошлины. Вернул в Москву врагов Годунова – бояр Романовых. Своими секретарями самозванец назначил поляков Бучинских, польские паны стали занимать лучшие должности, утвердив на русском престоле своего ставленника, они стали чувствовать себя как дома.

В-четвертых, Лжедмитрий был расточительным правителем, выражал презрение к русскому народу и обычаям, к православной вере. Свадьба самозванца и Марины Мнишек вселила в народе недоверие к новому царю, усугубила ситуацию, поляки в Москве вели себя вызывающе, как победители. 17 мая 1606 года против Лжедмитрия был совершен заговор и самозванец был убит, начались гонения поляков.

Послевоенный период в историографии по теме Лжедмитрия I начинается с Очерков истории СССР. Самозванцу посвящен отдельный параграф, написанный доктором исторических наук Владимиром Дорофеевичем Королюком (1921–1981). В Очерках, как и в работах других советских историков, Лжедмитрий I рассматривался как авантюрист-самозванец, которого поддерживали польско-литовские правящие круги, Лжедмитрий выступал инструментом польско-литовской интервенции [6, с. 493]. Автор уверен, что под личностью самозванца скрывался Григорий Отрепьев из детей боярских.

В послевоенные годы события начала XVII века так же рассматривались через призму крестьянской войны. Существует историографическая проблема определения роли Лжедмитрия I в крестьянской войне начала XVII в. С советского времени соперничают две точки зрения на данный вопрос. Согласно первой (А. А. Зимин [7]), поход и правление Лжедмитрия I приходится на первый этап крестьянской войны. А. А. Зимину возразили другие советские историки (И. И. Смирнов [8], В. И. Корецкий [9; 10], Р. В. Овчинников [11], И. М. Скляр [12], В. И. Лебедев [13] и другие ученые государственных вузов), считавшие, что движение Лжедмитрия I не является частью крестьянской войны.

Дискуссия о крестьянской войне началась в 1958 г., площадкой для обсуждения проблемы стал журнал «Вопросы истории» [14].

Весной 1961 в журнале «Вопросы истории» была опубликована обзорная статья по теме дискуссии [15], где были обобщены ее результаты.

Во-первых, историки попытались дать определение «крестьянская война» и определить ее особенности. Большинство специалистов деятельность Лжедмитрия I не относили к данному понятию.

Во-вторых, обсуждался вопрос о хронологии крестьянской войны. Автор статьи поддерживает хронологию, разработанную А. А. Зиминым, при этом указывает, что историк не рассматривает движение Лжедмитрия как отдельный этап войны.

В-третьих, ученые решали, какие события необходимо соединять с крестьянской войной. С одной стороны, антифеодальные восстания крестьян, а с другой – авантюра Лжедмитрия I. После воцарения лжецаря на русский престол наблюдался спад крестьянских волнений, поскольку восставшие ожидали от поддержанного им самозванца выполнения обязательств и обещаний, но цели Лжедмитрия I были противоположны интересам народных масс.

В-четвертых, была развернута полемика о сущности законодательства самозванца. И. И. Смирнов свел аргументацию А. А. Зимина к отсылке на документы о кабальных холопах и крестьянах 1606 г. Правильная интерпретация законодательства имеет большое значение для оценки движения социальных низов, но не должна служить основным критерием.

С. М. Троицкий в конце 60-х гг. продолжил рассматривать правление Лжедмитрия I как этап крестьянкой войны. Сергей Мартинович Троицкий (1930–1976) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Научные интересы – финансовая история России XVII–XVIII вв. и русский абсолютизм XVIII в.

Сергей Мартинович рассматривает Лжедмитрия I как авантюриста и «актера» Гришку Отрепьева [16, с. 135]. Появлению самозванца способствовали московские бояре, недовольные правлением Годунова, который ущемлял их права. Они пустили слух о «чудесном» спасении царевича, этот слух подхватили поляки. Появление самозванца послужило толчком к крупным антифеодальным выступлениям народных масс [16, с. 135].

Вадим Иванович Корецкий (1927–1985) – историк, специалист по истории России XVI–XVII вв., сотрудник сектора источниковедения института истории СССР АН СССР.

Корецкий поднимает вопрос о крестьянской политики Лжедмитрия I. Лжедмитрий – крестьянский царь или дврянский?

Историк пришел к выводу, что законодательную политику Лжедмитрия I можно разделить на 2 этапа: дворянский и крестьянский. Сначала самозванец удовлетворил требования дворян, но, когда увидел, что весной 1606 г. на юге зреет народное восстание, он пошел на уступки перед народом, восстановил крестьянский выход [10, с. 238].

Виктор Иванович Буганов (1928–1996) – доктор исторических наук, специалист в области проблем историографии и источниковедения отечественной истории.

Виктор Иванович придерживался официальной версии русского правительства: под Лжедмитрием I скрывался беглый монах Григорий Отрепьев [17, с. 21]. Самозванец появился, когда положение в стране обострилось. Крестьяне увидели в нем «хорошего царя», который облегчит их тяжелое положение, бояре – рассчитывали с его помощью избавиться от Годунова и увеличить свои привилегии.

Политика самозванца, по мнению Виктора Ивановича, носила противоречивый, двойственный, в основном продворянский характер [17, с. 25].

Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009) – доктор исторических наук, специалист по истории Смутного времени, профессор исторического факультета ЛГУ. Р. Г. Скрынников уделил изучению Лжедмитрия большое внимание, им было написано множество работ о самозванцах и Смутном времени.

Руслан Григорьевич был приверженцем московской версии происхождения самозванца, историк доказывал, что самозванец и Григорий Отрепьев – это одна личность на примере сравнения «Извета» и «Исповеди» Лжедмитрия [18, с. 10].

Феномен самозванства, по мнению историка, появился в России из-за глубокого, внутреннего кризиса (гражданская война), поразившего все общество [18, с. 5].

Скрынникову трудно составить полное представление о правлении самозванца, так как после его свержения власти приказали сжечь все его документы [18, с. 14].

Скрынников отмечал, что Смута – это первая гражданская война, а Лжедмитрий I – ее первый взрыв [19, с. 228]. Политика Лжедмитрия I носила продворянский характер, Юрий Отрепьев не оказал большого влияния на структуру российского общества и его политического развития, он сохранил в неизменности все социально-политические порядки и институты [19, с. 229]. Скрынников выделял Отрепьева из всех

самозванцев, он считал, что никому больше не довелось сыграть такую же роль в истории Смуты.

Александр Лазаревич Станиславский (1939–1990) – доктор исторических наук, специалист по источниковедению истории России XVI–XVII вв., научные интересы связаны с тематикой истории сословий и учреждений России, Смутного времени и роли русского казачества.

Работа А. Л. Станиславского «Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории» [20] посвящена изучению роли казачества в Смутное время. Александр Лазаревич высказал интересную мысль, что идея провозглашения самозванца зародилась в среде бывших холопов. Кандидатами выступили двое казачьих учеников, но то, что эти ученики были инициаторами движения, увлекшие за собой других казаков, говорить не стоит [20, с. 22]. Далее эту мысль автор не развивает.

Таким образом, в работе были проанализированы оценки личности и деятельности Лжедмитрия I в советский период отечественной историографии.

Во-первых, работы данного периода отличаются новизной. Термин «Смутное время» историки не использовали в данный рассматриваемый период, но появились такие понятия как «польская интервенция», «гражданская война XVII в.», «крестьянская война». Заголовки работ исследователей не отличаются оригинальностью, во многих фигурируют вышеперечисленные термины, что вызывает некоторую затрудненность в поиске и отборе источников.

Начало XVII века в советской историографии рассматривалось в русле крестьянской войны. Дискуссия 1958 г. не решила историографическую проблему определения роли Лжедмитрия I в крестьянской войне начала XVII в.

Отдельных работ, посвященных первому самозванцу, в советский период историографии крайне мало, такие работы появляются ближе к 90-м годам, когда в связи с политическими переменами в стране исследователи обратились к темам Смутного времени и самозванчества.

Во-вторых, историков не интересует вопрос о происхождении самозванца, они уверены в том, что под личностью Лжедмитрия I скрывался Григорий Отрепьев. На первый план выходит вопрос о том, кто подготовил самозванца.

В-третьих, роль казаков и социальных низов в возвышении Лжедмитрия усиливается в трудах советских историков.

В-четвертых, советские историки уделяли большое внимание оценке политики первого самозванца: «Лжедмитрий I – казацкий (крестьянский) царь или дворянский?»

Список источников и литературы

1. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1933. Т. 2. 328 с.
2. Готье Ю. В. Смутное время: Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М.: Государственное издательство, 1921. 152 с.
3. Савич А. А. Разгром польской интервенции в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 1938. 58 с.
4. Козаченко А. И. Разгром польской интервенции в начале XVII века. М.: Гос. изд-во политич. литературы, 1939. 174 с.
5. Генкин Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль: Ярославское областное изд-во, 1939. 172 с.
6. Королюк В. Д. Начало иностранной интервенции. Лжедмитрий I // Очерки истории СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 5. С. 493–503.
7. Зимин А. А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. № 3. С. 97–113.
8. Смирнов И. И. К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I // Ученые записки ЛГУ. 1938. № 19. С. 186–207.
9. Корецкий В. И. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века // Вопросы истории. 1953. № 3. С. 118–137.
10. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука, 1975. 390 с.
11. Овчинников, Р. В. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII века в России // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 69–83.
12. Скляр, И. М. О начальном этапе первой крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 90–101.
13. Лебедев, В. И. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 90–98.
14. О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII века (к итогам дискуссии) // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 102–120.
15. О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 204–208.
16. Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134–146.
17. Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII. М.: Наука, 1976. 222 с.
18. Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 256 с.
19. Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. 238 с.
20. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.

Сведения об авторе

Антоновская Екатерина Александровна – соискатель, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия.

Сведения о рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. ORCID: 0000-0003-0782-1656; e-mail: vasilev–yaroslav@yandex.ru

УДК 94(47).035:94(44)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ ВО ФРАНЦИИ XI–XVI ВВ.

Гайдышев Н. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: nagaydyshev@edu.hse.ru

THE FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN FRANCE IN THE 11TH–16TH CENTURIES

Gaidyshev N. A.

National Research University Higher School of Economics
(Saint Petersburg, Russia)
Email: nagaydyshev.edu.hse.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика формирования образа *другого* в Европе эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Этот вопрос будет рассмотрен на примере представлений о Руси (Московии) во Франции XI–XVI веков. Обращаясь к источникам, автор пытается проследить историю развития образа России во Франции. Кроме того, дается попытка ответа на вопрос о том, можно ли назвать взгляд из Франции на русское государство того времени проявлением *ориентализма* в понимании Э. Саида. Также статья повествует о концепции автора, связанной с восприятием русских рабов в качестве представителей восточных народов в южной Франции XIV–XV вв.

Ключевые слова: Россия, Франция, ориентализм, имагология, образ другого, образ России во Франции, XI–XVI вв.

Abstract. An article analyzing the problem of formation of image of other in medieval and early modern Europe. This problem was analyzed using the example of the image of Russia in France of 11th–16th centuries. According to historical sources, the author tries to describe the history of the development of the image of Russia in France. Also, an attempt is made to answer the question of whether the French view of the Russian state of that time can be called a manifestation of Orientalism in the understanding of E. Said. Too, an article tells about the author's idea related to the perception of Russian slaves as representatives of orient in southern France of 14th–15th centuries.

Keywords: Russia, France, orientalism, imagology, image of other, image of Russia in France, 11th –16th centuries.

> *Когда же и эта чаша была выпита, еще не все окончилось: поговоривши немного, нужно выпить за здоровье вашего короля, от чего не осмелитесь отказаться. Ибо таков обычай этой страны – много пить.*
>
> Жан Соваж [1, с. 71]

Строки, написанные французским капитаном Жаном Соважем о его прибытии в Архангельск, сообщают читателю об отличительных особенностях Московии – деспотической власти и пристрастию к распитию спиртного. Эти замечания не оригинальны – многие иностранцы давали схожие характеристики Российскому государству и его населению. Тогда почему же данная цитата помещена в качестве эпиграфа? Ответ – она наглядно демонстрирует то, как сформированный образ страны находит свое воплощение в реальности.

Цель этой работы – увидеть, как происходило формирование образа России во Франции в Средние века и раннее Новое время. Также автор попытается ответить на следующий вопрос: «Являются ли эти образы *ориенталистскими* в понимании Э. Саида [2] или же Русь и впоследствии Московия воспринималась во Франции как часть Европы»? Исследование данной тематики своевременно и актуально. Историография достаточно плохо освещает проблематику русско-французских отношений допетровской эпохи, еще хуже рассматривая вопрос о процессе формирования образа России во Франции.

Контакты между Русью и Францией в эпоху Средневековья происходили достаточно редко. По выражению М. Ю. Колпакова, они носили фрагментарный характер, из-за чего сведения о Руси во французских источниках довольно скудны [3, с. 71]. Несмотря на это, такие контакты представляют серьезный интерес для науки, ведь именно они заложили основы тех стереотипов, влияние которых заметно даже на *сказаниях иностранцев о России,* созданных в XVI–XVII вв.

Образ Руси, сконструированный в XI–XVI вв., можно попытаться восстановить при помощи французских исторических сочинений и героических поэм эпохи Средневековья. Так, сведения о Руси присутствуют в «Хрониконе» монаха-бенедиктинца Адемара Шабанского. Автор сообщает о Бруно Кверфутском, которого он по ошибке называет епископом Аугсбурга. Согласно источнику, этот святой «обратил в веру Венгрию и другую провинцию, которая называется Русия» [4, с. 195]. Однако преждевременная гибель Бруно оставила его дело незавершенным, из-за чего на территорию Руси «прибыл один греческий епископ, который половину их страны, до этого поклонявшуюся идолам, обратил и заставил их принять греческий обычай по отращиванию бороды, равно как и другие манеры» [4, с. 195]. Также в источнике представлено описание битвы при Каннах 1018 года, победу в которой Византия одержала при поддержке

руссов: «в четвертом бою они [норманны] были побеждены, и повержены, и низведены в ничто племенем руссов» [4, с. 220]. Эти примеры создают образ Руси как страны, исповедующей христианство Восточного образца и обладающей серьезной военной силой, представляющей угрозу для своих противников.

Многие сведения о Руси во франкских источниках того времени связаны с Анной Ярославной – дочерью Киевского князя Ярослава Мудрого и супругой французского короля Генриха I. Говорить о причинах этого брака не входит в задачи данного исследования, тем более что подробные объяснения не раз были изложены в научной литературе, например, в монографии В. В. Шишкина и И. Шварц [5, с. 27]. Если же говорить об образе Анны во французских источниках, то важно заметить – первые оценочные суждения о ней появляются уже после смерти королевы – в XII–XIII веках. Например, автор сочинения «Историческое зерцало» монах-доминиканец Винсент из Бове сообщает: «Генрих женился на Анне, дочери короля Руси, которая вела примерную и благочестивую жизнь, думая больше об обретении вечной жизни, чем о земной славе» [5, с. 38]. По мнению Шишкина и Шварц, это мнение об Анне Киевской создало образ, впоследствии используемый во французских хрониках и летописях [5, с. 38].

Отрывочные сведения о Руси можно встретить во французской героической поэзии средних веков. Так, в эпосе «Коронация Людовика», записанном в первой половине XII века, можно найти следующие строки:

> И видит сон, – в нем пробудивший страх:
> Со стороны Руси идет пожар,
> Который Рим со всех сторон объял [6, с. 155].

Какие выводы можно сделать из этих строк? Упоминание Руси в поэме, одна из частей которой посвящена осаде Рима сарацинами, отделяет ее от европейского мира и ставит в один ряд с нехристианскими народами, находящимися в состоянии вражды с католическим миром [7, с. 199]. На ментальной карте жителей Франции того времени Русь выступает в качестве если и не азиатского государства, то уж точно и не европейского. Она воспринимается как что-то представляющее опасность для Франции и католиков в целом. Текст продолжает идеи, изложенные в XI веке Адемаром Шабанским и другими хронистами.

Следующее видоизменение образа Руси во Франции произошло в XIII веке. Во времена монгольской экспансии многие католические страны

и даже сам Папа Римский пытались установить контакты с этой державой. В ходе дипломатических миссий многие из послов добирались до своей конечной цели через русские княжества или же близлежащие к ним территории, благодаря чему смогли составить их описание.

Одним из послов, оставивших текст о своем путешествии, был монах-францисканец Гильом де Рубрук. Он отправился в Каракорум по приказу французского короля Людовика IX, потратив на путь более двух лет. Его невероятная по масштабам поездка проходила с 1253 по 1255 г. В своем сочинении Рубрук определяет Руссию как территорию, «имеющую повсюду леса», располагающуюся от «Польши и Венгрии до Танаида». Русь, согласно этому описанию, «вся опустошена татарами и поныне ежедневно опустошается ими» [8, гл. XIV].

Благодаря описаниям, датированным XIII веком, в сформированный во Франции образ России добавились новые характеристики: во-первых, Русь представлялась как слабая и разоренная татаро-монгольским нашествием страна. Во-вторых, в глазах образованных людей того времени русские княжества обрели локализацию в пространстве. В-третьих, характеристика страны дополнилась описанием ее ресурсов и природных условий.

Об *ориентализации* образа русских княжеств и других славянских государств говорят следующие строки из текста Рубрука: «Язык русских, поляков, чехов и славян один и тот же с языком вандалов, отряд которых всех вместе был с гуннами, а теперь по большей части с татарами» [8, гл. XXIII]. Идея о родстве русского и вандальского языков дополняла внешний облик Руси как страны, «варварской» по своей природе [7, с. 206], а также проводила грань между Западной Европой и славянскими народами.

В XIV–XV вв. Крым и Кавказ стали одними из основных мест, откуда рабы, в том числе русской национальности, попадали в Средиземное море [9, с. 107–108]. За год через одну лишь Каффу и другие генуэзские города «проходило до десяти тысяч славянских пленников» [5, с. 80]. Рабы, оказавшиеся на этом пути, попадали в различные части Средиземного моря, в том числе и в Южные регионы Франции: Прованс, Лангедок и Руссильон. В последнем, согласно нотариальным актам XV века, русские составляли 22% от общего числа невольников [10, с. 8]. Но далеко не всегда восприятие рабов русского происхождения соответствовало их настоящей национальности. Иногда в

документообороте этих регионов людей со славянскими именами называли «белыми татарами», черкесами и сарацинами [11, с. 240]. Я считаю, что восприятие пленных из России в качестве представителей восточных народов напрямую связано с процессом *ориентализации* Руси во Франции, заложившим основу для многих стереотипов и образов, связанных с этой страной.

Новой вехой в формировании образа России во Франции стало сочинение бургундского рыцаря и дипломата Жильбера де Ланноа. В ходе своего путешествия он посетил два крупных города – Новгород и Псков. Записки француза с впечатлениями от Северо-Западной части Руси были опубликованы в 1462 г., в составе сборника «Путешествия и посольства» [7, с. 207]. Этот текст внес серьезный вклад в развитие стереотипа о России как стране холода и снега. Описание чрезвычайно сильных морозов и стужи занимает важную роль в очерках Ланноа [12, с. 111].

Как отмечают Ж. М. Арутюнова и Е. В. Линькова, одной из характерных черт очерка Ланноа можно назвать «подчеркивание разницы между истинным христианством, т. е. католицизмом, и православием» [12, с. 111]. По их мнению, истоки рассуждений об этой проблеме в позднейших *сказаниях иностранцев о России* лежат именно в этом тексте. Не соглашусь с этим мнением – как уже было описано выше, образ Руси как страны, принявшей исковерканное Византией христианство, уходит далеко назад, в XI век. Основы этого концепта заложил в сочинении «Хроникон» Адемар Шабанский.

Несмотря на колоссальные изменения, затронувшие практически все сферы жизни общества европейских стран, накопленное знание о Российском государстве продолжало развивать многие стереотипы и концепты, истоки которых уходят в Средние века. Этот тезис подтверждается многими источниками: например, *сказаниями иностранцев о России* и произведениями художественной литературы.

В «Опытах» Мишеля де Монтеня содержится пара упоминаний Московского государства и его населения. Так, в XLVIII главе он пишет, что турецкое войско во много раз сильней французского за счет неприхотливости османских солдат. Монтень сравнивает их с русскими и татарскими воинами, которые, по его мнению, одинаково любят пить «кровь своих лошадей, которую они солят» [13, с. 262]. В той же главе есть рассказ о том, как великий князь Московский должен был встречать татарских послов: «…он выходил к ним навстречу пешком и предлагал им

чашу с кобыльим молоком (а этот напиток они почитают самым сладостным), а если, выпивая его, они проливали хоть несколько капель на конскую гриву, он обязан был слизать их языком» [13, с. 263]. Третье упоминание Московии в тексте снова находится в XLVIII главе. В нем описывается поход войска турецкого султана в Россию, в ходе которого османы столкнулось с невероятными по своей силе морозами [13. с. 263].

Чем объясняется интерес Монтеня к Московии, и откуда тот черпал сведения об этой стране? Любопытство по отношению к этому государству возникло благодаря встрече философа с отправленным к Папе Римскому русским послом Леонтием Шевригиным. В «Дневнике путешествия по Италии» Монтень детально описывает этого человека: «В тот день на богослужении присутствовал также посол Московита, одетый в пунцовую мантию, сутану из золотой парчи и отороченную мехом шапку, напоминающую ночной колпак, тоже из золотой парчи, под которой у него была скуфейка из серебряной ткани» [14, с. 107]. По мнению академика М. П. Алексеева, к полученным в Риме Монтенем впечатлениям о России примешались сведения, распространяемые в ходе Ливонской войны в Германии [15, с. 333]. Также на формирование образа Московии у философа повлияли польские исторические трактаты [16, с. 80] и сочинения Андре Тэве [15, с. 337–338]. Этот французский географ, вероятно, был знаком с Монтенем и утверждал, что Россия управляема такими же тиранами, что находятся у власти в Марокко, Эфиопии и других странах Африки [17, p. 109].

Образы России, описываемые в «Опытах» Монтеня, развивают и дополняют стереотипное восприятие Руси и впоследствии Московии *во* французской культуре. Первое упоминание ставит в один ряд османских, русских и татарских воинов, что проводит границу между Российским государством и Европой и причисляет ее к Азии. Интересно, но другой французский писатель раннего Нового времени – Рабле помещает русских в практически такой же ряд народов [16, с. 80]. В статье уже было отмечено, что образ Руси и впоследствии Московии как части Азии далеко не нов для XVI в. – его истоки находятся в французских героических поэмах и исторических сочинениях XI–XII вв.

Второй эпизод иллюстрирует образ России как зависимое от татар государство, что развивает стереотип, возникший во Франции в XIII веке. Однако В. Н. Козулин утверждает, что Монтень заимствует этот сюжет из французского перевода «Истории польских королей» Яна Гербурга [16,

с. 80]. Если говорить о третьем русском образе из «Опытов», то он продолжает идею о холодном и морозном климате России, о котором писал в 1413 году Жильбер де Ланноа.

Во второй половине XVI века возникают идеи о растущей силе Московского государства и угрозе с его стороны, а также возникают идеи о необходимости налаживания торговых отношений между двумя странами. На развитие первой идеи влияют военные конфликты России в Восточной Европе или так называемая Ливонская война. Знание о ней активно распространилось по континенту и во многом оно сконструировало образ Московии как мощной державы, представляющей угрозу для Европы. А. И. Филюшкин пишет: «Помимо публикаций исторических и политических трактатов, записок путешественников, отчетов послов, рассказов географов важное место в формировании информационного поля имели первые газеты и так называемые “летучие листовки”» [18, с. 293]. Именно такие листовки стали способом формирования массового знания о России в XVI веке.

Идея о важности торговых договоренностей между Россией и Францией объясняется сугубо прагматическими целями: примером английской Московской торговой компании и попыткой конкуренции с ней, а также «ростом интереса французских торговцев к рынкам Московского царства» [19, с. 81]. Эти воззрения нашли отражение во многих источниках. Например, французский посол в Дании Шарль де Данзе, занимавший эту должность с 1548 по 1589 г., в письме к королю Генриху III от 15 июля 1571 года сообщал, что для успешной торговли с Россией французский король должен «соблаговолить направить посольство к императору России, чтобы приобрести как на востоке, так и на севере такие же привилегии, что и у англичан» [1, с. 360]. В свою очередь, французский капитан Жан Соваж, прибывший в 1586 году на русский Север, создает текст, в котором Московия рассматривается как место, где можно реализовать свои экономические интересы. По мнению В. П. Трыкова, произведение Соважа – словно «инструкции мореплавателям, как доплыть до Архангельска, нежели описание быта и нравов местных жителей» [20, с. 53].

Формирование образа России во Франции – долгий процесс, истоки которого находятся в Средних веках. На примере рассмотренных источников видно, как некоторые стереотипы развивались и обрастали новыми деталями (идея о холоде, грубых нравах и принадлежности к

«варварской» культуре, а также принадлежности к искаженному греческой традицией христианству), в то время как другие идеи уходили за ненадобностью, отмирали (представление о России как вассале татар; восприятие России как восточной страны). Очевидно, что истоки стереотипов о России нужно искать не только в *сказаниях иностранцев о России.* В защиту этой идеи говорит факт того, что даже авторы первых текстов французской *россики* в своем изложении развивали идеи, связанные с образом России в *коллективной памяти* жителей Франции. Эти стереотипы возникли задолго до XV–XVI веков – так называемого времени открытия Московии европейцами. Это утверждение должны учитывать исследователи, изучающие *россику.*

Но можно ли назвать образ России (Руси, русских княжеств, Московии) во Франции проявлением *ориентализма*? По моему мнению – да. Об этом говорит мифологизация характеров и нравов русского народа, а также упоминания русского в одном ряду с восточными народами.

Список источников и литературы

1. Бруно В. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 525 с.
2. Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 558 с.
3. Колпаков М. Ю. «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI–XVII вв. // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 71–83.
4. Адемар Шабаннский. Хроникон. СПб.: Евразия; М.: ИД «Клио», 2015. 384 с.
5. Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и русское государство в XI–XVI веках. СПб.: Наука, 2021. 310 с.
6. Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Художественная литература, 1976. 655 с.
7. Колпаков М. Ю. «Русь» и «русские» в французской исторической памяти эпохи средневековья // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. Межвузовский сборник научно-методических статей. Т. 5. Псков: Логос Плюс, 2015. 197–209 с.
8. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm (дата обращения: 31.12.2022)
9. Хвалькоў Я. А. Звесткі рускіх летапісаў і крыніц усходняга паходжання аб набегах на рускія землі і аб палітычнай сітуацыі ў Залатой Ардзе // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 107–120.
10. Лучицкий И. В. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. Киев: Университетская типография, 1886. 30 с.
11. Ковалевский М. М. О русских и других православных рабах в Испании // Юридический вестник. № 2. 1886. С. 238–254.

12. Арутюнова Ж. М., Линькова Е. В. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII ВВ. // Вестник РУДН. Сер. История России. № 1. 2016. С. 108–116.

13. Монтень М. Опыты. В трех книгах. В 2-х томах. М.: Наука, 1979. Т. 1. 704 с.

14. Монтень М. Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию. М.: Культ-информ-пресс, 2019. 500 с.

15. Алексеев М. П. Русская тема в европейской литературе: сборник статей и материалов / под общ. ред. В. Е. Багно, П. Р. Заборова, К. С. Корконосенко. СПб.: Нестор-История, 2019. 528 с.

16. Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI - начало XVII в) // Известия Алтайского университета. 2019. № 2 (90). С. 78–86.

17. Thévet André. Cosmographie muscovite / recueillie et publiée par le prince Augustim Galitzin. Paris., 1858. 180 p.

18. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.

19. Колпаков М. Ю.; Михеев Д. В. Английские и французские источники XVI–XVII вв. о Псковской земле // Метаморфозы истории, 2019. №. 13. С. 81–106.

20. Трыков В. П. Образ России в книге Жака Маржерета «Состояние Российской империи и великого княжества Московии» // Наука и школа. 2019. № 2. С. 50–61.

Сведения об авторе

Гайдышев Никита Александрович – студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

Сведения о рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. ORCID: 0000-0003-0782-1656; e-mail: vasilev–yaroslav@yandex.ru

УДК 94(47).027:821.16

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ДАРОВ НА РУСИ В КОНТЕКСТЕ ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ В 1147 Г.

Гребенников Н. Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Россия)
E-mail: grebennikov97@list.ru

ON THE ISSIE OF THE SYMBOLIC SIDE OF GIFTS IN RUS' IN CONTEXT OF MOSCOW'S MEETING IN 1147

N. Y. Grebennikov

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
E-mail: grebennikov97@list.ru

Аннотация. Обмен дарами активно практиковался на территории средневековой Европы в процессе дипломатических сношений между представителями разных знатных домов. Автор статьи ставит своей целью на примере описания ритуала дарообмена в контексте знаменитой встречи в Москве в 1147 г. выявить символический подтекст, стоящий за обменом дарами между Юрием Долгоруким и Олегом Святославичем. В своих наблюдениях автор опирается на концепцию, предложенную М. Моссом: любой обмен дарами в доиндустриальных обществах имеет скрытый, символический смысл. После выхода работы М. Мосса тема даров не раз поднималась в научных кругах. В отечественной медиевистике проблематика дарообмена именно на Руси освещена в работах современных исследователей – А. Вукович, Ю. Н. Кежи, Л. В. Мининковой. Новизну работы формирует заявленная тема – ни в одном исследовании эпизод 1147 г. не рассматривался на предмет символической коммуникации между Рюриковичами. Выводы, к которым приходит автор, позволяют осмыслить встречу в Москве в рамках символической коммуникации.

Ключевые слова: Киевская Русь, Юрий Долгорукий, Олег Святославич, практика дарообмена, межкняжеские взаимоотношения, древнерусское летописание.

Abstract. The exchange of gifts was actively practiced on the territory of medieval Europe in process of diplomatic relations between representatives of different noble houses. The author aims to reveal symbolic implication behind the description of gift-giving ritual between Yuri Dolgorukiy and Oleg Svytoslavich, using the instance of the description of gift-giving ritual in the context of the famous meeting in Moscow in 1147. In his observations, the author relies on the concept adduced by M. Moss: any exchange of gifts in pre-industrial societies has a symbolic meaning. After the publication of Moss's work, the theme of gift-giving was raised more than once in scientific circles. In Russian medieval studies, the problems of gift-giving have been scrutinized in the modern researches by A. Vukovich, Yu. N. Kezha, L. V. Mininkova. The novelty of this paper is formed by the stated theme – in no study the episode of 1147 was considered on the subject of symbolic communication between

the Rurikovichs. The conclusions the author cames to make it possible to comprehend the meeting in Moscow within the framework of symbolic communication.
Keywords: Kievan Rus', Yuri Dolgorukiy, Oleg Svyatoslavich, the practice of gift-giving, inter-principes relations, the Old-Russia chronicling.

Классическая работа М. Мосса о практике дарообмена [1] является основополагающей в вопросах, связанных с выявлением и интерпретацией негласных правил символической коммуникации в доиндустриальных обществах. В ней исследователь показал, что за обычным обменом дарами нередко скрыт подтекст, который понятен участникам этого действия, но в то же время недоступен для понимания сторонних наблюдателей. Таким образом, следует понимать, что в рамках описания обмена дарами, которые запечатлены на страницах средневековых рукописей, последние требуют детального рассмотрения. На наш взгляд, в категориях работы М. Мосса имеет смысл рассмотреть обмен дарами, который практиковался в Руси того времени.

Обращаясь к коммуникативным практикам как внутри общества, так и обращенных вовне, можно говорить, что обмен дарами на Руси X–XIII вв. занимал важную нишу. Это было продемонстрировано в работах последних лет, авторами которых выступают А. Вукович [2], Ю. Н. Кежа [3] и Л. В. Мининкова [4]. Так, А. Вукович на многочисленных примерах XII в. показала, что за обменом дарами равной ценности стоит укрепление уже существующих отношений, к примеру дружбы между разными кланами Рюриковичей [2, с. 76, 78]. Более того, по ее мнению, практика дарообмена в определенных ситуациях может быть поставлена на один уровень с системой выплаты дани, которая иногда формирует отношения между старшими и младшими князьями, а также их родственниками и княжескими служащими [2, с. 77]. По словам А. Вукович, зависимость между князьями, которая устанавливалась посредством передачи дара одариваемому, видимо, сходила на нет, когда взамен даритель получал от одариваемого равноценную вещь [2, с. 89]. Кроме того, дары, передаваемые в храм или монастырь в виде актов меценатства со стороны князей, являлись мерилами для демонстрации их богатства и щедрости [2, с. 90]. Л. В. Мининковой было отмечено, что ритуал дарообмена являлся одним из устоявшихся институтов в обществе Древней Руси с разработанным церемониалом, который укреплял уже сложившиеся в нем отношения [4, с. 19, 29]. По мнению этой исследовательницы, дарообмен в Древней Руси осуществлялся в случаях, «когда отношения между людьми, которые вели к акту дарения, строились

на основе исключительной взаимной приязни» [4, с. 20]. Автором подчеркивается, что дарами могли выступать предметы, которые имели не только материальную ценность, но и символический характер [4, с. 21]. По наблюдениям Л. В. Мининковой, дары в общественных отношениях Древней Руси нередко связаны с географическим положением и культурой «того сообщества, от которого выступал даритель» [4, с. 25, 28, 29]. Материальная же сторона даров на Руси X–XII вв. была подробно исследована в работе Ю. Н. Кежи [3, с. 19–21]. Кроме того, Ю. Н. Кежа систематизировал все эпизоды дарообмена на Руси этого времени, а результаты им сведены в общую таблицу [3, с. 23].

Впрочем, по какой-то причине авторы современных исследований не уделили внимания эпизоду встречи представителей черниговской и ростово-суздальской ветвей Рюриковичей в Москве в 1147 г. В свою очередь, анализ текста известия за этот год формирует новизну данной работы: выбранный материал как нельзя лучше отражает существование негласно регламентированных норм дарообмена в дипломатической практике Киевской Руси, которые, видимо, не имели четкого юридического оформления. Обмен дарами, вероятно, представлял собой сложную систему, и князья – участники этой «игры» – были сведущи в ее правилах, которая велась с определенной целью и с использованием испробованного инструментария.

Встреча 6655/1147 г. между Юрием Долгоруким и Святославом Ольговичем в Москве сопровождается детальным описанием процедуры дарообмена: «…Гюргии ре(че): “Приди ко мне, брате, въ Московъ”. С(вя)тославъ же ѣха к нему съ дѣтятемъ свои(м) Олгомъ в малѣ дружинѣ поима со собою Володимера С(вя)тославича. Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргови и да е пардоусъ; и приѣха по немъ о(тѣ)ць его С(вя)тославъ, и тако любезно цѣловаста въ д(ѣ)нъ пятокъ на похвалоу с(вя)тѣи Б(огороди)ци, и тако быша весели. На оутрии же д(ѣ)нь повелѣ Гюрги оустроити обѣдъ силенъ и створи ч(ѣ)сть великоу им, и да С(вя)тославу дары многы с любовию и с(ы)н(о)ви его Олгови и Володимироу С(вя)тославичу и моуже С(вя)тославлѣ и тако отпоусти и обѣщася Гюрги с(ы)на поустити ему, якоже и створи» [5, стб. 340].

Итак, первоначально по приезде сын Святослава Олег встречается с Юрием в Москве, одаривая ростово-суздальского князя «пардусом».

Толкование данного древнерусского понятия амбивалентно – под ним может скрываться рысь, барс или даже леопард [6, с. 202]. Таким образом, Олег одаривает Юрия экзотическим животным. Известно, что

подношение животного в качестве дара было распространенным явлением в дипломатической практике Средневековья, а держать экзотического зверя при дворе было престижно [7, с. 33–35; 8; 9]. С «пардусом» летописцы были знакомы и приписывали качества, характерные для этого животного, князьям. Вот что сообщает по этому поводу книжник, описывая личность Святослава Игоревича: «Князю С(вя)тославу възрастьшю и възмужавшю нача воя съвокупляти многы и храбры; бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя акы пардусъ…» [5, стб. 52]. Задача не из простых – попытаться интерпретировать качества, которыми наделяет книжник древнерусского князя, но из контекста известия можно говорить, что семантика определенно положительная. Думается, что здесь летописец имеет в виду охотничьи инстинкты и профессионализм, свойственные «пардусу», которые указывают на натуру опытного воина, кем был Святослав в глазах летописца.

Попытаться же разгадать причины, по которым именно этот зверь был подарен Юрию Долгорукому, и символический подтекст, стоящий за такого рода даром, еще сложнее. В то же время причину, за которой скрывается подношение дара Олегом Юрию, следует связывать с тем, что Мономашич до этого одаривал его отца: «…присла к немоу Гюрги, оутѣшивая, рче: “Не тужи о с(ы)ну моемь, аще того Б(о)гъ отялъ, а другии ти с(ы)нъ пришлю”. Присла (Г)юрги дары многы паволокою и скорою и женѣ его, и дроужину его одари по великоу» [5, стб. 339].

Итак, во-первых, «пардус» мог быть осмыслен в категории некой эмблемы власти и репрезентации личности того человека, которому то или иное животное было подарено. Следовательно, «пардус» символизировал сильные стороны личности Юрия (т. е. охотничий профессионализм князя, как это было описано выше в контексте отождествления с «пардусом» Святослава Игоревича), которые предписывались людьми данному зверю и которые закрепились за князем в обществе. Кроме того, Олег Святославич, видимо, с осознанием подходил к выбору подносимого дара Юрию Владимировичу, так как «пардус» являлся желанным охотничьим зверем. Понимал ценность дара и сам книжник, поскольку решил заострить внимание на «пардусе» в контексте описания дарообмена между князьями, а не ограничился простым указанием, что дары были преподнесены от лица Ольговичей Юрию Долгорукому. Важно подчеркнуть, что сам «пардус», видимо, символизировал собой и связь Ольговичей с Половецкой степью, откуда этот зверь мог попасть сначала в Чернигов, а

затем уже быть передан Юрию в качестве дара [4, с. 25]. Во-вторых, подношение в дар Олегом данного экзотического зверя позволяло не только произвести впечатление на ростово-суздальского князя, но и невербально выразить покорность со стороны первого и признание авторитета Юрия.

После приема у себя гостей на следующий день «повелѣ Гюрги оустроити обѣдъ силенъ и створи ч(ѣ)сть великоу им» [5, стб. 340]. Данная фраза летописца указывает на пиршество, которое было организовано по случаю приезда к Юрию черниговского князя со своим сыном и изгнанного муромского князя Владимира Святославича. Пир в Средние века был действием, направленным на укрепление социальных связей. С момента разделения трапезы между участниками застолья образовывалась дружественная связь [10; 11]. В то же время застолье являлось верным способом репрезентации власти, статусности правителя [12, с. 28], где изобилие играло большую роль в сравнении с изысканностью [13, с. 42–45]. Впрочем, не зря книжник отмечает, что пир у Юрия был «силенъ». Наконец, не следует исключать и элемент соревновательности в церемонии обмена дарами между черниговскими князьями и ростово-суздальским [14, с. 10; 5, с. 165]. Безусловно, встреча значимого гостя и верного союзника в своей «волости» не могла обойтись без организации совместного застолья. Но что если взглянуть на пир по случаю приезда княжеских особ к Юрию в Москву как на некоего рода желание Мономашича продемонстрировать силу своей власти посредством богатого застолья в ответ на экзотический подарок со стороны Ольговичей? Этому факту также не противоречит и указание на дополнительные поощрения Юрием за общей трапезой присутствующих князей, где дары являются продолжением обеденного ритуала [2, с. 76]: «…и да С(вя)тославу дары многы с любовию и с(ы)н(о)ви его Олгови и Володимироу С(вя)тославичу и моуже С(вя)тославлѣ и тако отпоусти…» [5, стб. 340].

Способ организации приема гостей, выбранный Юрием, – пир, как и дары, которые раздавались от его имени гостям, предполагают действия публичного характера. Известно, что в Средние века авторитет правителя формировался общественным мнением, а его действия признавались «законными» после их публичной демонстрации [15, с. 325–352; 16]. К тому же при организации пиршества «на кон» ставился авторитет приглашающей стороны. Таким образом, пир, при котором происходил

ритуал одаривания Юрием Долгоруким представителей династии Рюриковичей, являлся еще и усиливающим фактором.

Впрочем, как видно из текста известия, дары были сделаны не только наиболее важным гостям в Москве – ростово-суздальский князь одарил и их «мужей». В них следует видеть представителей княжеского двора. Появление дружинной элиты в процессе застолья и на важных церемониальных представлениях в целом – обыденное явление в контексте летописных известий [17, с. 294, 295]. Тем не менее проявленную щедрость со стороны Юрия нельзя назвать случайностью: знатная прослойка общества всегда являлась неотъемлемой частью формирования образа правителя. Следовательно, Юрий Долгорукий принимал во внимание, что для укрепления союзнических отношения с черниговским князем, а именно с этой целью Юрий Владимирович организовал пир и одарил дарами как Святослава, так и его сына, требовалась и поддержка со стороны княжеской дружины.

Таким образом, наши наблюдения над текстом известия за 1147 г. призваны подчеркнуть, что за обычной встречей между Юрием Долгоруким и Олегом Святославичем стояли не только намерения двух князей укрепить свой союз; присутствие символической, скрытой стороны дарообмена, на наш взгляд, позволяет говорить о своего рода соперничестве между этими князьями на встрече в Москве.

Список источников и литературы

1. Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, коммент. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
2. Vukovich A. The Gift Economy of the Princes of Rus // Ruthenica. Киев, 2019. Т. 15. С. 75–90.
3. Кежа Ю. Н. Княжеские дары в Древней Руси: Символические формы коммуникации и репрезентации власти // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 6–25.
4. Мининкова Л. В. Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, личностях, в идеях. 2015. Вып. 4. С. 18–30.
5. Полное собрание летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 2-е изд. Т. 2. Ипатьевская летопись. XVI с., 938 стб., 87, IV с.
6. Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики / отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 2001. 320 с.
7. Беспальчикова Я. Дары в дипломатической практике Теодориха Великого // Vox Medii aevi: Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура. М.: Черное искусство, 2018. Вып. 1. С. 29–45.
8. Государь и зверь. Вариант средневековой престижной саморекламы // Реклама: культурный контекст. М.: РИП-Холдинг, 2004. С. 35–49.

9. Тарасов А. Е. Верблюд Ивана III: о великокняжеском даре псковскому посольству в 1463/1464 г. // Зело. URL: https://zelomi.ru/journalverblud (дата обращения: 05. 10. 2022).

10. Ветловская В. Е. Летописное осмысление княжеских пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Межвуз. сборник к 80-летию В. В. Мавродина / под общ. ред. И. Я. Фроянова. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. Вып. 10: Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. С. 33–43.

11. Woolgar C. M. Food and the Middle ages // Journal of Medieval History. 2010, Vol. 36. P. 1–19.

12. Rogers B. Feast, Famine and Eating 'Every Nauseous Thing': Portrayals of Food in the Primary Chronicle // Ruthenica. Киев, 2017. Вып. 15. С. 26–34.

13. Бойцов М. А. Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV–XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1995. М.: Наука, 1995. С. 37–67.

14. Альтхоф Г., Штольтберг-Рилинген Б. Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000 – 1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов / пер. с нем. М. А. Бойцова; пер. с польск. М. В. Дмитриева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 8–29.

15. Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с.

16. Connell C. W. Popular Opinion in the Middle Ages: Channeling Public Ideas and Attitude // Fundamentals of Medieval and Early Modern Culture / ed. by A. Classen and M. Sandidge. Berlin – Boston: De Gruyter, 2016. Vol. 18. 347 p.

17. Шайкин А. А. Окружение князя в «Повести временных лет» // Труды отдела древнерусской литературы. 2009. Т. 60. С. 281–310.

Сведения об авторе

Гребенников Никита Юрьевич – студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru.

УДК 94(47).066:655.11(47)

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ «ВОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ» В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Грошев Д. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: groshew.daniil@yandex.ru

THE HISTORY OF THE CONCEPT OF "FREE PRINTING HOUSE" IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Groshev D. L.

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: groshew.daniil@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается неосвещенный в историографии вопрос о возникновении и точном семантическом значении понятия «вольная типография», его развитии и окончательном утверждении не только в канцелярском и государственном, но и общественном дискурсе XVIII в. В основу работы положены принципы истории понятий «Кембриджской школы», выдвинутые К. Скиннером и Дж. Пококом. Помимо этого, в статье использовались историко-критический, сравнительно-исторический, а также дедуктивный методы, используя которые автор анализирует то, как понятие «вольная типография» видоизменялось с ходом времени. В статье делается вывод о том, что понятие изначально возникло в государственной среде и после обнародования указа «О вольных типографиях…» 1783 г. вошло в общественный лексикон.

Ключевые слова: Вольная типография, Екатерина II, история понятий, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев.

Abstract. The article deals with the question of the origin and exact semantic meaning of the concept of "Free printing house", its development and final approval not only in the clerical and state discourse, but also in the public discourse of the 18th century, which was not covered in historiography. The work is based on the principles of the history of the concepts of the "Cambridge School", put forward by C. Skinner and J. Pocock. In addition, the article used historical-critical, comparative-historical, as well as deductive methods, using which the author analyzes how the concept of "free printing" has changed over time. The article concludes that the concept originally arose in the state environment and after the promulgation of the decree "On Free Printing Houses ..." in 1783, it entered the public lexicon.

Keywords: Free printing house, Catherine II, history of concepts, N. I. Novikov, D. I. Fonvizin, A. N. Radishchev.

26 января 1783 г. был обнародован указ «О вольных типографиях», постановлявший «не различать типографий для печатания книг от прочих фабрик и рукоделий» [1, т. 21, № 15634]. Данный документ дал

возможность частным лицам заводить свои книгопечатни, причем без процесса получения какого-то особого разрешения со стороны властных органов. Чтобы открыть подобное учреждение, нужно было обратиться в местную управу благочиния.

Данный сюжет получил довольно широкое рассмотрение как в отечественной, так и в зарубежной историографии [2]. Об этом указе писали дореволюционные историки И. Н. Божерянов [3], А. И. Кирпичников [4], П. П. Пекарский [5] и др., советские историки А. Г. Болебрух [6], С. Р Долгова [7], А. А. Зайцева [8] и др. Однако в историографии не поднимались вопросы о точном значении понятия «вольная типография», о том, почему был избран именно эпитет «вольная», как происходило закрепление данного термина в государственном и публичном дискурсах.

В этом контексте интересно рассмотреть окончательное закрепление понятия «вольная типография» за любой частной, негосударственной типографской компанией. В рамках этой работы мы, пользуясь методологическими установками т. н. Кембриджской школы [9], изложенными в программных статьях К. Скиннера и Дж. Покока, постарались проследить то, как частные типографии стали «вольными», играло ли это какую-то политическую роль, а также попытались выяснить, как появилось понятие «вольная типография».

Для начала стоит остановиться на том, как Екатерина II понимала термин «вольная типография». Императрице явно симпатизировало само слово «вольный», если судить по количеству употребления этого эпитета к различным предприятиям, появившимся в ее правление: «Манифест о вольности дворянства» (изданный Петром III, но активно поддержанный императрицей), Императорское Вольное экономическое общество, Вольное российское собрание при Московском университете и т. д. Обратившись к Словарю Академии Российской 1789 г. мы можем узнать значения слова «вольный»:

1. Непринужденный, самопроизвольный, из доброй воли.

2. Свободный; ни от чьей власти независящий.

3. Властный, имеющий право, силу по своему произволению делать что, или располагать чем.

4. Необузданный, своевольный [10. с. 823–824].

Как мы видим, понятие «вольный» весьма многозначительно, что немного усложняет определение точного значения для конкретной ситуации, однако мы предполагаем, что и при создании различных вольных обществ, и при заведении вольной типографии подчеркивалась их свобода и некоторая независимость. Можно даже говорить о некой сепарации частных предприятий от государственной власти.

Именно под таким углом стоит рассматривать понимание исследуемого нами понятия Екатериной II. Отличной иллюстрацией того, как императрица пользовалась термином «вольная типография», являются материалы по делу Н. И. Новикова, в следствии над которым активное участие принимала сама Екатерина.

В указаниях графу Я. А. Брюсу 23 декабря 1785 г. Екатерина пишет, что нужно подготовить «одного или двух из духовных особ вместе с светскими для освидетельствования книг из новиковской и других *вольных типографий* (здесь и далее курсив наш – *Д. Г.*), где что-либо касается до веры или дел духовных» [11. с. 578]. В этот же день императрица писала с указаниями о создании такой цензуры к архиепископу Платону, также говоря о «Новикова, и прочих *вольных типографиях*» [12. с. 579]. На этом примере мы можем увидеть, как Екатерина четко разделяет «Новикову типографию», т. е. казенную, находящуюся в частных руках, и «вольные типографии», т. е. книгопечатни, находящиеся в частных руках.

Мы можем констатировать, что именно Екатерина II являлась инициатором создания данного понятия, желая подчеркнуть независимость частных типографий, акцентировать внимание на самостоятельности таких книгопечатных предприятий.

Вернемся же к тому, как это понятие закрепилось в государственном дискурсе. Историю развития частного книгопечатания в Российской империи можно разделить на два периода: до указа 1783 г. и после. Первый период берет свое начало в 1771 г., когда иностранному словолитчику И. М. Гартунгу была дарована привилегия на заведение «вольной типографии» для печатания книг на иностранных языках [1, т. 19, № 13572].

Изданию указа предшествовал рапорт Правительствующего Сената, в котором последний сообщал императрице о том, что «во исполнение высочайшего вашего императорскаго величества повеления» была рассмотрена челобитная иностранного подданного И. М. Гартунга. Сенатом также были рассмотрены «представленные от него (от Гартунга – *Д. Г.*) пункты, на каком основании он все то завести желание имеет и был вынесен вердикт – дозволить; и для того дан ему из Сената указ» [12. л. 2-2об].

Указ довольно подробно описывал, на каких условиях И. М. Гартунг сможет завести вольную типографию. В некоторой степени указ представляет собой договор, по которому обе стороны несут ответственность. Власти (в лице императрицы и Сената) несут ответственность за то, что «дозволяется ему (Гартунгу – *Д. Г.*) завести

здесь в Санкт-Петербурге… вольную Типографию» [1, т. 19, № 13572], а издатель, в свою очередь, должен вести работу в рамках установленных условий.

В тексте указа в связи с этим впервые официально был использован термин «вольная типография» [13, с. 192–193]. Как указывает А. Ю. Самарин, понятие было спущено «сверху», т. к. в первый раз мы можем встретить его внутри резолюции, оставленной на полях прошения И. М. Гартунга в виде замечаний, вероятно, А. А. Вяземским – генерал-прокурором Правительствующего Сената [14, с. 15–16].

В пользу государственного происхождения понятия «вольная типография» говорит и тот факт, что в следующем прошении на заведение частной книгопечатни, поданном И. К. Шнором, такой термин не используется, взамен он пишет о «партикулярной типографии», тогда как в ответе Сената снова можно увидеть, как Шнору разрешается завести «вольную типографию» [15, л. 245]. Значит, в 1772 г. иностранные книготорговцы (И. М. Гартунг и И. К. Шнор), подававшие челобитные, либо не знали, либо осознанно не желали употреблять понятие «вольная типография», которое навязывалось им государственным дискурсом.

Текст указа не утверждал исключительности положения И. М. Гартунга. В тексте указа сказано, что и другие люди могли попросить у императрицы разрешения для заведения вольной типографии. Это открывало путь к появлению хоть и малого числа частных типографий, но все же большего по сравнению с первой половиной века. Однако, когда спустя полтора года нашелся человек, готовый взять на себя обязательства по ведению частной типографии, – И. К. Шнор, Сенат, сначала одобривший прошение, все же не пошел ему навстречу.

Далее встречаем исследуемое нами понятие в указе о даровании привилегии на открытие типографии И. К. Шнором и И. Я. Вейтбрехтом в 1776 г. [1, т. 20, № 14495]. Шнор не отказался от своей мечты о частной типографии, и ему удалось добиться результата при поддержке придворного книготорговца И. Я. Вейтбрехта.

В тексте указа можно обнаружить понятие «приватная типография», которое употребляется ими как синонимичное термину «вольная типография». При этом в другом указе Сената – об учреждении типографии при училище бомбардирской роты Лейб-гвардии Преображенского полка в 1779 г. [1. т. 20, № 14911] – употребляется понятие «партикулярный». Можно говорить о формировании некоего общего канцелярского языкового поля, в рамках которого для обозначения

негосударственной типографии применяются прилагательные «вольная», «приватная» и «партикулярная». Это говорит о трудноуловимой для самих государственных деятелей грани между тремя понятиями.

В 1779 г. И. К. Шнор решил завести частную книгопечатню в Твери, на что был получен указ «О дозволении иностранцу Шнору завести в Твери *вольную типографию*». В тексте указа также вспоминается «вольная» книгопечатня И. К. Шнора в Санкт-Петербурге, «вольной» называется и новая, тверская типография. Для создания такой типографии Шнор запросил непростительно много – «1500 рублей, на пять лет, без процентов, и на то же время дать квартиру, состоящую в четырех покоях без платежа», на что, ожидаемо, получил отрицательный ответ: «как ни единая *вольная типография* при своем учреждении не просила о денежной ссуде из казны, равномерно и квартиры, то не может Сенат согласиться на представление… денег из казны» [1, т. 20, № 14927].

Официальным закреплением лидирующего положения именно «вольной типографии» стало условие Сената, выдвинутое в ответ на прошение И. К. Шнора 1779 г.: было заведено правило, что на каждом экземпляре каждого издания, вышедшего из-под станка Шнора, должно было быть указано «напечатано в *вольной* тверской типографии» [1, т. 20, № 14927]. Такая штамповка должна была появиться еще в 1772 г., когда Сенат изначально одобрил первое прошение Шнора, однако тогда итоговый вердикт Сената носил запретительный характер, и правило штамповки так и не вступило в силу [15, л. 245–246].

Финальной точкой закрепления в официальном, канцелярском дискурсе понятия «вольная типография» в значении книгопечатни, находящейся в частном владении, стал упоминаемый ранее указ «О вольных типографиях». После его издания в России начался бурный рост частного книгопечатания, сопряженный с энергичным развитием книжного рынка. Для заведения типографии нужно было обратиться в управу благочиния и заявить о желании открыть «вольную типографию».

С этого начинается постепенное проникновение данного понятия из официального дискурса в публичный. Это связано с тем, что в России нашлись предприимчивые купцы и мещане, решившие попробовать себя на новом поприще – продаже книг. По всей стране стали открываться книжные лавки, а для любой торговой точки остро стоит вопрос – откуда брать товар (в данном случае книги). Решением этой проблемы становится массовое открытие частных типографий, что приводит к тому, что многие

литераторы начинают пользоваться не только возможностью публикации в журнале, но и издают свои книги в вольных типографиях. Благодаря этому начинает меняться сознание людей, а значит, меняются и их дискурсивные практики.

Обратившись к журнальной публицистике 80-х гг. XVIII в., мы можем обнаружить применение исследуемого нами понятия видным писателем Д. И. Фонвизиным в публичной сфере. Он говорит о «вольных типографиях» в рамках дискуссии с Екатериной II, разразившейся в 1788 г., которую он вел от лица известного персонажа «Недоросля» Стародума. Так, Фонвизин пишет: «Она (императрица – *Д. Г.*), отверзая пути к просвещению, сняла с рук писателей оковы и позволила везде охотникам заводить *вольные типографии*, дабы умы имели повсюду способы выдавать в свет свои творения» [16, с. 42].

Д. И. Фонвизин помимо хвалебных слов в сторону императрицы также задавался и вопросами, в основном моралистически-философского характера. Однако на довольно предметный вопрос – «Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжеб своих и решений правительства?» – он получил ответ от Екатерины: «Для того, что *вольных типографий* до 1782 года не было» [16, с. 272]. Этот ответ позволяет нам зафиксировать, что сама императрица использовала именно понятие «вольная типография».

Еще один пример публичного использования исследуемого нами понятия мы можем встретить в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Нападая на цезуру как институт, Радищев писал, что она «сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного». Затем он решил пояснить, что «типографии у нас всем иметь дозволено», но цензура никуда не ушла «и для того, что в *вольных типографиях* ложные могут печатаны быть пропуски, удерживались от общего добра и полезного установления» [17, с. 330]. О частном типографском деле Радищев писал и в других местах «Путешествия…» немного в иных формулировках: «Но, запрещая *вольное книгопечатание*, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей» или же «в Дании *вольное книгопечатание* было мгновенно» [17, с. 333, 346]. Можно заметить, что Радищев чаще имеет в виду под вольным книгопечатанием не типографское дело – писателя больше интересуют вопросы цензуры и свободы слова, потому он предпочитает писать о книгопечатании в общем, при этом употребляя эпитет «вольная» вместо «частная» и «свободная».

Как мы видим, в результате насаждения понятия «вольная типография» «сверху» произошел постепенный переход термина из государственного дискурса в публичный. Такой лингвистический трансфер соответствовал реалиям эпохи и тому, как эти реалии пыталась представить Екатерина II. Как мы показали выше, императрица стремилась подчеркнуть независимость и самостоятельность частных книгопечатен, четко обозначить их эмансипацию от государственного контроля.

Конечно, такой эмансипации служила не только лингвистическая практика. За словами стояли реальные действия – создание управ благочиния, подписание указа «О вольных типографиях», передача цензурных полномочий к управам благочиния от Синода, отвечавшего ранее за цензуру духовной литературы, и от Академии наук, надзиравшей за светскими сочинениями. Последний ход российской власти можно назвать ключевым в процессе эмансипации книжного мира, так как с этого момента цензура передавалась местным полицейским органам, их цензура была менее жесткой и внимательной, что способствовало развитию книжного дела в стране.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «вольная типография» глубоко проникло в публичный дискурс, стало нормой для обозначения частного предприятия по печати книг. Мы можем констатировать, что произошел плавный переход понятия из сугубо канцелярского, государственного дискурса в общественный лексикон. Это привело к закреплению в сознании образованных слоев общества понимания вольных типографий как свободных и независимых.

Список источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг / под редакцией М. М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 19–21.

2. Marker G. Publishing, printing, and the origins of intellectual life in Russia, 1700–1800. Princeton: Princeton University Press/ 1985. 287 p.

3. Божерянов И. Н. Исторический очерк русского книгопечатного дела. СПб: Т-во «Общественная польза», 1895. 61 с.

4. Кирпичников А. И. Очерк истории книги. С. – Петербург, Тип. Н. А. Лебедева. 1888. 72 с.

5. Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России XVIII века. СПб.: Типография императорской академии наук, 1869. 224 с.

6. Болебрух А. Г. Борьба русского самодержавия с передовой общественно-политической мыслью во второй половине XVIII в. (На материалах деятельности цензур. органов): автореф. дис. … канд. ист. наук / Днепропетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. Днепропетровск, 1972. 17 с.

7. Долгова С. Р. О первых владельцах частных типографий в России (И. М. Гартунг и И. К. Шнор) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 32. М.: Книга, 1976. 230 с.

8. Зайцева А. А. Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века. СПб: БАН, 2004. 365 с.

9. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост.: Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 628 с.

10. Словарь Академии Российской. Т. 1. СПб.: Императорская Академия наук. 1789. 636 с.

11. Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л.: Госполитиздат. 1951. 744 с.

12. РГАДА. Ф. 17. О. 1. Д. 258. Рапорт Сената Екатерине II и указ императрицы с разрешением завести вольную типографию в Санкт-Петербурге И. М. Гартунгу для издания книг на иностранных языках.

13. Самарин А. Ю. Первая в России частная типография И. М. Гартунга // Книга. Исследования и материалы. Сб. 85. М.: Наука, 2006. С. 331.

14. Самарин А. Ю. Типографщики и книгочеты. Очерки по истории книги в России второй половины XVIII века. М.: Пашков дом. 2015. 407 с.

15. РГАДА. Ф. 248. О. 43. Кн. 3790. По предложению господина генерал-прокурора и кавалера о собрании известий о типографиях на каком основании оные учреждены на шестидесяти двух листах.

16. Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. М.; Л.: Госполитиздат, 1959. 745 с.

17. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1938. 528 с.

Сведения об авторе

Грошев Даниил Леонидович – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Сведения о рецензенте

Борисевич Даниил Андреевич – старший научный сотрудник Государственного архива новейшей истории Новгородской области, ассистент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: danya_novsu@mail.ru

УДК 94(47.332).03:340.153(47.332)

ПРАВОВОЕ УСТРОЙСТВО ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА XIII ВЕКА В СОДЕРЖАНИИ СМОЛЕНСКОЙ ТОРГОВОЙ ПРАВДЫ

Жуков В. В., Павлов Е. Н.

Смоленский государственный университет
(г. Смоленск, Россия)
E-mail: e-n-pavlov-mail@yandex.ru; gukov-vlad-vlad@mail.ru

LEGAL STRUCTURE OF THE OLD RUSSIAN STATE OF THE 13TH CENTURY IN THE CONTENT OF THE SMOLENSK TRADE TREATY

Zhukov V. V., Pavlov E. N.

Smolensk State University
(Smolensk, Russia)
E-mail: e-n-pavlov-mail@yandex.ru; gukov-vlad-vlad@mail.ru

Аннотация. Процесс становления унифицированной правовой системы древнерусского государства является одним из дискуссионных исторических вопросов. В связи с этим крайне актуальным вопросом является использование исторического опыта, исследование правовых реалий финансовых отношений прошлого. Так, ценнейшим источником торгового характера является Смоленская правда 1229 года, анализ которой позволяет воссоздать правовую модель экономических связей приграничья древнерусского государства со странами Запада с учетом особенностей конкретной эпохи. В этой связи в исследовании рассматриваются основы нормативного регулирования, характер торговых отношений, изучается денежная система Смоленска, на основании чего делаются выводы об исторической ценности источника.

Ключевые слова: Смоленск, торговая правда, купечество, международный договор, источник, соглашение.

Abstract. The process of formation of a unified legal system of the ancient Russian state is one of the debatable historical issues. In this regard, an extremely topical issue is the use of historical experience, the study of the legal realities of financial relations of the past. So, the most valuable source of a commercial nature is the Smolensk treaty of 1229, the analysis of which makes it possible to recreate the legal model of economic relations between the borders of the ancient Russian state and the countries of the West, taking into account the characteristics of a particular era. In this regard, the study examines the basics of regulatory regulation, the nature of trade relations, the monetary system of Smolensk is studied, on the basis of which conclusions are drawn about the historical value of the source.

Keywords: Smolensk, trade treaty, merchants, international agreement, source, agreement.

Исторически земли Смоленского княжества имели большое экономическое значение в связи с выгодным географическим положением,

город издревле поддерживал торговые связи не только с древнерусскими княжествами, но и с представителями зарубежных государств.

Продолжительное время обозначенные договоренности носили исключительно устный характер, опираясь на традиции и торговые обычаи, соглашения не получали документального оформления. Однако уже в первой четверти XIII века экономические взаимосвязи приграничья с Западом принимают определенный характер, упорядочиваются, входят в обозначенные правовые рамки. Первым правовым договором, объединившим в себе вопросы экономических взаимоотношений соседних стран, стала «Смоленская торговая правда». Договор, заключенный между Смоленском, Полоцком, Витебском с одной стороны и Ригой, Готландом – с другой, датируется 1229 годом. Вместе с развитием правовой системы государства грамота будет дополняться актуальными позициями, но на долгое время останется основополагающим международным актом.

Данный памятник права является главнейшим источником для изучения истории торговли Смоленска с Западом в XIII веке [1]. Более того, нормативный акт воспринимался как договор крайней значимости и в период своего действия. Сам термин «правда», использовался в отношении лишь тех актов, которым приписывалось особое значение, как правило, общегосударственного масштаба. Долгое время «кривичская» правда оставалась предметом научного интереса многих исследователей как в отечественной истории, филологии, так и на страницах зарубежной литературы, особенно немецкой. Продолжительное время дискуссионным оставался вопрос датировки, который на сегодняшний день окончательно разрешен в пользу 1229 года [2, с. 55-61].

Определить точные хронологические рамки появления первых немцев в городе сегодня невозможно. Но уже в начале XIII столетия факт участия купечества немецких городов в жизни Смоленска является неоспоримым. Так, в содержании договора Мстислава Давидовича констатируется факт оседлости, построена собственная церковь, торговый и жилой двор, деятельностью группы руководит староста. Уже к середине века на данной территории будет организована слобода [3, с. 287–294].

Отдельно необходимо отметить состав товаров, экспортируемых с территории княжества. Так, вывозимыми товарами были по большей части ресурсы, в первую очередь дерево, пенька, большой объем занимал скот, лошадь, однако особо ценными товарами считали мед, воск, и смолу. Из Европы в Смоленск прибывали материалы ткацкого производства, среди них представляется возможным выделить сукно – ипрское, трирское, красное французское, интересной позицией является засахаренный в емкости «инбирь», винные напитки, соль [4, с. 98–101]. Перечень

перечисленных позиций не является исчерпывающим, однако позволяет констатировать факт масштабности, значимости таких торговых сношений.

Переходя к содержанию международного договора, выделим основную цель его заключения, соответственно которой документально закреплялись правовые нормы, гарантирующие стабильность взаимоотношений Смоленского княжества с западными государствами, базируясь на основе равенства, взаимоуважения и учета интересов обеих сторон. Так же регулировались вопросы уголовного и гражданского права, составленные в соответствии с Русской правдой, определялся порядок судопроизводства в отношении экономических разбирательств [1]. Обозначенные нормы действовали и прежде, однако получили письменное закрепление лишь в соглашении 1229 года.

При этом в содержании грамоты присутствовали и правовые новеллы, основополагающим организационным принципом является паритетность, которая трактовалась как назначение равного правового статуса в стране пребывания немецким и русским купцам, что отдельно отмечалось в завершении каждой из статей договора: «Такую правду взятии Русину и Ризе и на Гойским березе» [1, с. 19].

Смоленский договор гарантировал реализацию определенных свобод участникам соглашения, в первую очередь выделим право открытого транзита купечества через границы государств, более того, территориальные передвижения торговцев не ограничивались лишь Смоленском, а распространялись на Полоцк и Витебск [5, с. 103–114]. В свою очередь представители русской торговли распространяли свои экономические связи в Риге, Готланде и в Любеке. Согласно трактовкам содержания договора, предполагалась розничная и оптовая торговля. Некоторые нормы гарантировали защиту прав купечества в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, например, в случае кораблекрушения собственность оставалась в пользовании хозяина товара, его конфискация воспрещалась [1, с. 27].

Хотя договор и строился на началах равенства участвующих сторон, представляется возможным проследить некоторые отклонения от нормы, так, пошлина в отношении провоза и продажи драгоценных металлов, меда, воска разрешалась в интересах русского купечества, что, в свою очередь, диктовалось изначально заданной экономической линией [6, с. 19–27]. Однако в ряде ситуаций некоторые преимущества оставались на стороне немецкой части договора, в области кредитной торговли готландские купцы имели определенное превосходство.

Несмотря на структурную продуманность, актуальность статей договора и наметившееся стремление участников соглашения к

стабилизации международных отношений, череда событий, иногда незначительных, а иногда и довольно серьезных, вела к неизбежным столкновениям западных земель Древнерусского государства с ближайшими соседями.

Помимо этого, еще большую ценность источнику придает факт того, что в нем содержится информация о так называемой «Смоленской денежной системе» [7, с. 74–82]. Наименование является формальным, поскольку территориально финансовая система распространялась, в том числе, и на территорию Половецкого княжества, где система являлась основной в период 20–60-х гг. XIII века. В договоре упоминается несколько денежных единиц, крупнейшей из них является «гривна серебра», после – «коуна смольнеская» и самая мелкая – «векша» [8, с. 174–180]. То есть Смоленская Правда 1229 г. представляет огромный интерес не только тем, что она регламентирует основы осуществления торговой деятельности Смоленского купечества и правила торговли с Ригой, Готским берегом и германскими ганзейскими городами, но и из-за факта того, что в ней приводятся денежные единицы, позволяющие проанализировать особенности денежной системы, функционировавшей в Смоленском княжестве в XIII в.

Таким образом, основное значение грамоты 1229 года, заключенной между городами древнерусского пограничья с ближайшими государствами на западе на паритетных, справедливых началах, определяется в закреплении уже существующих правовых норм. Так, гарантировались стабильные взаимоотношения, в основе которых находились принципы равноправия и общей заинтересованности в благоприятности условий торговли [1]. Регламентировались основы судопроизводства в вопросах, необходимых к взаимному разрешению, подтверждались реалии уголовного и гражданского права, провозглашенные Русской Правдой. Поскольку обе стороны отношений находились на примерно равном уровне развития экономики, «кривичская» правда является ценным источником, отражающим правовые установки как княжеств западного пограничья, так и Риги, Готланда, анализ источника позволяет в определенной степени восстановить социально-экономический фон эпохи. Так же в соглашении упоминается уникальная денежная система, посредством которой возможно оценить степень развития древнерусских княжеств в XIII веке. Многие нормы торговой грамоты 1229 года нашли свое отражение и в актуальном правовом поле, что позволяет констатировать факт влияния особенностей исторического развития государства на характер национальных законодательств в современности.

Список источников и литературы

1. Смоленская Правда 1229 г. «Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г.» // Смоленские грамоты XIII-XIV веков / подг. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М.: АН СССР, 1963. С. 18–52.

2. Зимин А. А. 1229 г. Договор («Правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом // Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. Сер.: Памятники русского права. Вып. 2. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1953. С. 54–98.

3. Усачев Н. Н. О внешней торговле Смоленска в IX–XIV веках // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 7. М.; Смоленск: Московский рабочий, 1970. С. 287–318.

4. Янин В. Л. «Память, как торговали новгородцы» (к вопросу об эволюции денежной системы в XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1985. Т. XVI. С. 98–114.

5. Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР, 1966, № 3. С. 103–114.

6. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука.1980. 262 с.

7. Бектинеев Ш. И. Региональные денежные системы ВКЛ в середине XIII – первой трети XV в. // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына: Матэрыялы. навук.-практ. канф., Гальшаны-Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г. Минск: Беларуская навука, 2007. С. 74–97.

8. Котляр Н. Ф. Древнерусские монетные гривны (опыт классификации и хронологизации) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 174–180.

Сведения об авторах

Жуков Владислав Валентинович – студент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

Павлов Евгений Николаевич – студент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

УДК 930.2(47):72.03(47)

К ВОПРОСУ О САМОБЫТНОСТИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XVII ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Колычева А. В.

Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)
E-mail: annakolycheva17@gmail.com

TO THE QUESTION OF THE IDENTITY OF RUSSIAN ARCHITECTURE OF THE 17TH CENTURY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Kolycheva A. V.

Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)
E-mail: annakolycheva17@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о самобытном характере русской архитектуры XVII столетия в отечественной исторической науке. В работе разбираются концепции дореволюционных, советских и постсоветских исследователей о происхождении и формировании особенностей исторического пути развития русского зодчества петровской эпохи в череде европейских и восточных тенденций. Предпринята попытка определить с помощью применения историко-генетического и историко-сравнительного метода наиболее преобладающую научную позицию по данной проблеме и выделить предлагаемые способы ее решения в историографической среде на основе принципов историзма и системности. На основании историографического обзора делается вывод о связи русского зодчества с западными и восточными архитектурами, а также о степени влияния иноземных архитектурных образцов на закладывание русских средневековых фундаментов XVII в. Автор доказывает, что наиболее правомерной является концепция, утверждающая, что русское зодчество XVII в. неразрывно связано с европейской и общемировой средневековой архитектурой, но при этом не сводится к рабскому подражанию ее художественных элементов и остается вполне самобытным видом русского искусства.

Ключевые слова: русское зодчество, самобытность, отечественная историография, европоцентризм, вестернизация.

Abstract. The article is devoted to the study of the question of the distinctive character of Russian architecture of the 17th century in Russian historical science. The article examines the concepts of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet researchers about the origin and formation of the features of the historical path of development of Russian architectonic of the Peter the Great era in a series of European and Eastern trends. An attempt is made to determine by using the historical-genetic and historical-comparative method the most predominant scientific position on this problem and to highlight its proposed solutions in

the historiographical environment based on the principles of historicism and systemacity. Based on the historiographical review, it can be concluded that Russian architectonic is connected with Western and Eastern architectures, as well as the degree of influence of foreign architectural patterns on the laying of Russian medieval foundations of the 17th century. The author proves that the most legitimate concept is that Russian architectonic of the 17th century is inextricably linked with European and global medieval architecture, but at the same time it is not reduced to slavish imitation of its artistic elements and remains quite an original kind of Russian art.

Keywords: Russian architecture, identity, Russian historiography, Eurocentrism, Westernization.

Архитектура – тоже летопись мира, она
говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания,
и когда уже ничто не говорит о погибшем народе.
Николай Васильевич Гоголь

История русского архитектурного творчества неотрывно связана с историей России, в ней неоднократно поднимались вопросы о ее национальной самоидентификации, ментальности, месте в общемировом культурном пространстве, выборе пути развития и приобщении к наследию западноевропейской цивилизации.

Сегодня особенно актуальным является вопрос о характере русского архитектурного наследия, который по сей день не имеет единого общепринятого ответа в спектре наук гуманитарного профиля, т. к. до сих пор возникают трудности в установлении истоков происхождения русского зодчества, полемики по поводу его живописной и стилистической направленности в круговороте исторических событий и в системе зарождающихся в Европе ренессансных и барочных течений [1, с. 156].

Историки не могут прийти к единому мнению о том, самостоятельна или подражательна русская архитектура. В каждый период в историографии выделялись разные гипотезы, свидетельствующие либо о заимствовании художественных форм, либо о чисто русском, неповторимом характере архитектурного творчества.

Из всех этапов истории русского зодчества в данном исследовании на основе историографического анализа рассмотрен именно XVII в. как переломная эпоха в становлении прогрессивного стилеобразования. В ходе работы была сделана попытка выделить наиболее преобладающую и объективную научную позицию по проблемному вопросу самобытности русского зодчества XVII в. в отечественной историографической среде.

Изучая особенности процесса модификации и взаимодействия русской архитектурной традиции с общемировыми архитектурными стилями в XVII в., отечественные представители научной историографии,

а также теоретики архитектуры и искусств разделились во взглядах относительно наличия или отсутствия общемирового культурного воздействия на развитие и расцвет русского зодчества XVII в.

Сторонники первой теории утверждают, что русское зодчество XVII в. как полностью независимый феномен не утвердилось, а сложилось благодаря посредническому иноземному вмешательству, отразившемуся в той или иной степени на дальнейшем художественном уровне развития русской архитектуры.

Так, советский историк-искусствовед А. И. Некрасов в монографии «Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века» (1936) писал, что последнее двадцатилетие XVII в. является заключительным расцветом древнерусского зодчества после второй крестьянской войны – восстания Степана Разина в 1667–1671 гг. [2, с. 297].

По мнению Некрасова, такие события, как установление посредничества между Московским государством и странами Запада и Востока, а также присоединение Украины, создали благоприятные условия для выявления новых иностранных компонентов в московском искусстве.

Раскрывая влияние украинского зодчества на московскую архитектуру XVII в., А. И. Некрасов находит выражения барокко в типе церкви Густынского монастыря в Полтавском районе, построенной в 1672 г., а также в базиличной церкви в Субботове на Полтавщине 1653 г.

При этом в постройке в 1696–1698 гг. на Украине церкви на Экономических воротах Киево-Печерской Лавры А. И. Некрасов видит украинский тип церкви, но в ее деталях – черты московского зодчества [2, с. 355–357]. Таким образом, ученый прослеживает связь между обеими архитектурами, считая, что украинское зодчество получило барочное истолкование, но в конце XVII в. попало под влияние московского архитектурного воздействия.

Современный российский культуролог А. К. Конёнкова в статье «Западноевропейские традиции в русской архитектуре XVII в.» (2015), анализируя специфику русско-английских отношений XVII в., придерживается той точки зрения, что работавшие в России английские архитекторы оставили значительный вклад в сложении архитектурных ансамблей Москвы в первой половине XVII столетия, принеся в русское средневековое зодчество как новые строительные приемы, так и декоративные мотивы, распространенные в то время в Западной Европе.

Автор, ознакомившись со свидетельствами о реконструкции Спасской (Фроловской) башни Московского Кремля в период с 1624 по 1625 гг., высоко оценивает в этом заслугу приглашенного в 1621 г. царем

Михаилом Федоровичем шотландского механика и архитектора Христофора Галовея. На момент починки башни архитектор заменил часовой механизм и существенно изменил облик Спасской башни, который до реконструкции был совершенно иным [3, с. 178].

Внешний вид Кремлевских башен, построенных в период XV в., значительно отличался от результатов ремонтных работ, произведенных в XVII в. Но А. К. Конёнкова не обходит стороной тот факт, что для реконструкции также были привлечены русские художники и архитекторы. В качестве подтверждения ученый упоминает о роли в обновлении фактуры башни мастеров Лопяло Карло Карловича, увенчавшего Спасскую башню двуглавым орлом, и всем небезызвестного «каменных дел мастера» Бажена Огурцова, сотрудничавшего вместе с Галовеем.

А. К. Конёнкова отмечает, что, благодаря совместной архитектурно-строительной деятельности Галовея и других русских мастеров в начале XVII в., было положено начало формированию своеобразного величественного силуэта архитектурного ансамбля Московского Кремля и центральной части Москвы.

Исходя из анализа первой научной концепции, можно сделать вывод, что как такого насильственного и губительного иностранного вмешательства и его полной переориентации в постулатах русской архитектурной традиции не было. Историко-культурный парадокс «притяжения-отторжения» русского зодчества XVII столетия по отношению к иностранной вестернизации послужил действенным и действительно полезным фактором формирования специфически русского национального характера. Такой позиции придерживались историки и искусствоведы в лице М. И. Рзянина, Г. К. Вагнера, Т. Ф. Владышевской, П. Н. Милюкова, А. А. Ароновой, В. Г. Власова, Н. Ю. Лукиной, Л. К Масиеля Санчеса и т.д.

В противовес данной теории выступают приверженцы исконно «русского» исторического пути русской архитектуры, которые опровергают точку зрения на признаки заимствования и приобретения иностранной архитектоники, отказываясь воспринимать в русском зодчестве XVII в. сильные отсветы западноевропейского художественного мировоззрения.

Одним из таких сторонников автохтонного характера развития русского зодчества является советский искусствовед и историк архитектуры М. А. Ильин, считавший, что зодчие XVII в. находились в

новых поисках более выразительных форм, но искали их не в западном или восточном архитектурном наследии, а обращались к переосмыслению, к переработке собственных техник, например, к тем декоративным шатрам, которые украшали русские воротные башни деревянных укреплений, заложенных еще в XVI в.

В четвертой главе четвертого тома тридцатитомной монографии авторского коллектива «История русского искусства» (1959) М. А. Ильин выделяет наиболее декоративный и исключительно сильный по-своему художественному языку памятник русского зодчества XVII в. – храм в с. Остров, возведенный около 1646 г. на башнеобразном крещатом основании, относящийся еще к XVI в. [4, с. 135]

Учитывая происходившие военные события в начале XVII в., М. А. Ильин также утверждает, что монастыри сыграли немаловажную роль в оборонительных мероприятиях Московского государства в период «лихолетия», на базе подъема патриотических настроений которого возникала потребность в сохранении не только страны, но и ее консервативных архитектурных основ от иностранного поглощения. Так, служивший ранее в качестве оборонительной крепости Свято-Троицкий женский монастырь в Муроме защитил свои поэтические образы и воплотил их в своем русском архитектурном ансамбле [4, с. 151–152].

В советской историографии мысль о преломлении ветвей иностранного влияния и идеологии заказчиков через опыт, сознание и традиции русских зодчих встречается и в авторской монографии советского историка архитектуры и археолога П. А. Раппопорта «Древнерусская архитектура» (1993), в которой ученый выводит гипотезу, что массовость строительства позволяла народным вкусам гораздо глубже, чем в прошлую эпоху, проникать в массовое зодчество.

В храмах Каргополя П. А. Раппопорт выявляет национальные исключительные свойства, отражающие местную архитектурную традицию, памятники которой были выполнены не из кирпича, а из камня, обрисовавшие красочные декоративные элементы. Одним из таких сооружений является церковь Рождества Богородицы, строившаяся в период с 1678 по 1680 гг., в ней автор оценивает искусно проделанную работу каргопольских зодчих, которые смогли продемонстрировать насыщенную и выразительную каменную резьбу [5, с. 209].

Поддерживает идею М. А. Ильина о консервации старой типологии и декоративных форм в послесмутное время советский и российский специалист по древнерусскому искусству И. Л. Бусева-Давыдова в книге

авторского коллектива «Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века» (1996), аргументируя это тем, что таковы были материальные и идейные соображения населения. Искусствовед подчеркивает, что разрыв культурной традиции, вызванной сложившемся неблагоприятными политическими и экономическими обстоятельствами, остро переживался русским обществом, которое, как и европейское в Средние века, было ориентировано на восстановление потерянных архитектурных ценностей.

Такое воспроизведение форм И. Л. Бусева-Давыдова обнаруживает в церкви Святого Зосимы и Савватия Троице-Сергиева монастыря, построенной приблизительно с 1635 по 1637 г., в которой исследователь отмечает изысканность архитектурного решения постройки [6, с. 426–427].

И. Л. Бусева-Давыдова делает вывод, что русское зодчество XVII в. не переставало искать разные средства, для того чтобы выйти на новый, более качественный уровень строительства, имеющий идеалы, отличающиеся от традиционной древнерусской и впоследствии сменившей ее архитектуры Петровской эпохи [6, с. 454].

Таким образом, изучив вторую научную концепцию по вопросу самобытности русского зодчества в XVII столетии, можно сделать вывод, что события Смутного времени сильно пошатнули накопленные веками архитектурные базисы, большинство построек было разрушено, не все из них дошли до наших дней. Но сохранившиеся из них позволяют исследователям сослаться на те природные, коренные формы, которые были заложены местными, русскими мастерами своего дела.

Ведь русское зодчество XVII в., впитав и творчески переработав на протяжении столетий разнообразные художественные замыслы, произвело и обновляло с каждым разом собственную систему общерусских архитектурных ценностей, предопределивших дальнейший процесс развития пространственного искусства уже в XVIII в., такой взгляд прослеживается в работах Ф. Ф. Горностаева, С. Я. Забелло, В. Н. Иванова, П. Н. Максимова, А. Л. Баталова и др.

В ходе данного историографического анализа был сделан вывод, что несмотря на наличие двух противоречащих друг другу научных позиций по поставленному вопросу, наиболее преобладающей считается вытекающая из них третья, более объективная научная концепция, сводящаяся к тому, что становление и расцвет русского зодчества XVII столетия несомненно были связаны с европейской и восточной средневековой архитектурой, но при этом они не сводились к

«механическому» подражанию их художественным разрозненным элементам.

Русское государство, обладавшее собственным богатым культурным потенциалом, испокон веков искало вдохновение и творчески воспринимало тенденции извне, что обеспечивало его вхождение в западноевропейское историко-культурное пространство и породило те памятники, которые трактуют в себе сочетание «модных», передовых форм с традициями глубоко консервативными, выработанными еще в древнерусском зодчестве.

Русское зодчество XVII в. изначально включило в фундаментальные процессы своего цивилизационного исторического развития «умные, смелые и гибкие заимствования» от всех просвещенных, сопредельных и дальних архитектур. Несмотря на приобщение русских зодчих к новшествам западноевропейской архитектуры и на наследие ее духовного опыта, местные творцы русских архитектурных школ XVII в. дали о себе знать Западной Европе, демонстрируя свои исконно русские национальные черты, характеризующие быт и нравы русского населения [7, с. 95].

Архитектура, выросшая из православия и впитавшая компоненты многих ее составляющих, сформировала направленность сознания русских мастеров, чей характер постройки учитывался, исходя из светового климата, способа выработки художественных форм и средств, позволявших в условиях рассеянного освещения более четко воспринимать пластику и тектонику сооружения, а также его детали. И сохранность русских изразцов на сегодняшний день позволяет судить о хорошо разработанной русской технологии и высоком качестве производства [8, с. 90].

Процесс взаимообогащения, взаимовлияния и даже некоторой духовно-эстетической конкуренции мировых архитектур является универсальным феноменом общечеловеческой истории [9, p. 260–261]. Преобразование иноархитектурных заимствований воспринимается больше как прикладной, вспомогательный фактор, работающий на вскрытие самобытно-почвенной манеры русского архитектурного творчества, ставшей еще с третьей четверти XVI в. частью художественного языка русского зодчества, что является показателем подлинности, величественности и исключительности как самого пространственного искусства, так и всей русской культуры в общем [10, с. 238].

Список источников и литературы

1. Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993. С. 138–171.
2. Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936. С. 351–393.
3. Конёнкова А. К. Западноевропейские традиции в русской архитектуре XVII в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2015. № 10. С. 177–181.
4. История русского искусства. Т. 4: XVII век и его культура / под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. Н. Лазарева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 121–153.
5. Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб: Стройиздат. Санкт-Петербургское отд-ние, 1993. С. 188–224.
6. Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI–XVII века / под ред. В. В. Бычкова. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1996. С. 426–458.
7. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х ч. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. Ч. 1., вып 1. 181 с.
8. Ерошкин В. Ф. К вопросу о производстве и использовании изразцов в русской архитектуре XVII века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8 (1). С. 90–93.
9. Viollet le Duc. L'Art Russe: Ses origins, ses elements constitutifs, son apogee, son avenir. Paris: V-e A. Morel et C-ie, eduteurs, 1877. P. 255–261.
10. Баталов А. Л. Особенности итальянизмов в московском каменном зодчестве рубежа XVI–XVII веков // Архитектурное наследство. 1986. № 34. С. 238–245.

Сведения об авторе

Колычева Анна Владимировна – студентка, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

Сведения о рецензенте

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

УДК 94(47).05

ОБРАЗ ПЕТРА I В ПАНЕГИРИКАХ СТЕФАНА ЯВОРСКОГО

Коротин В. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)
E-mail: vyacheslav.korotin@gmai.com

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN PANEGYRICS BY STEFAN YAVORSKY

Korotin V. A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)
E-mail: vyacheslav.korotin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается образ Петра I на основе панегирических сочинений Стефана Яворского. Методологической основой исследования служит история понятий. Автор ставит перед собой задачу рассмотреть конструируемый Стефаном Яворским образ Петра I в контексте культурных преобразований Петра, выявить общие интенции в тексте источников и сопоставить их с панегирическими сочинения других авторов. Рассматривается несколько характеристик в образе правителя: представления о Петре как о реформаторе, образ христианского правителя и особенности обращения к титулу «Отец Отечества». Особое внимание обращается на образ Петра I как христианского царя ввиду социального происхождения Стефана Яворского и общего культурного контекста России начала XVIII в. В конце сделан вывод о месте образа Петра I, созданного Стефаном Яворским, в российской культуре петровской эпохи и о его близости к идеям самого российского монарха.

Ключевые слова: Петр I, Стефан Яворский, панегирик, христианский правитель, Отец Отечества.

Abstract. The article considers the image of Peter the Great using the panegyrics of Stefan Yavorsky. History of concepts is the methodological basis of the article. The author aims to analyze the image of Peter the Great built by Stefan Yavorsky in the context of cultural changes of Peter the Great, to reveal common intentions in the text of the sources and to compare them with the panegyrics of other authors. Several characteristics in the image are considered: the ideas of Peter the Great as a reformer, the image of a Christian Monarch and the features of the appeal to the title “Father of the Fatherland”. Particular attention is paid to the image Peter the Great as a Christian Monarch because of Stefan Yavorsky’s social origins and the general cultural context of the early 18th century Russia. The conclusion is made about the position of the created by Stefan Yavorsky image of Peter the Great in Russian culture of the first quarter of the 18th century and about its affinity to the ideas of the Russian monarch himself.

Keywords: Peter the Great, Stefan Yavorsky, panegyric, Christian Monarch, Father of the Fatherland.

Митрополит Рязанский (с 1700 г.) Стефан Яворский был одним из ключевых деятелей Русской православной церкви петровской эпохи. После смерти патриарха Адриана он в 1700–1722 гг. фактически являлся местоблюстителем патриаршего престола. Стефан был одним из представителей малороссийского духовенства, чье появление в Москве вписывалось в тенденцию активного поставления Петром I «украинских архиереев с их латинской образованностью, западными культурными навыками и привычкой к католическому богословию», что, как отмечал В. М. Живов, было «революционным переворотом, открытым вызовом великорусскому духовенству» [1, с. 41]. Выбор именно Стефана Яворского на роль проводника петровских идей в церковной сфере обуславливался как его высокой образованностью, так и надеждой на управляемость, ставка на которую, как стало понятно к середине 1710-х гг., не оправдалась [1, с. 45; 2, с. 117]. Как результат, Петр I в качестве ближайшего сподвижника в деле церковных преобразований выбирает Феофана Прокоповича вместо Стефана Яворского [1, с. 56–57].

Исследователи петровской эпохи (в частности, культурной и идеологической сфер) нередко обходят стороной панегирические сочинения Стефана Яворского, ведь перед глазами есть пример Феофана Прокоповича – идеолога реформ, который до конца следовал за Петром I, в отличие от Стефана. Кроме того, в ряде случаев этих двух авторов противопоставляют. Так, Ю. В. Кагарлицкий отмечает, что для творчества проповедников петровской эпохи характерны две риторические стратегии. Для первой характерна привязка авторитетной топики к выбранной ситуации и восхваление как повод для перечисления черт морального идеала, которым может быть, например, Петр I [2, с. 118–119]. Во второй авторитетная топика используется для обоснования своей правоты и/или неправоты оппонентов. По мнению Ю. В. Кагарлицкого, первую представляет Стефан Яворский, а вторую – Феофан Прокопович [3, с. 254–255].

Феофана Прокоповича можно считать вторым после Петра идеологом и пропагандистом реформ. Поэтому в дальнейшем мы будем сравнивать образ Петра I, выстраиваемый Стефаном Яворским, с аналогичными или похожими из сочинений Феофана Прокоповича. Мы рассмотрим три наиболее подробно описанные характеристики: образ Петра как реформатора, использование титула «Отец Отечества» и представления о Петра как о христианском правителе.

Для панегириков Стефана Яворского характерна идея, что в правление Петра I «посети Бог государство Российское, егда аки засея семена преславных побед» [4, с. 113]. Так Стефан Яворский объяснял военные победы: при Лесной, у Полтавы, да и в целом территориальные завоевания России по ходу войны («милосердным посещением Бог дарова градов неприятельских» [4, с. 116]). Аналогичным образом объяснялись преобразования Петра и, в частности, учреждение флота. Появление у России полноценного морского флота занимает особенное место в панегириках. Если большинство петровских преобразований Стефан Яворский, Феофан Прокопович и другие проповедники называли «исправлением», «оздоровлением» и «воскрешением» России, то в отношении флота риторика иная по той причине, что это уникальный феномен в российской истории. Как писал Стефан Яворский: «А наипаче кто прежде его флоти и корабельную войну, прежде в России не видану, ни слыхану устави; Никтоже. Были и прежде Его отцы и предки Его в мужестве преславнии, но в ином деле общем всем Российским Монархом. Буде даст Бог, и по нем сын Его и сынове сынов Его, отеческия и дедичныя славы наследницы, но от него будут имети начало: на него яко начальника вся их похвала отзыватися будет. Он первый образец корабельной войны показал: Он первый преславно стерл гордые роги луне босурманской» [5, с. 172].

Однако если сам Петр I и Феофан Прокопович считали учреждение флота исключительной заслугой монарха, то Стефан Яворский делал особый акцент на роль Бога: «Где, аще не зде древния твоя милости, Боже наш, зде превелия помощь Твоя. Коль скоро токмо первое хождение новый флот, именем милосердным Божиим огражденной Российской нача, коль скоро нача первую баталию морскую: узревши врази, морю приобыкшии, противо стати не возмогоша: от века неслыханную, многим странным народам удивительную, самим себе престрашную сотвориша победу» [4, с. 116–117]. Можно сказать, что Стефан Яворский ограничивал субъектность Петра как создателя российского флота.

Рассуждая о Петре I как преобразователе России в широком значении, Стефан Яворский сравнивал его с древнеримским императором Октавианом Августом и напрямую называл его «Российским Августом» [5, с. 164] или «Августом государства Московского» [5, с. 167]. В то же время Феофан Прокопович в одной из своих проповедей противопоставлял Петра и Августа как преобразователей своих государств: «Август он римский

император, яко превеликую о себе похвалу, умирая, проглагола: “Кирпичный (рече) Рим обретох, а мраморный оставляю”. Нашему пресветлейшему монарсе тщета была бы, а не похвала сие пригласити. Исповести бо воистинну подобает: древяную он обрете Россию, а сотвори златую: тако оную и внешним и внутрним видом украси, здании, крепостьми, правильми, и правительми, и различных учений полезных добротою» [6, с. 45]. В целом же это были типичные для петровской эпохи сравнения, ведь Рим являлся образцом государственности, а новая столица Российского государства – новым Римом, у которого должен быть свой Август [7, с. 129–132].

Еще одной популярной отсылкой к Риму являлось принятие Петром титула императора и Отца Отечества. О. Г. Агеева указывает, что у принятия данного титула было несколько источников: личные заслуги Петра (они описаны в речи Г. И. Головкина) и влияние европейской естественно-правовой теории, а именно Г. Гроция, Т. Гоббса и С. Пуфендорфа [8]. Утверждение, что на идеологию и реформы Петра I имели влияние тексты указанных авторов, распространено в историографии, но оспаривается в современных исследованиях [9. с. 102–104; 10, с. 541]. Использование нового титула – это не только обращение к Риму, но и шаг к отходу от русской титулатуры [7, с. 124]. Так Петр заявлял о себе как о наставнике подданных и приписывал себе власть демиурга. Обращение к титулу «Отец Отечества» происходило еще до его официального принятия в 1721 г. [11, с. 549–550], одно из самых ранних встречается в «Епиникионе» Феофана Прокоповича [12, с. 210]. Еще в 1714 г. Гавриил Бужинский в «Слове о победе, полученной у Ангута» назвал Петра «отче отечества» [13, с. 232], а в «Слове в похвалу Санктпетербурга и его основателя государя императора Петра Великого» в 1717 г. Петр – «Отец Российского Отечества» [14, с. 3]. В одном из панегириков Стефан Яворский также называл Петра «отцом отечества» еще до 1721 г.: «Свидетельствует собственная к ним любовь и призрение Божие на толикую честь, на сицевое достоинство, избрание, яко преславнаго Царя, непобедимаго Монарха, истиннаго Отца отечествия Российскаго» [15, с. 63]. Стефан объясняет причину, по которой Петр I получает данный титул – это своеобразное «отеческое отношение» царя к своим подданным: «Они приносили Монарху благодарность за сделанную честь посещением их Академии и за толь милостивое с ними обращение превозносили великими похвалами преславныя Его дела, Его отеческия

старания о просвещении подданных своих, и что Его Величество может присоединить к славе своей самую блистательнейшую, каковой никто еще не имел, то есть славу примирителя церкви и соединителя во едино стадо верующих во Христа» [16, с. 272–273]. В этом аспекте Стефан Яворский близок к идеям самого Петра, который в законодательных актах также говорил об «отеческом отношении», что послужило основой для соответствующего титула [10, с. 540–541].

Образ Петра I как христианского правителя является ключевым для панегириков петровской эпохи, в том числе и для произведений Стефана Яворского. Это объясняется и статусом авторов панегирических сочинений (они были священнослужителями), и формой произносимых ими панегириков, которые являлись проповедями. Стефан описывал Петра как «истинного подражателя Христова», «Царя православного» или «православного Монарха». Победы Петра I в Северной войне обеспечиваются его верой в Бога, и в этом он подобен Константину: «Чим победи царь великий Константин неприятеля своего Максентия царя; Верою. Вся возможна верующему. Вооружился было сей свирепый Максентий, еже разорити державу его, и разорил бы, аще не бы побежден и прогнан был силою веры, и силою креста святаго, явльшагося на небеси царю Константину, о нем же и глас с небесе слышаше: о сем знамении побеждай» [17, с. 227–228]. Стефан Яворский считал российскую армию «Христолюбивым воинством», а цель России в войне видел в распространении православной веры: «Что убо имам тебе желати устнами днесь всея России; Не что инное, токмо сие, еже имаши в намерении, везде крепку, целу и неповрежденну сохранити и всем показати веру православную. Везде православну всему миру изъявити Россию да поможет ти Господь, и да даст ти по сердцу твоему» [4, с. 119]. Примером для этого войска является его «учитель» Петр I, фактический предводитель: «о сем благополучии, яко имате сицеваго предводителя, и паче реку, учителя, правило и образ, на егоже подвиги всегда взирающе, и сами подвигом добрым подвизаетеся: егоже предъидоша имуще, сами усердно последствуете, егоже труждающася видяще, и сами неленостным сердцем и небоязненным умом противу врагов, востающих на ны и на веру нашу православную, паче же на отечество наше Российское, даже до крове ополчается» [4, с. 120]. Шведы же противопоставляются как еретики, которых побеждает истинный христианский правитель Петр: «Государь наш в солнце положи селение свое, всю надежду свою, все царствование свое, и оружие свое победоносное полагает в Господе и Богородице: а

Швед во тьме, в волшебстве демонствуем. Темже Государь наш лучами благодати и помощи Божией тьму Шведскую демонскую прогоняет и побеждает» [18, с. 254–255].

В текстах Стефана Яворского Петр I представляется как российский Андрей (это типичное сравнение для культуры петровской эпохи [19, с. 96]): «Что убо вящше предлежит нам сл. Бл. аще не последовати образу нашего Российскаго Отца и Апостола Андреа святаго; Всяк да возопиет: о добрый кресте! трудно бы восприяти крест, аще бы не имели своего предводителя» [20, с. 110–111]. Российская армия также является «Андреями» или последователями апостола Андрея, то есть Петра: «Но приветствую тебе, святый Андрее, твоего жребия: не вотще потрудился еси во благовестии Христове в сих странах Российских. Имел еси твоих последователей, их же аки звезды на небеси, на мысленном небеси Российском, нетленныя сияют мощи: имаши и ныне, и воистинну имаши неложных твоих последователей, с тобою крест твой прославляющих и своя рамена под крест твой подлагающих, благороднейших Андреев, сей приснопамятный орден кавалеров Российских, иже тебе последующи, крест твой за едино украшение избраша, крест твой мост себе к небеси, и владущыя ими паче скипетра твоим прославляются ношением: не тако колесницы возлюбиша торжественныя, яко крест твой: под твоим креста знамением, кровию имена своя записаша» [20, с. 111–112].

Панегирики Стефана Яворского продолжали идею о царе как о средоточии добродетелей: «с Супругом своим Пресветлейшим Императором Российским, труждающи ся, носит сия светильник наполненный елея добродетелей, в толикой высоте царской нелицемерное смирение, ко всем тихое и мирное слово, приятное зрение, светлое лице» [15, с. 63]. Подобные мысли мы встречаем у Симеона Полоцкого: «Да яко солнце, царьствующее над всеми светилы небесными, едино вся красотою сияния своего не точию превосходит, паче же и оным светлости своея учеса дарствует, тако и порфироносци всех владомых славою своих добротворений не точию должни преимуществовати, но и нескудным оных на вся излиянием украшати | и озаряти: да тако, иже свети мира именуеми, солнца миру житием си будут по числу луч солнечных зари добродетелей производящая, да бы им, яко солнце сокровище наричетъся света, в лепоту нарещися сокровищем добродетелей божественных» [21, с. 246].

Можно сказать, что образ Петра I как христианского правителя в панегириках Стефана Яворского отличается от аналогичного образа у других панегиристов, в частности у Феофана Прокоповича. Православный

царь Петр I нацелен на войну с еретиками-шведами, примером для него служит Константин, потому что тот победил в битве у Мульвийского моста благодаря вере в Бога. Если в текстах Феофана Прокоповича Петр христианский правитель по той причине, что просвещает своих подданных и способствует распространению веры, то в примерах Стефана Яворского Петр скорее воин Христа.

Итак, основные черты образа Петра I в панегириках Стефана Яворского во многом совпали с тем, о чем писали другие панегиристы первой четверти XVIII в. Стефан использовал стандартный для своей эпохи набор характеристик, от православного царя до «отца отечества». В ряде случаев прослеживается плотная связь сочинений Стефана с панегириками XVII в., что тоже является чертой культуры периода правления Петра I. Несмотря на то, что уже в 1710-х гг. взгляды Стефана Яворского и Петра I разошлись по некоторым вопросам (дело Алексея Петровича, церковная реформа) [2, с. 128–139], Стефан сконструировал во многом типичный образ правителя со своими особенностями, в частности, с оригинальным образом православного царя.

Список источников и литературы

1. Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 360 с.

2. Захара И. С. Борьба идей в философской мысли на Украине на рубеже XVII–XVIII вв. (Стефан Яворский). Киев: Наукова думка, 1982. 160 с.

3. Кагарлицкий Ю. В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 243–259.

4. Стефан Яворский. Слово в неделю двадесятую во святом Духе // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностию по благочестию преславного. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1805. С. 96–124.

5. Стефан Яворский. Колесница торжественная // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностию по благочестию преславного. Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1807. С. 140–184.

6. Феофан Прокопович. Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 38–48.

7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого. К проблеме средневековой традиции в культуре барокко // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 124–141.

8. Агеева О. Г. Титула «император» и понятие «империя» в России первой четверти XVIII в. // Мир истории. Российский электронный журнал. 1999. № 5. URL: http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm

9. Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.

10. «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2022. 1080 с.

11. Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 528–583.

12. Феофан Прокопович. Епиникион // Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 209–214.

13. Гавриил Бужинский. Слово о победе, полученной у Ангута // Панегирическая литература петровского времени / изд. подгот. В. П. Гребенюк; под ред. О. А. Державиной. М.: Наука, 1979. С. 220–233.

14. Гавриил Бужинский. Слово в похвалу Санктпетербурга и его основателя государя императора Петра Великого // Полное собрание поучительных слов. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1784. С. 1–36.

15. Стефан Яворский. Слово на тую же святую великомученицу Екатерину // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностию по благочестию преславного. Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1807. С. 37–64.

16. Стефан Яворский. О примирении Церкве Великороссийская с церковию Римскою // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностию по благочестию преславного. Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1807. С. 272–279.

17. Стефан Яворский. Слово благодарственное о победе восприятой над Шведами 1708 году, Сентября месяца // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностию по благочестию преславного. Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1807. С. 225–232.

18. Стефан Яворский. Слово благодарственное о взятии Шведскаго града глаголемаго Выбор 1710 года. Взят же той град Июня 13 дня: ведомость принес куриер к Архангельскому городу в 30 день // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностию по благочестию преславного. Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1807. С. 250–260.

19. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.

20. Стефан Яворский. Слово 2 в день святаго Апостола Андреа Первозваннаго // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностию по благочестию преславного. Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1807. С. 88–112.

21. Симеон Полоцкий. Орел Российский / изд. подг. Л.И. Сазоновой. М.: Индрик, 2015. 376 с.

Сведения об авторе

Коротин Вячеслав Андреевич – студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Сведения о рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. ORCID: 0000-0003-0782-1656; e-mail: vasilev–yaroslav@yandex.ru

УДК 342.26(47.67)

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНИЕ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Кочетов И. Е.

Волгоградский государственный университет
(г. Волгоград, Россия)
E-mail: im-221_288556@volsu.ru

THE ADMINISTRATIVE STRUCTURE AND MANAGEMENT OF DAGESTAN AT THE END OF THE 18TH – FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Kochetov I. E.

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)
E-mail: im-221_288556@volsu.ru

Аннотация. Автор рассмотрел внутреннее управление Дагестана и его политико-правовое устройство в конце XVIII – первой четверти XIX века. Актуальность данного исследования обусловлена изучением организации административного аппарата и структуры управления в рассматриваемый период, когда Дагестан находился в естественном состоянии исторического развития, когда не был подчинен ни Российской империи, ни диктатуре имамата. Цель исследования – это определить формы и характер административного устройства и управления в Дагестане в конце XVIII – первой четверти XIX века. Автор использовал историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический и историко-типологический методы. В заключении автор сделал вывод, что горцы не были готовы принять государственность в виде имамата Шамиля, т. к. господствовал родоплеменной строй с элементами феодализации; также были установлены формы управления, его участники, иерархия власть имущих. Анализируются проблемы раздробленности горских обществ, их административная внутренняя структура, а также виды политических образований в Дагестане. Определяется общественный строй в рассматриваемый исторический период. Исследуется вопрос соотношения власти феодалов и избираемых старейшин.

Ключевые слова: тухум, старейшина, векель, раят, союз сельских обществ, вольное общество, уцмий.

Abstract. The author examined the internal administration of Dagestan and its political and legal structure at the end of the 18th – first quarter of the 19th century. The relevance of this study is due to the study of the organization of the administrative apparatus and management structure in the period under review, when Dagestan was in a natural state of historical development, when it was not subordinated to either the Russian Empire or the dictatorship of the Imamate. The purpose of the study is to determine the forms and nature of the administrative structure and management in Dagestan at the end of the 18th – first quarter of the 19th century. The author used historical-systemic, historical-comparative, historical-

genetic and historical-typological methods. In conclusion, the author concluded that the highlanders were not ready to accept statehood in the form of the imamate of Shamil, because the tribal system with elements of feudalization prevailed; also the forms of government, its participants, and the hierarchy of those in power were established. The problems of fragmentation of mountain societies, their administrative internal structure, as well as types of political entities in Dagestan are analyzed. The social system in the historical period under consideration is determined. The question of the correlation of the power of feudal lords and elected elders is investigated.

Keywords: tukhum, elder, vekel, rayat, union of rural societies, free society, utsmiy.

До образования государства у горцев в виде имамата Шамиля во второй четверти XIX в. Дагестан представлял собой разрозненные сообщества с пережитками родоплеменного строя, раздробленностью и признаками феодализации посредством набеговой практики, но еще общества не феодального. Черты феодального управления прослеживались на протяжении долгих веков, но феодализм не закрепился из-за географического (разнородность равнин и гор), психологического (свободолюбивая ментальность узденей) и формационного (горские общества веками были самодостаточны и не имели существенного прибавочного продукта, что делает невозможным явную имущественную дифференциацию) факторов. Жители Дагестана были замкнуты в горном ландшафте – в центральной власти не было необходимости, что обуславливает простоту административной системы и номинальную власть феодалов. В Дагестане преобладали малые поселения, состоявшие из нескольких семей или родов, что делает ненужной государственную власть, т. к. управление велось с согласия членов общины от лица авторитета, т. е. представителя рода, которым чаще всего был патриарх семейства; патриархи семей составляли институты старейшин, главные управленческие структуры в селениях, при имамате ставшие управленцами на местах.

В начале XIX в. под Дагестаном понимались следующие земли: Бакинская, Дербентская, Кубинская провинции, вольные общества: Ахтыпаринское, Докузпаринское, Алтыпаринское, Даргинское, Акушинское, Рутульское, Сургинское, Кубачинское; также владения Шамхала Тарковского, Майсума, ханства Джейгутайское и Казимухское. Территории Дагестана ограничивались от реки Койсу вдоль Каспийского моря до реки Самур [1, с. 223]. Дагестан населяли десятки народностей с локальными культурными особенностями; общее население в 1860 году превышало 500 тыс. человек. Занимались в основном земледелием (в горах террасное земледелие) и скотоводством.

Политически Дагестан был раздроблен. Не имея различий в самосознании и средствах производства, территории делились на раннефеодальные структуры и вольные общества и аулы, в них входившие. Типичное административное деление можно рассмотреть на примере Табасаранского владения. Земли делились на 2 части: свободных магалов, т. е. союзов селений из узденей, и земель феодалов с зависимым крестьянством, раятами. Обе эти части входили в майсумство во главе с феодалом, который избирался только формально, фактически власть передавалась по принципу старшинства в феодальной династии [2, с. 325]; также раятские и узденские земли входили в территории кадия, что было нетипичным феноменом – чаще всего в ханских владениях были закрепленные за ним традицией и набегами общности зависимых селений и свободные союзы аулов, подчинявшиеся ханам на полях сражений.

Определение в исторической науке общественного строя в Дагестане разнится: дореволюционная историография считала, что в горах господствовал родовой тухумный строй [3, с. 140]; другие исследователи выделяли вольные общества как союз аулов [4, с. 21]. Советская историография базируется на выявлении черт феодализма: М. Н. Покровский сравнивал строй горцев с германцами Тацита. с военной демократией, но выделял разложение родового строя и образование феодальных отношений [5, с. 207]. Некоторые советские историки видели в горских сообществах уже классовые противоречия [6, с. 240]. Сегодня в историографии господствуют советская и постсоветская точки зрения. Последняя рассматривает XVIII – начало XIX вв. как время начала классового образования вследствие эволюции набеговой системы, но феодализма в его полноценном смысле слова не было, а сообщества сохраняли традиционную структуру общества [7, с. 21].

На нижнем уровне политической организации стоял тухум, родовая и хозяйственная единица с коллективной собственностью на пастбища и сенокосы [8, с. 52]. Тухумы находились в аулах и жили или смешанно, или занимали отдельные кварталы. Члены тухумов избирали главу своей ячейки, или же эта роль наследовалась [4, с. 7], – но внутренние отношения в тухуме были демократичны. Важно учесть, что тухумы различались по численности – иногда один тухум превышал джамаат, поэтому внутри тухумов была такая же администрация, как и в общинах, включая старейшин и их помощников, общинный сход и сельского муллу [7, с. 22]. Никаких элементов принуждения в обществах – типичный родовой строй с коллективным разбором вопросов. Выше тухума стояла сельская община,

имевшая такие же органы, как и у тухума. Основная тенденция в рассматриваемый период в тухумах и сельских обществах – родовое наследование должностей, что говорит о начавшемся имущественном расслоении в горской среде посредством набегов. С развитием «индустрии набега» и обогащением более успешных в военном промысле селений некоторые селения становились более влиятельными в союзе – проявлялась иерархия, конфедеративный принцип попирался; это выражалось, например, в обычае пахты, когда военные центрального общества в союзе, пребывая в других обществах союза, содержались как почетные гости [9. с. 67]. Также менялась администрация – раньше все судебные вопросы решались старейшинами по адату с незначительным влиянием шариата, в XVIII в. при старейшинах появился кадий, решавший религиозные и бракоразводные дела по шариату [4, с. 5]. Но влияние кадия в горских обществах чаще всего было ничтожно, а старейшины, наоборот, в ходе набегов укрепляли свое значение в роли военных предводителей.

Обычно главы тухумов избирались старейшинами на год или пожизненно; их административные обязанности охватывали судопроизводство по адату и обеспечение порядка в селении силой авторитета – вооруженных отрядов они не создавали, т. к. не являлись феодалами, а каждый свободный уздень имел при себе оружие – дружины имели только военную, а не полицейскую функцию. Старейшины содержались за счет процентов со штрафов по судебным тяжбам. Суд проходил чаще на открытых пространствах селений при собрании всех желающих. Они заседали ежедневно и разбирали вопросы горского общества большинством голосов; действовало прецедентное право с институтами истца и ответчика [4. с. 8]. В случае апелляции или запутанности судебное дело передавалось более авторитетным инстанциям – уважаемым кадиям, ханам и т. д. К рассматриваемому периоду кадии чаще всего избирались не только из авторитетных членов общества, скорее из влиятельных обогатившихся на набегах фамилий [2, с. 325]. Вольные общества состояли из общин, поэтому было необходимо избрать предводителя общества: сельчане собирались обычно у мечети и избирали голосованием свободных узденей-мужчин своего старшину, после чего из старшин тухумов выбирался главный старейшина. Все внешнеполитические вопросы сначала выносились на рассмотрение совета старейшин главой общества, после чего утверждались или отвергались народным собранием [10, с. 594].

Дискуссионным остается вопрос характера феодальной власти в Дагестане. Абсолютное большинство земель в указанный период

находилось в коллективной общинной собственности, что исключает земельную зависимость и соответствующий тип администрации и контроля за производством. Хан являлся номинальным собственником земель и не имел права на распоряжение узденскими землями. Зависимость селений проявлялась в «мягком» данническом вассалитете: подарки селений феодалу за успешные военные предприятия, работа несколько дней в году на ханских пахотных землях; некоторые общества, например, аул Тануси, будучи резиденцией хана Аварии, снаряжал его свиту [7, с. 29], но политически был независим. Для наглядности учтем статистику: в 1828 году в Аварии было 46 аулов, не плативших обязательных податей хану и 165 плативших обществ; причем только 7 аулов были с зависимыми крестьянами и отрабатывали повинности хану [7, с. 29]. Об ограничении власти феодала писал М. М. Ковалевский на примере Кайтагского уцмийства, в котором веками существовал институт избрания из династии феодалов правителя сеймом; причем именно народно-представительный орган, сейм, решал ключевые внешнеполитические вопросы [3, с. 257]. Важно отметить величину судебной власти уцмия – он мог выносить приговоры только зависимому крестьянству, а уздени входили в юрисдикцию своих обществ [3, с. 258]. Сам уцмий мог выступать в судействе как авторитетное лицо, но сам подчинялся местным законам и мог быть оштрафован за неисполнение ритуальных и других норм; разумеется, к нему не применялись более суровые наказания, т. к. феодалы были авторитетными и имели хоть номинальную, но власть. Но к XIX в. власть уцмия стала более феодальной: он приобрел больший вес во внешнеполитических вопросах – теперь он советовался уже не со старейшинами, а с беками [2, с. 324]; но одобрение обществ оставалось важным т. к. уцмий имел лишь 300 всадников в качестве дружины, ополчение же собиралось традиционно – по согласию обществ и узденей, если они захотят участвовать в военных предприятиях. О важности участия старейшин во внешней политике может свидетельствовать исторический факт принятия Шамхальства Тарковского в подданство Российской империи: в 1785 году шамхал вместе со старейшинами от кумыкских деревень отвергли турецкое предложение о вассалитете и выбрали российскую сторону [2, с. 396].

Ниже феодала стояли беки. Они подчинялись ханам и уцмиям, имели свои земли с зависимыми крестьянами; разбирали судебные дела в подконтрольных аулах. Но в свободных узденских обществах их права

были ограничены [2, с. 324]. Если ханы были нужны горским обществам в первую очередь как военные предводители, то беки были нужны ханам как военные вассалы: они обязывались являться в ханскую армию по требованию их сюзерена вместе с ополчением [8, с. 394], при этом ханы не содержали беков – последние кормились с части военной добычи и эксплуатации зависимых от них раятов. Беки сами вооружали свои отряды и могли судить крепостных, но не имели права вмешиваться в дела джамаата и ущемлять узденство.

Влияние кадиев также было различным и спорным. В некоторых обществах Дагестана, например, в Акушинском союзе, был «главный» кадий, ведавший как судом, так и военным делом – руководил ополчением в случае боевых действий. Причем в судействе его голос был решающим; ему подчинялись все кадии союза. Некоторые исследователи преувеличивают его власть, называя ее теократической [2, с. 328–329]. В военной власти его полномочия были более определенны, чем у обычных военачальников: он назначал командиров, юзбаши, и указывал количество человек, должных идти в военную экспедицию с каждого двора. Советский исследователь Р. М. Магомедов писал о характере власти Анцухского кадия Халила: ведение территорией подконтрольного общества, организация ополчения и главенство над ним в военных операциях, духовное управление вверенной территорией и судебное верховенство [8, с. 67]; при этом автор отмечал, что власть кадия не была абсолютной: он не участвовал в судопроизводстве конкретной общины внутри общества – мог лишь разбирать споры между общинами (в неподконтрольных кадию обществах такие судебные ходатайства решались авторитетными горцами, не являвшимися членами спорящих обществ); также ему не были подконтрольны узденские земли, он был лишь военачальником, но не имел права в одиночку решать внешнеполитические вопросы. Доходы кадия произрастали из процента по судебным штрафам и долей награбленного в ходе набегов [8, с. 67]. Накопление богатств вело к постепенной феодализации кадия, но учитывая малочисленность подобных военачальников и его малые полномочия и лишь авторитетное влияние на свободных общинников, он еще не мог формировать управленческий класс.

Акушинский кадий возглавлял союз вольных обществ, входив в совет старейшин, который избирался общенародными собранием в каждом из входивших в его состав горских сообществ. Важнейшие решения принимались именно на народных собраниях узденей [11. с. 250–256] под

председательством старейшин – ни кадий, ни старейшины не могли принимать единоличные решения в таких делах. Таким образом, даже при феодализации Дагестана с начавшемся имущественным расслоением посредством накопления имущества знатью и духовенством горские общества сохраняли демократические черты на всех уровнях: тухум – сельское общество – союз сельских обществ, в каждом из которых определяющее значение имели общенародное собрание и совет старейшин.

Интересно добровольное вхождение селений в феодальные образования. Тезис о реальной власти феодала над узденями и аулами рассыпается ввиду возможности выхода из владений феодала по решению самого селения – никакого согласования не требовалось. Так, в конце XVIII в. селение Каба-Дарго вышло из Кайтагского уцмийства и вошло в Акушинский союз.

Военная администрация была не регулярной, устанавливалась по необходимости. Нижним управленцем войсковой организации были выборные главы отрядов своего селений – у лезгин их называли «белади» [10, с. 594], которые вели свой отряд в точку сбора, соединяясь с такими же отрядами селений общества. Белади командовали в бою своими ячейками войска, а уже главным военачальником оставался векель, приказывавший белади. Важно учесть, что в ходе военных операций власть векеля над воинами существенно расширялась.

Важно рассмотреть степень ответственности членов общества перед законом. Каркас судебной системы прост: власть горских обществ находится в руках старейшин, скрепленная их авторитетом. Старшины и кадии ведали судопроизводством по своим правовым системам, но было ли оно одинаково справедливо для всех «протоклассов»? Право кровной мести, пользовавшееся в Дагестане популярностью, например, в Шамхальстве Тарковского было извращено: феодал, совершивший преступление в отношении узденя, крепостного или раба, не подпадал лично под месть со стороны нижестоящего сословия, за убийцу-феодала нес ответственность его крепостной [12, с. 134]. Если же член нижестоящего сословия все же убивал обидчика, то родственники феодала убивали их обидчика и все его семейство, отбирали имущество. Феодал вместо кровной мести платил штраф истцу. Подобное судопроизводство говорит о происходившем в Дагестане расслоении общества.

Таким образом, в Дагестане существовали тухумы, вольные общества с возможными союзами общин и феодальные владения. Частная собственность была в первую очередь связана с набеговой практикой и

миграцией, что послужило началом усложнения административного аппарата. Но, учитывая все тенденции, нельзя говорить о том, что горские общества были готовы к формационному «прыжку» и переходу к государственности: феодалы довольствовались данью, податями и своим положением военных вождей, родовая знать укрепляла позиции за счет набегов, а духовенство стало играть большую роль с укреплением ислама. Усложнение административного аппарата было связано с обогащением горцев за счет набегов и усложнением собственнических отношений.

Список источников и литературы

1. Евецкий О. С. Статистическое описание Закавказского края. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса Внутренней Стражи, 1835. 306 с.

2. История Дагестана: в 4 т. / под ред. Г. Д. Даниялова [и др.]. М.: Наука. Т. I. 1967. 431 с.

3. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1890. 304 с.

4. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним. [Б. м.]: [б. и.]. [18–?]. 88 с.

5. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М.: Красная новь, 1923. 391 с.

6. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961. 262 с.

7. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.

8. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 408 с.

9. Северный Кавказ в составе Российской империи / под ред. В. О. Бобровникова [и др.]. М: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

10. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. Т. 1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 1. Кавказ. СПб.: Типография департамента уделов, 1871. 640 с.

11. Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: Издательство типографии Дагестанского научного центра РАН, 1999. 339 с.

12. Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1961. 268 с.

Сведения об авторе

Кочетов Иван Евгеньевич – студент, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия.

Сведения о рецензенте

Матвеев Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: Oleg.Matveev@novsu.ru

УДК 342.519.12(47)

ЖЕНСКАЯ ПРИДВОРНАЯ СЛУЖБА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА: ПРАВОВОЙ СТАТУС, СТРУКТУРА, ОБЯЗАННОСТИ

Лихачева Е. М.

Челябинский государственный университет
(г. Челябинск, Россия)
E-mail: empress.ek@yandex.ru

WOMEN'S COURT SERVICE IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 19TH CENTURY: LEGAL STATUS, STRUCTURE AND DUTIES

Likhacheva E. M.

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)
E-mail: empress.ek@yandex.ru

Аннотация. Петр I законодательно утверждает систему женской придворной службы, и она приобретает внутренне иерархизированную структуру. Обязанности придворных дам отражены в законодательных актах и источниках личного происхождения. Особенностью русской женской службы является то, что полномочия фрейлин при Дворе далеко не всегда нуждались в письменной фиксации, поскольку они диктовались и воспроизводились сложившимися традициями жизни императорского двора. Эти нормы и стандарты в течение века имели тенденции к уточнениям и расширениям. В целом женская придворная служба в ее национальном своеобразии – элемент культурной истории императорской России. Основными методами исследования являются историко-системный метод и сравнительно-исторический метод. Историко-системный метод позволяет изучить институт придворных дам как цельную систему и раскрыть обязанности девушек в качестве механизмов функционирования этой придворной организации. Сравнительно-исторический метод используется для выявления общего и отличий в оценках и мнениях мемуаристов и исследователей касательно изучаемых вопросов.

Ключевые слова: институт фрейлин, женская придворная служба, Российский императорский Двор, Российская империя, XIX век.

Abstract. Peter the Great legislatively approves the system of women's court service, and it acquires an internally hierarchical structure. The duties of court ladies are reflected in legislative acts and sources of personal origin. The peculiarity of the Russian women's service is that the powers of ladies-in-waiting at the Court did not always need to be recorded in writing, since they were dictated and reproduced by the established traditions of the life of the imperial court. These norms and standards have tended to be refined and expanded over the course of a century. In general, women's court service in its national identity is an element of the cultural history of imperial Russia. The main research methods are the historical-system method and the comparative-historical method. The historical-system method allows us to study the institution of court ladies as an integral system and to reveal the duties of girls as

mechanisms of functioning of this court organization. A comparative-historical method is used to identify commonalities and differences in the assessments and opinions of memoirists and researchers regarding the issues under study.
Keywords: institute of maids of honor, women's court service, Russian Imperial Court, Russian Empire, 19th century.

В контексте современных исследований по гендерной истории актуальным является выявление участия женщин в социальной и культурной жизни. В истории дореволюционной России крайне интересным является деятельность института придворных дам, которая практически не находилась в центре внимания историков.

Исследование Российского императорского двора в основном фокусировалось на жизни семьи императора. А женская придворная служба рассматривалась через призму межличностных отношений с царской семьей, но не как самодостаточный институт.

Большое значение для данного исследования имеют труды челябинского историка И. И. Несмеяновой. Ее монографии предоставляют информацию о нормах и традициях императорского Двора [1, с. 90]. Она также дает описание межличностных взаимоотношений и психологической атмосферы в обществе придворных дам [2, с. 216].

Женскую службу в России как часть Императорского двора рассматривал историк И. В. Зимин [3, с. 614]. В своих трудах он разбирает историю и иерархию женского придворного штата, подробно описывает жизнь фрейлин, выделяет обязанности придворных дам и их взаимоотношения с царской семьей [4, с. 413; 5, с. 236].

Задачей данной статьи является анализ обязанностей придворных дам, что можно сделать на основе изучения законодательных актов и источников личного происхождения. В качестве законодательных актов выступает «Табель о рангах» 1722 г., в котором прописаны женские придворные должности и указы императоров, касающиеся обязанностей придворного штата [6, с. 2]. Законодательные акты имеют большую ценность для данного исследования, поскольку лишь малая часть обязанностей девушек при Дворе имели законодательное закрепление.

Основным блоком источников для данного исследования стали источники личного происхождения (мемуары, дневники, записки). Для исследования важно, что тематика мемуаров придворных дам представляет собой так называемую «дворцовую» мемуаристику. В работе были использованы воспоминания фрейлин Российского императорского Двора,

таких как Анна Федоровна Тютчева, Варвара Николаевна Головина, Мария Петровна Фредерикс [7; 8; 9].

«Дворцовая» мемуаристика отличается автобиографичностью. Мемуары, записки, дневники и воспоминания фрейлин представляют собой «взгляд изнутри»: фиксацию важнейших событий и явлений дворцовой жизни повседневной и праздничной, пристальное внимание к особам императорской фамилии и их действиям, взаимоотношениям с окружающими; описание придворной службы и отношений среди лиц придворного штата.

Институт фрейлин в качестве женской придворной службы законодательно стал формироваться при Петре Великом. Путешествуя по Европе, Петр подсмотрел во Франции дамскую иерархию двора. Вернувшись в Россию, он сменил «теремной» штат царицы на четкую иерархию женских придворных званий. Именно с этого времени при Российском Императорском дворе начинает складываться иерархия женских придворных званий. Женские придворные должности были законодательно закреплены в «Табели о рангах».

Согласно «Табели о рангах», верхнюю ступень в женской придворной иерархии занимала обер-гофмейстерина, которая заведовала женским придворным штатом и канцелярией императрицы или великой княгини [6, с. 2]. Ниже по званию были гофмейстерины, задачей которых было представлять дам, явившихся на аудиенцию к императрице или великой княгине [6, с. 6].

Третью ступень в женской придворной иерархии занимали статс-дамы, которые не имели повседневных обязанностей. Чаще всего статс-дам можно было встретить на императорских праздниках и дворцовых церемониях. В некотором смысле эти девушки являлись «украшением» царского праздника. Одной из немногих обязанностей статс-дам было участие в крещении детей августейших особ и именно они несли царственных младенцев на специальных подушечках [3, с. 618]. Также известно, что некоторые из статс-дам участвовали в воспитании царских детей. Например, в 1783 г. статс-дама Шарлотта Карловна Ливен стала воспитательницей великих княжон и младших сыновей великого князя и императора Павла I [10, с. 36].

Ниже по статусу были камер-фрейлины. Их обязанности немногим отличались от обязанностей статс-дам, но воспитанием детей они не занимались. В большинстве своем камер-фрейлины являлись

«иностранками». Заграничная принцесса, которая приезжала в Россию, имела право привезти с собой небольшой женский штат [3, с. 624].

Самыми многочисленными и самыми младшими по званию были фрейлины. Вся тяжесть повседневной службы ложилась на их плечи. Они были задействованы практически во всех дворцовых церемониях. Например, на них лежала обязанность присутствовать на торжественной присяге наследника престола.

Пожалуй, главной обязанностью фрейлины было суточное или недельное дежурство при императрице или великой княгине. Таких девушек называли «свитными». Они заступали на дежурство по трое, сменяя друг друга в течение дня. Рабочий день фрейлины был длинным, но было и свободное время, когда девушка могла заняться своими личными делами. Но и в свободные от дежурств дни фрейлины далеко не всегда могли располагать собой по своему усмотрению. Девушки были обязаны выполнять те обязанности, с которыми не смогла справиться одна из «коллег».

Сохранилось воспоминание фрейлины А. Ф. Тютчевой, в которых она описывает рабочие будни: «Мое нормальное состояние – спешить. Я спешу, даже когда занимаюсь у себя дома; я пишу, читаю, работаю, все делаю второпях» [7, с. 57].

Фрейлины обязаны были выполнять любые требования своей покровительницы. Хорошо образованная фрейлина должна была уметь поддержать светскую беседу, а также в идеале знать дворцовый этикет. Правила этикета предполагали то, как нужно держать голову и руки, как правильно подойти и отойти к гостям, когда нужно говорить. Часто, по просьбе императриц, придворные дамы отвлекали или, наоборот, привлекали чье-либо внимание. Они были обязаны знать традиции Двора, почетные звания, служебное положение, все дни рождения и именины августейших особ, а также быть в курсе всех новостей и сведений, которые могли бы понадобиться императрице. Более того, фрейлины рядом с императрицей должны были находиться в прекрасном настроении, чтобы августейшая особа не заскучала.

Известны случаи, когда фрейлины поддерживали императрицу в тяжелые для нее моменты. В качестве примера можно вспомнить 1855 г., когда умер император Николай Павлович. Мария Петровна Фредерикс в своих мемуарах пишет о том, как была важна поддержка фрейлин императрице Александре Федоровне: «…она хотела немедленно видеть

нас и поделиться своим жгучим горем с близко к ней стоящими» [9, с. 460].

Важно, что фрейлина была обязана следовать за Государыней и развлекать ее в поездках или на прогулках. Этот факт подтверждает высказывание М. П. Фредерикс: «Возвратясь домой, я сняла с себя свой праздничный наряд, зная, что уже покончила со своими придворными обязанностями. Вдруг вижу: скачет карета, и мне докладывают, что ее величество требует меня как можно скорее опять к себе» [9, с. 444]. Не редкостью были просьбы императриц писать под диктовку письма и поздравительные открытки, а также зачитывать телеграммы, адресованные Государыне [7, с. 185].

Были случаи, когда фрейлина становилась одной из воспитательниц детей императора. Например, дочерей Николая II музыке учили фрейлины [5, с. 236].

Фрейлина выполняла просьбы не только императрицы, а императора. Например, фрейлина выступала в качестве советчика царя по вопросам выбора подарков императрице на тот или иной праздник [4, с. 413]. Также известно, что по просьбе Николая II баронесса Тизенгаузен, старая фрейлина императрицы Марии Александровны, делала рисунки в Ювелирном альбоме [5, с. 309]. В этот альбом заносились рисунки подарочных ювелирных изделий, которые дарили на какие-либо семейные даты. Задачей фрейлины было зарисовать каждое ювелирное украшение, после чего император или императрица делали пометку от кого и когда был получен подарок.

Фрейлина не была лично свободна, поскольку ее свободу ограничивал запрет, который не позволял выезжать придворной даме в свет без ведома императрицы. Придворные дамы нередко становились свидетелями семейных драм императорской семьи или участниками плетения интриг при Дворе. Это почти всегда приводило к расследованиям и выяснению отношений. Следствием этого являлось, по словам И. И. Несмеяновой, «создание неблагоприятного морально-психологического климата двора» [2, с. 216].

В ходе исследования был сделан вывод, что обязанности девушек при Дворе не нуждались в письменной фиксации, поскольку они диктовались традициями, основой которых было постоянное дежурство при августейшей особе. Но тем не менее женская придворная организация функционировала больше двух веков, обслуживая не только императрицу, но весь императорский Двор.

Отношения между фрейлиной и ее покровительницей можно охарактеризовать как «службу-дружбу». Таким образом, фрейлины являлись своеобразными подругами императриц и княгинь.

Институт женской придворной службы стоит изучать как уникальную и самостоятельную структуру Российского императорского двора.

Список источников и литературы

1. Несмеянова И. И. Министерство императорского двора и уделов в истории Российской государственности. Челябинск: Южно-Уральский профессиональный институт, 2009. 275 с.

2. Несмеянова И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен. Челябинск: Рекпол, 2007. 362 с.

3. Зимин И. В. От статс-дам до фрейлин // Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 614–738.

4. Зимин И. В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых: Повседневная жизнь Российского императорского двора – М.: Центрполиграф, 2011. 686 с.

5. Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011. 430 с.

6. Высочайше утвержденные этикеты при Императорском Российском Дворе, и обряды, наблюдаемые при представлении Их Императорских Величеств и Их Императорским Величествам Дипломатических и других особ: [высочайше утв. мнение Гос. Совета, 1827, янв. 4] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. 2. СПб., 1827. С. 2–9 (1-я паг.). Док. 802.

7. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров (воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II). М.: И. В. Захаров, 2002. 426 с.

8. Головина В. Н. // В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016. С. 8–95.

9. Фредерикс М. П. // В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016. С. 411–464.

10. Выскочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012. 496 с.

Сведения об авторе

Лихачева Екатерина Михайловна – студентка, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Сведения о рецензенте

Матвеев Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: Oleg.Matveev@novsu.ru

УДК 821.16:351.856.1(47.24)

«УМРЕТИ ЗА СВЯТУЮ СОФИЮ». ОБРАЗ НОВГОРОДСКОГО САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ XIII – НАЧАЛА XIV В. В НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

Луковников Д. А.

Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)
E-mail: dmitrylukovnikov@yandex.ru

"TO DIE FOR SAINT SOFIA". THE IMAGE OF NOVGOROD SELF-SACRIFICE OF THE 13TH – EARLY 14TH CENTURIES IN THE NOVGOROD FIRST CHRONICLE

Lukovnikov D. A.

Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)
E-mail: dmitrylukovnikov@yandex.ru

Аннотация. Любая летопись является не только источником фактов. Она отражает развитие исторической мысли, образов, идей. В Новгородской первой летописи в XIII – начале XIV в. встречается образ новгородского самопожертвования. Чаще всего он выражен в словах: «Умрем за святую Софию!». Встречаются и светские призывы («за правду новгородскую; за свою отчину»). «Святая Софья» для новгородца XIII века – это не только главный храм города. Это небесная покровительница его жителей, помощница в битвах. Рядом с ней для горожан находятся образы особенно почитаемых в Новгороде святых, в частности Бориса и Глеба. Образ новгородского самопожертвования XIII – начала XIV в. был основан на защите веры и вековых новгородских устоев: самостоятельности, независимости. Скорее всего, он возникает под влиянием «Повести о взятии Царьграда крестоносцами», помещенной в летописи под 1204 годом.

Ключевые слова: образ, самопожертвование, Новгород, Софийский собор, XIII–XIV вв.

Abstract. Any chronicle is not only a source of facts. It shows the development of thought, images, ideas in history. The image of Novgorod self-sacrifice there is in the Novgorod First Chronicle in the 13th – early 14th centuries. Most often it is expressed in words: "Let's die for Saint Sophia!" Secular slogans are also used. "Saint Sophia" for a Novgorodian of the 13th century is the main temple of the city. But also it is the heavenly patroness of its sitizens, an assistant in battles. Next to it, for the townspeople, there are images of saints, who are especially revered in Novgorod, in particular, Boris and Gleb. The image of Novgorod self-sacrifice of the 13th – early 14th centuries was based on the protection of the faith and the ancient foundation of Novgorod: independence. Probably, it arises under the influence of the "Tale of the usurpation of Constantinople by the Crusaders", placed in the chronicle under the year 1204.

Keywords: image, self-sacrifice, Novgorod, Saint Sophia cathedral, 13th–14th centuries.

Русские летописи – основной источник по истории Древней Руси. Один из известнейших советских и российских историков Б. А. Рыбаков писал о них следующее: «Написанные на родном языке народа, являвшемся в то же время и государственным языком, они читались и переписывались 600 лет, подробно повествуя о больших и малых делах прошлого» [1, с. 476]. По его мнению, это источник света, который «осветил нам тысячи исторических деятелей, сотни сражений, походов, осад, постройку городов, оборону от половцев, наводнения, пожары, создание произведений искусства, борьбу лукавых царедворцев, народные восстания, церковные споры, живые речи и письма русских людей XI–XVI вв.» [1, с. 476]. Это яркое описание можно применить и к Новгородской первой летописи. Она повествует, в частности, о сражениях и героях, победах и поражениях.

Военные действия – неотъемлемая часть истории России. В книге «Храбры Древней Руси. Русские дружины в бою» М. А. Савинов и В. В. Долгов пишут: «…история России – это история непрекращавшихся войн. Столетие за столетием Русь сдерживала натиск неприятеля как с запада, так и с востока» [2, с. 6]. Во время многочисленных войн, которые вели русские с внешними врагами и с соседними княжествами, выработались определенные образы и идеи, выслушав которые и, очевидно, будучи глубоко с ними согласны, воины шли в бой, шли на смерть и становились героями. Появлялся и распространялся образ самопожертвования. Призыв к нему оставался на века в текстах летописей и памяти потомков, как и образы тех, кто погиб с честью.

Обращение к изучению восприятия смерти в текстах прошлого произошло еще в 1970-е гг., на материале Средних веков. В предисловии, написанном А. Я. Гуревичем к книге французского историка Филиппа Арьеса (1914–1984), подобные исследования были названы крайне важными: «…перед исторической наукой вырисовалась проблема восприятия смерти людьми в разные эпохи, их оценки этого феномена. И оказалось, что это в высшей степени существенная проблема, рассмотрение которой способно пролить новый свет на системы мировидения и ценностей, принятые в обществе» [3, с. 5]. Это восприятие рассматривалось и в античной литературе. А. В. Васильев пишет о ней: «…именно античная литература дает множество примеров рефлексии по

поводу смерти, попыток ее философского осмысления и даже выработки некоей «иерархии смертей», то есть представлений о смерти достойной свободного гражданина и о конце позорном…» [4. с. 152]. Образ смерти, несомненно, отразился и в русской литературе, в частности в летописях.

Однако самопожертвование и готовность к нему – это необычная смерть. Это гибель за определенные ценности. Его образ отражен в разных жанрах русской литературы XII–XV вв. Летописный образ самопожертвования или героической смерти за определенную ценность мог выражаться в двух формах. В первом случае – в прямых речах князя (реже – других представителей русского общества) перед дружиной, народом или противниками. В другом случае о самопожертвовании говорит автор (летописец). Преобладание второй формы отличает новгородское летописание от остальных.

Образ новгородского самопожертвования используется летописцем для описания войн и противоречий как между Новгородом и Литвой, Орденом, так и между новгородцами и князьями. Часто этот образ неразрывно связан со «святой Софией». Однако известный Софийский собор в Новгороде может толковаться гораздо шире, чем просто собор, и неоднозначно.

Этому вопросу посвящено немало исследований. Следует выделит статью доктора исторических наук Александра Степановича Хорошева «Софийский патронат по новгородской первой летописи», в которой подробно рассматривается идея покровительства святой Софии над Новгородом. Стоит отметить книги доктора исторических наук Александра Евгеньевича Мусина «Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование» и «Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI веках». В статье Александра Александровича Казакова «Новгородский образ Святой Софии: первоначальный замысел и его эволюция в контексте древнерусской культуры» ставятся многочисленные вопросы, касающиеся образа святой Софии в Новгороде. Подчеркивается наличие затруднений с его толкованием. Возможно, в образе новгородского самопожертвования могут быть найдены некоторые ответы на вопросы, поставленные в научной литературе.

Во-первых, смерть в бою «за святую Софью» является смертью православного человека. Особенно понятно это становится в описаниях битв и противостояний новгородцев с иноверцами и иноземцами.

Показателен рассказ Новгородской летописи о битве на Чудском озере в 1242 году. В отрывке, повествующем о сражении, говорится о гибели новгородских воинов за веру в Бога и за почитаемых святых: «Бог же, и святая Софья, и святою мученику Бориса и Глеба, ею же ради Новгородци кровью свою прольяша, тех святых великыми молитвами пособи Бог князю Александру, а Немци ту падоша, а Чюдь даша плеща…» [5, с. 78]. Рассмотрим другой схожий эпизод.

Описание Раковорской битвы под 1268 (6776) годом сопровождается предысторией конфликта, перечнем погибших в нем новгородцев, а также изречениями из Библии. После небольшого отступления от основной темы и слов летописца «мы же на переднее возвратимся» читаем: «Бывше бо великому тому снятию и добрым мужем главами своими покывающе за святую Софью» [5, с. 87]. Данные слова летописец вставляет в само описание битвы.

Угроза исходила не только со стороны немецких и литовских территорий. В 1301 году новгородцы в очередной раз оказались в состоянии войны со шведами, которые в 1300 году «поставиша город над Невою, на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною» [5, с. 91]. Ответом на вторжение католиков был поход и штурм. Запись летописца о победе над шведами полна ликования: «Град взят бысть, овых избиша и изсекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град завалиша и розгребоша» [5, с. 91]. После описания победы следует молитва за павших новгородцев: «А покой, Господи, в царствии Своем душа тех, иже у города того головы своя положиша за святую Софью» [5, с. 91].

В рассказе под 1259 годом читаем о противоречиях среди новгородцев по поводу татарского «числа» (переписи населения, которую вели татары с целью обложения налогом). Мнения о том, следует или не следует с этим мириться, разделились. Летописец в данной обстановке описывает «добрых» как тех, кто «кто по святой Софьи и по правой вере» [5, с. 82]. Именно они в развитии противоречий еще раз подтвердят свою готовность, «рекуще: “Положим главы своя у святой Софьи”» [5, с. 82].

Как видим, «святая Софья» является ценностью, за которую погибают новгородцы. В случае борьбы с иноверцами и иноземцами смерть за «святую Софью» была равнозначна гибели в бою за православную веру. Доктор исторических наук А. С. Хорошев писал об этом следующее: «Для средневекового новгородца умереть за Святую

Софию – принять смерть за правду, за истину, т. е. высший жизненный подвиг христианина, реальный путь в царствие небесное» [6, с. 207].

Во-вторых, такая смерть представлялась и преподносилась как «честная». Вернемся к событиям 1268 года. После окончания Раковорской битвы и возвращения новгородцев домой описано погребение посадника у Софийского собора, а затем приводится молитва за погибших: «Буди, Господи Боже Милостивый Человеколюбче, в оном веце стати со всеми угодившими Ти от века, иже кровь свою прольяша за святую Софью, живот свой отдавше честно» [5, с. 87].

О «честной» гибели говорится и в записи под 1259 (6767) годом, к которой мы обращались выше. Конфликт новгородцев одновременно с княжеской властью и с иноверцами-татарами произошел из-за «числа», которого требовали нагрянувшие в город «сыроядцы». Чернь (меньшие) была полна решимостью не уступать татарам и князю: «Умрем честно за святую Софью и за домы ангельскыя» [5, с. 82].

Готовность погибнуть, защищая «святую Софию», является делом чести даже в случае противоречия с князем. В 1270 году, во время ссоры с князем Ярославом Ярославичем, новгородцы сказали ему следующее: «Изомрем честно за святую Софию; у нас князя нетуть, но Бог и правда и святая Софья, а тебе не хочем» [5, с. 89].

В-третьих, образ «святой Софии» часто связан с всеобщей готовностью погибнуть за нее, используется наряду с картинами сплочения горожан перед лицом опасности. Под 1224 (6732) годом рассказывается об очередных противоречиях между князьями и Великим Новгородом. Владимирский князь Юрий Всеволодович поставил новгородцам условие выдать ему нескольких сограждан, обещая в противном случае напоить своего коня из Волхова. Новгородцы послали князю довольно учтивый, но однозначный ответ: «Княже, кланяемтися, а братьи своеи не выдаваем …» [5. с. 64]. Согласно летописи, «Новгородци же… скопиша всю волость… <…> …По путем сторожи поставиша, а тверди изделаша, хотеша умрети за Святую Софию» [5, с. 64].

Еще более воодушевляющее единство мы видим в рассказе о противоречии горожан с князем Ярославом Ярославичем в 1270 году: «Выидоша весь град в оружии от мала и до велика к Городищу» [5, с. 89]. Князь Ярослав, уйдя из Новгорода, начал собирать полки и готовиться к походу на него. Конфликт развивался, произошел обмен посольствами между князем и новгородцами. Последние передали Ярославу Ярославичу

следующий упрек: «Княже, сдумал еси на святую Софью» [5, с. 89]. Здесь, скорее всего, подразумеваются устои и народ Новгорода, которые находятся под ее покровительством, и вызов, который бросает князь.

Однако в повествовании под 1255 (6763) годом мы находим несколько иные слова и образы. Здесь описывается не только конфликт части новгородцев с князем (Александром Ярославичем Невским), но и раздор по этому поводу среди самих горожан: «бысть в вятших совет зол яко побити меншии, а князя ввести на своей воли» [5, с. 81]. При этом меньшие целовали икону на том, «како стати всем, любо живот, любо смерть, за правду Новгородьскую, за свою отчину» [5, с. 81]. В ходе дальнейшего развития противоречий говорится о новгородском полке, который «стоя… по 3 дни за свою правду» [5, с. 81]. Готовность погибнуть за «святую Софию» в данном отрывке не прослеживается. Вероятно, что связано это с личностью Александра Невского, который пользовался уважением в Новгороде, несмотря на все противоречия с ним его жителей. Во время битв с немцами и шведами он наравне с новгородцами был храним «Богом и святою Софьею и молитвами всех святых» [5, с. 77]. Получается, что князь также был под покровительством святой Софии и не мог быть против нее. За что же тогда готовы стоять насмерть новгородцы в этом случае?

«Меньшие» готовы погибнуть за «свою правду» («правду Новгородскую») и свою «отчину». Под отчиной, скорее всего, следует понимать все Новгородские земли – отечество. Правда новгородская представляется нам как устои Господина Великого Новгорода, его независимость и самостоятельность. Ради сохранения этих, ставших уже вековыми, устоев отчизны новгородцы готовы пожертвовать собой.

Возможно другое истолкование отсутствия в данном отрывке образа гибели именно за святую Софью. Для этого обратимся к записи под 1238 годом, в которой повествуется о татарском нашествии на Русь. Согласно летописи, новгородцев спас Бог и «святая великая соборная и апостольская церкы святая Софья» [5, с. 76]. Можно предположить, что к церкви Святой Софии как религиозному центру считались принадлежащими все новгородцы. Если их мнение по вопросу принятия или отвержения определенного князя разделяется, то святая София разделиться не может. Возможно, поэтому готовность к гибели за нее не используется летописцем в данном случае. С другой стороны, «правда» меньших и вятших для летописца не тождественна и вполне может быть разной.

Немаловажным вопросом являются причины включения этих подробностей поведения и настроения новгородцев во время назревающих или происходящих военных столкновений в летопись. Возможно, именно на ней воспитывалось подрастающее поколение новгородцев. Скорее всего, знатным юношам таким путем показывали образ положительного новгородца, объясняя, за что именно достойный мужчина может и должен погибнуть, если потребуется. Образ самопожертвования обладает большими воспитательными и воодушевляющими возможностями. Например, гибелью Изяслава Ярославича в 1078 году, согласно Лаврентьевской летописи, вдохновлялся во время битвы в 1149 г. князь Андрей Боголюбский. Возможно, что и новгородцы пытались быть достойными своих предков, о которых узнавали из устных и письменных преданий.

Еще одним немаловажным вопросом является появление образа самопожертвования и «святой Софии» как действующего лица в Новгородской первой летописи именно в начале XIII века. А. А. Казаков писал об этом: «А. Е. Мусин обращает внимание на случаи упоминания в новгородской летописи Святой Софии, которая предстает “как постоянно действующее лицо новгородской истории”». Первое упоминание относится к 1216 г., когда в ходе Липицкой битвы новгородцы и Мстислав Удатный «Божию силою и помочью святыя Софии одоле» войско Юрия Всеволодовича и его младших братьев…» [7, с. 134]. Для того, чтобы найти возможный ответ на этот вопрос, обратимся к «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году», внесенному в Новгородскую летопись, видимо, в том же 1204 году. В «Повести…» основным местом действия, более того, центром собрания народа для решения вопросов государственной важности является Константинопольский собор Святой Софии. В итоге повествования описывается ужасная картина разграбления великой святыни: «Заутра же, солнчю восходящу, внидоша в святую Софию, и одьраша двери и расекоша, а онбол окован бяше весь сребром, и столпы сребреные 12, а 4 кивотьныя, и тябло исекоша, и 12 креста, иже над олтаремь бяху… а то все сребрьно» [5, с. 48].

Несомненно, новгородцев, подобный рассказ впечатлил и, возможно, привел в состояние благородной ярости. Ведь в их городе тоже стоит Софийский собор, в котором жители Новгорода, как отметила М. Б. Плюханова, «…в наибольшей степени воспроизводят идеальную иерусалимско-царьградскую модель пространства с великим Господским

храмом и крестом в центре. Здесь уместно вспомнить, что особенно восхищавшиеся константинопольской Софией паломники были преимущественно новгородского происхождения» [8, с. 498]. Соответственно, разрушение и разграбление такой великой святыни является страшным злодеянием и позором, который нельзя допустить. В 1215–1216 гг. новгородцы столкнулись с серьезной угрозой повторения константинопольских событий в Новгороде. Именно тогда князь Мстислав Мстиславич сумел удачно подготовить настроение новгородцев к битве до смерти или победы: «Поищем муж своих вашей братьи и волости своей; да не будет Новый торг Новгородом, ни Новгород Торжком, но где святая София, ту Новгород …» [5, с. 55].

Данный призыв Мстислава Удатного, однако, является нехарактерным для новгородского летописания: образ новгородского самопожертвования всегда общественен. Мы редко встречаем призывы отдельного лица «лечь костьми» за «правду новгородскую и святую Софью». Подобные изречения принадлежат либо летописцу (описавшему события после или во время их совершения), либо самому новгородскому люду, собравшемуся на вече.

Новгородский образ самопожертвования выстроен на основе образа «святой Софьи» и прочно связан с ним. Софийский собор является главным храмом – святыней города. Согласно мнению А. Е. Мусина, «соположение города и городского храма раскрывает особенности самосознания средневекового горожанина на Руси вообще, не только новгородца, но и жителя любого другого города, который строил свою жизнь, взирая на купола главного городского собора» [9, с. 7]. С другой стороны, Святая Софья – это София Премудрость Божия, небесная покровительница всех новгородцев. Православные по вероисповеданию, они были готовы погибнуть за нее и за почитаемых святых. Также у новгородцев развито острое чувство опасения за непоколебимость своих устоев. В случае угрозы их нарушения горожане готовы погибнуть «за свою правду». «Отчина» – еще одна ценность, за которую, согласно летописи, нужно биться до смерти. Подобное воспитание общественного настроения было нацелено на защиту самостоятельности и независимости Господина Великого Новгорода.

Список источников и литературы

1. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М.: Академический Проект, 2013. 623 с.

2. Долгов В. В., Савинов М. А. Храбры Древней Руси. Русские дружины в бою. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 384 с.

3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / общ. ред. Оболенской С. В.; предисл. Гуревича А. Я. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.

4. Васильев А. В. К истокам мученичества: представления о благородной смерти в Риме до эпохи Пунических войн // Мнемон: исследования и публикации по истории Античного мира. 2017. № 17–2. С. 151–174.

5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М. – Л.: АН СССР, 1950. 640 с.

6. Хорошев А. С. Софийский патронат по новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11: материалы научной конференции, Новгород, 28–30 января 1997 г. С. 205–212.

7. Казаков А. А. Новгородский образ Святой Софии: первоначальный замысел и его эволюция в контексте древнерусской культуры // Историческая психология и социология истории. 2019. Т. 12. № 2. С. 121–136.

8. Плюханова М. Б. О традициях Софийских и Успенских церквей в русских землях до XVI века. // Лотмановский сборник / сост. Е. В. Пермяков. Вып. 2. М.: ОГИ, Изд-во РГГУ, 1997. С. 483–510.

9. Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 364 с.

Сведения об авторе

Луковников Дмитрий Александрович – студент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Росия. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

УДК 355:94(47).047

«УЧЕНИЕ И ХИТРОСТЬ РАТНОГО СТРОЕНИЯ ПЕХОТНЫХ ЛЮДЕЙ»: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕАЛОВ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Мащенко Б. Г.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: mashchenko-bogdan@mail.ru

"UCHENIE I KHITROST' RATNOGO STROENIIA PEKHOTNYKH LIUDEI": SOME RESULTS OF THE MILITARY SERVICE IDEALS STUDIES

Mashchenko B. G.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: mashchenko-bogdan@mail.ru

Аннотация. В данной статье сделана попытка анализа идеалов воинской службы, изложенных в военном трактате «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647). В сравнительном анализе используются различные типы источников: челобитные московских служилых людей за 1630–1660-е гг., царские письма и наказы, свидетельства иностраных послов и путешественников. Целью анализа является выявление генезиса идеалов, изложенных в «Учении», а также различных форм выражения и толкования комплекса идейных установок русскими служилыми людьми того периода.

Ключевые слова: Россия XVII в., идеалы воинской службы, «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», царь Алексей Михайлович.

Abstract. This article attempts a comparative analysis of the ideals of military service set forth in the military treatise "Uchenie i xitrost` ratnogo stroeniya pexotny`x lyudej" (1647). Various types of sources are used in the comparative analysis: petitions of Moscow service people for the 1630s – 1660s, royal letters and instructions, testimonies of foreign ambassadors and travelers. The purpose of the analysis is to identify the genesis of the ideals set forth in the "Doctrine", as well as various forms of expression and interpretation of the complex of ideological attitudes by Russian service people of that period.

Keywords: Russian 17th century, ideals of military service, "Uchenie i xitrost` ratnogo stroeniya pexotny`x lyudej", tsar Alexei Mikhailovich.

Смутное время стало для Московского царства началом череды затяжных военных конфликтов, потребовавших чрезвычайного напряжения сил как всего государства, так и его служилого сословия. Видя

несовершенство русской военной организации, новая династия русских государей предпринимала последовательные шаги по реформированию русского войска, адаптации его тактики к европейскому линейному строю. Помимо создания полков нового строя, закупки и производства современного вооружения и других практических действий, совершенствовались и основы воинского искусства [1]. В 1647 году Московский печатный двор выпустил значительным тиражом книгу под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», которую можно назвать результатом адаптации европейской воинской науки к реалиям Восточной Европы. Однако исследователи высказывали разное мнение о сущности этого труда. После ввода ее в научный оборот П. О. Бобровским и первой публикации в 1910 году в дореволюционной и советской историографии «Учение» традиционно считалось первым русским военным уставом [2]. В пользу этого говорило содержание книги, описывающей приемы обучения солдат, тактику действия войск в бою и другие аспекты, присущие уставным документам. Однако некоторые современные исследователи, в частности О. В. Русаковский считают, что книга является не первым уставным документом, а первым русским военным трактатом [2].

Важно понимать, что «Учение» не было авторским трудом, а лишь адаптацией к русским реалиям труда европейского военного теоретика Иоганна Якоби фон Вальхаузена «Kriegskunst zu Fuss», изданного в 1615. Но мы не можем говорить о нем как о переводном издании, поскольку неизвестный составитель русского текста внес в него множество положений, отсутствующих в оригинале, сконцентрированных в основном во введении к первой книге «О научении как салдатом оружием владети». В этой части пространно излагается взгляд на идейные установки служилого человека, их нравственное обоснование, правила ведения войны и моральные качества воина [3, с. 2]. Все это можно назвать тщательно сконструированным образом русского служилого человека в его идеальном воплощении, то есть неким «идеалом государевой службы».

В труде И. Я. Вальхаузена также излагаются идейные основы воинской науки (причем основой, как и в русской адаптации, выступает божественная воля и религиозные начала), указываются войны праведные и неправедные и ведется рассуждение о нравах солдат [4]. Все это было подвергнуто глубокой переработке в «Учении», и основные составляющие идеала службы пролучили абсолютно другое идейное обоснование.

Работа с положениями, оригинальными для «Учения», и поиск их следов в русских источниках XVII в., позволяет нам установить степень оригинальности и, что самое важное, применимости на практике принципов, вложенных автором «Учения» в свое произведение. К сожалению, авторство рассматриваемого труда остается неустановленным. Вместе с тем, определив, взгляды какой интеллектуальной среды транслировались в данном труде, мы сможем приблизиться и к происхождению произведения.

Одной из ключевых составляющих воинской культуры русских служилых людей можно назвать идеал верности. Служилый человек должен быть верен своему государю, ведь именно от этого факта зависит воинская дисциплина. Эта часть идеала русского служилого человека отражается в «Учении» достаточно ярко, тем более что в оригинале Вальхаузена подобные идеологические положения отсутствуют в принципе, имеется лишь небольшая часть про верность солдата нанимателю на время военной кампании [4, с. 25]. В Московском царстве, с глубоко укоренившимися традициями патернализма служилых людей и почитания власти своего государя, подобные нормы получили абсолютно иное выражение [5, с. 216]. «Всем подданным быти как есть рабом», – в этой фразе автор учения достаточно четко выразил понимание верности служилого сословия своему государю и службы как ее ярчайшего проявления [3, с. 23].

Однако само по себе понятие «службы» является весьма размытым и не может ничего постулировать без разъяснения содержания. Сам факт несения службы не мог быть для служилого человека удовлетворительным. На службе он помимо верности государю должен быть послушен ему во всем, а также тщателен в несении службы. Послушность должна была исключать как таковые «смуты, волнования, заговоры и смятения» [3, с. 25]. «Что им от государей своих днем и нощно приказано будет, хоти в теплое или в холодное время, хоти кисло и ли сладко, хоти легко или тяжело, и не щадети тела своего ни живота», – говорится в «Учении» [3, с. 24]. Подобные характеристики стойкости служилого человека к различным тягостям и лишениям военного времени весьма характерны для того, как сами служилые люди стремились нести службу государю. Важным типом источников, который поможет проследить некую рецепцию и расшифровку идеала верности, будут челобитные служилых людей на имя Государя.

Значимой здесь является готовность к самопожертвованию, выражаемая в формуле «не щадети живота своего». В своих челобитных служилые люди повествуют о том, как они бились «не щадя головы своей» с татарами, ливонскими и немецкими людьми [6, с. 603], однако такая характеристика применяется весьма ограниченно, на ней не делается акцент, ведь для воина подобное поведение было единственно возможным. Важным является акцентирование перенесенных «за государя и святую веру» различных невзгод. Речь идет о вернувшихся из плена служилых людях, подчеркивающих свое бедственное положение в неволе, «живот свой мучил в цепи и в железах и к розным казнем привожен был», – похожие фразы отражают не только саму готовность терпеть лишения ради веры и государя, но и верность пленников, «помнящих свое крестное целование» [6, с. 16, 635]. Помимо этого, служилыми людьми упоминаются и простые лишения военных лет, как, например, в челобитной рейтар Саввы и Евдокима Байкиных, которые «всякую осадную нужду и голод терпели, и прибрели… с… государевы службы из под Смоленска наги и босы, душею да телом» [6, с. 2].

В том, как служилые люди характеризуют свою службу в челобитных, отражается психология этого сословия, для которого служба составляла не только их предназначение, но и просто единственное обоснование значимости в государстве [7]. Потому в челобитных, целью которых было решение иногда весьма обыденных вопросов, большое значение придавалось описанию своего боевого пути на службе. Служилый человек и представлял свою жизнь как несение службы, на которой он «на многихъ бояхъ и въ посылкахъ бился», «служилъ… государю, верою и правдою» [6, с. 19, 522]. Многие служилые люди представляли свой жизненный путь в виде большого сражения во имя Государя, как отец сына боярского Сергея Владыкина, который «служил… 56 лет, и кровь проливал, и во многих осадах сидел, и всякую нужду и голод терпел, и под Смоленском в осаде за вас, государей, умер со всякой осадной нужды» [6, с. 173, 175]. Верность государю, постулируемая в «Учении», в таких случаях выражается еще и как готовность несения службы в самых нелегких условиях, «хоти кисло и ли сладко, хоти легко или тяжело».

Идеал службы, который конструировался в течение первой половины XVII века в Московском государстве, нашел свое отражение и в источниках «сверху», а именно в письмах царя Алексея Михайловича

своим воеводам и приближенным, а также других документах. Данный тип источников интересен тем, что дает нам весьма обширный спектр характеристик для содержания службы в силу богатого лексикона самого государя и его стиля изложения.

Так, нам будет интересен «Государев указ всяких чинов служилым людям о прибытии на службу в срок» 1655 г., повествующий о сборе служилых людей в южных городах для похода в Польшу. Государь в нем говорит, что воин должен «служить с радостными слезами и желательными сердцами», а искренность такой службы должна также выражаться в ее верности: «…потщиться верою и правдою от всего чистаго сердца и с радостью, безо всякаго сумнения» [6, с. 423]. Мы видим, как царь добавляет в идеал службы элемент чувственной искренности. Принцип «послушности» выражается в предупреждении возможным дезертирам: «безо всякаго ворчанья; и переговоров бы о том отнюдь не было… не ворчать и не бежать со службы» [6, с. 423]. За тщательное несение службы государь смягчает требования к срокам призыва, поскольку дворяне указанных городов «служили до крови».

Сильны в письмах государя и божественные принципы службы. Так, в письме к боярину Ю. А. Долгорукову Алексей Михайлович характеризует службу как «дело Божие и наше государево», напутствуя князя на выполнение ратного долга государь повелевает князю «дерзать о имени Ево Святом с великою крепостию и вымыслом с Богом» [8, с. 313]. Здесь мы можем видеть прямое отражение принципа богоугодности воинского дела, выраженного в «Учении» в формуле «Ратной чин есть Богу приятен». Подобные высказывания также присутствуют в письмах государя к боярину В. Б. Шереметьеву и Жалованной грамоте постельничему Ф. М. Ртищеву [8, с. 320, 324].

В «Учении» отдельное внимание уделяется игнорированию сословного происхождения служилого человека и его «прежних повольностей» [3, с. 24]. Помня пагубность для русского войска постоянных местнических споров, от служилого человека требовалось забыть вольности и заслуги предков, так характерных для самосознания русских служилых людей XVI–XVII веков. Сама форма рассуждения автора о вопросе прежних заслуг выглядит как демонстрация некоего шаблона выражения недовольства из-за ущемления заслуг своих родичей, потому выглядит актуально для тех лет. Однако в середине XVII века такое положение уже достаточно прочно вошло в образ мысли русских

служилых людей самого высокого социального положения, и не думавших ставить себя на один уровень с государем, потому среди челобитных и весьма родовитых служилых людей «по отечеству» наблюдается верноподданическое отношение к службе. Так, например, князь Василий Козловский, служивший 43 года подобно простому городовому чину, просит «чтоб государь… за прежния службишка и за кровь и за его увечье, велел от своей государевы службы его отставить» [6, с. 635]. Подобные мотивы ярко проявляются и в письмах царя Алексея Михайловича. Царь использует в них весьма выразительную лексику, обличая ослушание и невыполнение приказов во время военной кампании окольничего князя И. И. Лобанова-Ростовского: «приказывали о Божий и о нашем великого государя деле промышлять со всяким раденьем, отложа всякую гордость и спесь… И ты… то свое обещание позабыл и, не помня нашево великого государя словесного приказу, делал своею гордостью и самовольством, отложа упование на Бога» [8, с. 323–324]. Проявивший свою природную аристократическую спесь окольничий был обличен за такую «повольность» Алексеем Михайловичем и даже попал под угрозу лишения всех своих регалий.

Сам категоричный тон постулатов почитания государя служилым человеком, высказанный в «Учении» и подтвержденный уважительно-подданническим тоном челобитных и иных документов, позволяет нам вспомнить о другом типе свидетельств. Они также повествуют об особом отношении людей Московского царства к государю и его службе. Речь идет, конечно, о различных записках иноземцев о Московии XVI–XVII вв.

Так, еще Сигизмунд фон Герберштейн, описывая Московское царство времен Василия III, отмечал всеобъемлющую власть московского государя над своими подданными. А. Л. Юрганов подчеркивает, что особенно удивительным для него оказалось могущество Василия III: «“Властью, которую он имеет над своими поданными он далеко превосходит всех монархов целого мира… Всех одинаково гнетет жестоким рабством…” <…> “Все они называют себя холопами, то есть рабами государя… Этот народ находит больше удовольствия в рабстве чем в свободе…”» [5, с. 220].

Явное непонимание и удивление такого отношения к подданству поражали иностранцев, выделяя ту глубокую культурную пропасть, которая лежала между ними и русскими людьми. Более того, подобное же отношение московитов к военной службе всегда ставилось им в упрек и выводилось в недостаток. Петр Петрей, посещавший Москву с посольским

визитом в 1607–1608 гг., так писал о воинской службе русских: «его военные люди… обязаны делать все, что бы он ни велел им, если хотят избежать наказания и великой опалы. А он не разбирает, кто высшего, кто низшего звания. <…> Никто не смеет в чем-нибудь перечить ему ни словом, ни мнением, ни делом: все должны исполнять его волю и оставаться довольными, что бы он ни сделал, чего бы ни захотел. Все они должны говорить, что все его приказания справедливы и законны, и воля его – воля Божия… Потому-то они обыкновенно и говорят, что как Бог царствует на небе, так великий князь на земле, что Божия воля то же, что и воля великого князя, говорят еще, если с ними случится что-нибудь: “Знают это Бог да великий князь: что им угодно, и что они прикажут, против того мы не спорим”» [5, с. 413]. В рассуждениях о «обожествлении царя» протестантская этика шведа Петрея и его секулярное восприятие государственной власти входит в противоречие с мировоззрением русского служилого человека. По мнению А. Л. Юрганова, «называя себя холопами, они думали не столько о собственном ничтожестве, сколько о величии, благочестии единственного в мире православного государя, их заступника пред Богом» [5, с. 225]. Готовность к самопожертвованию ради службы царю и беспрекословная верность выставляются Петреем как признак грубости и невежественности.

Отстраняясь от предвзятых моральных оценок шведского путешественника, мы можем увидеть в его свидетельствах отблески тех самых принципов службы, основанной на верности государю. Так, Петрей упоминает готовность русских служилых людей к несению службы в самых тягостных погодных и бытовых условиях: «Никто не смеет раскрыть рта и сказать слово о деньгах или пище, но все они, высшего и низшего звания, так преданы и послушны великому князю, что без всяких отговорок пожертвуют и не подорожат для него всем своим имуществом и самою жизнью» [9, с. 416]. Более того, та самая «послушность», высказанная в «Учении», находит отражение и здесь, шведский дипломат удивляется готовности служилых людей безропотно по первому зову явиться на службу к государю: «Коли он болен, стар и слаб, то летом велел бы положить себя на телегу, да так и везти, а зимою в сани, так бы и ехал и умер бы на службе великого князя, тогда и не был бы виноват, сохранил милость великого князя и удержал за собою поместья для своих наследников» [9, с. 411]. Такое гипертрофированное видение отношения русской власти к неявке на службу перекликается с рассмотренными ранее челобитными, в которых служилые люди очень тщательно относились к этому вопросу.

Такой подход к воинской службе чужд для сознания Петрея. Для него русские – «кабальники и невольные рабы» [9, с. 413]. Подобная оценка «рабского самосознания» русского служилого человека XVII века встречается и в трудах других иноземных путешественников, например, в «Описании путешествия в Московскую» Адама Олеария. Однако пародоксально то, что именно в этом рабском состоянии Олеарий видит и природные преимущества русских, которые «…в рабстве своем и под тяжким ярмом, из любви к властителю своему, могут многое перенести и перестрадать» [10, с. 183]. Еще более гипертрофированно предстает мотивация русских к войне, на которую они идут лишь из-за рабства и своей суровой жизни и выдерживают все тяготы службы и войны только потому, что они рабы. Здесь видится некое извращенное отражение принципа неприхотливости служилого человека, отраженного в «Учении». Подобно Петрею, Олеарий делает сильный акцент на высоком почитании царя [10, с. 204].

Как мы видим, характерные для русских служилых людей черты отношения к воинской службе и государю, выраженные в «Учении», находят яркое отражение даже в таких весьма субъективных источниках, как записки иностранцев о России.

Верность государю и почитание его является лишь составной частью того идеала русского служилого человека, который был сформирован в «Учении», другие аспекты – наподобие принципов христианского братства или богоугодности войны – требуют отдельного рассмотрения. Однако уже сейчас можно сказать, что данный идеал формировался и конструировался на протяжении долгих первых десятилетий XVII века, вобрав в себя следы Смуты и иных потрясений, выпавших на долю Русского государства. «Учение» как трактат вобрало в себя не только теоретические положения о службе, но и частично отразило менталитет русского служилого сословия в части его отношения к воинской службе, активно проявляющийся как в документах, так и в публицистике. Дальнейшее изучение такого богатого источника, как «Учение», позволит более четко очертить комплекс идеалов служилого человека Московского царства и проследить пути их формирования.

Список источников и литературы

1. Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. М.: Квадрига, 2017. 304 с.

2. Rusakovskiy O. The Russian Edition of Johann Jacobi von Wallhausen’s “Kriegskunst zu Fuß” (1649): The History of a Failure? // Militargeschichtliche Zeitschrift. 2020. Vol. 79. No. 1. P. 1–25.

3. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. СПб.: Тип. «Бережливость», 1904. 357 с.

4. Wallhausen J. J. Kriegskunst zu Fuß / Darinnen gelehret und gewiesen warden. Oppenheim, 1615. 188 s.

5. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.

6. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. В 3 т. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол, 1635–1659. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. 773 с.

7. Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.

8. Общественная мысль России в XVI–XVII вв.: в 2-х т. Т. 2: Московское царство. М.: РОССПЭН, 2010. 463 с.

9. Петрей П. История о великом княжестве Московском // Масса И., Петрей П. О начале войн и смут в Московии / М.: Рита-принт, 1997. С. 151–464.

10. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

Сведения об авторе

Мащенко Богдан Геннадьевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

УДК 728.03:82-34(47+57-25)

ДОМ КУПЦА ИГУМНОВА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ О МОСКВЕ

Медведева Е. П.

Государственный академический университет гуманитарных наук
(г. Москва, Россия)
Email: m3dwedewaliz@yandex.ru

THE HOUSE OF THE MERCHANT IGUMNOV IN MYTHS AND LEGENDS ABOUT MOSCOW

Medvedeva E. P.

State Academic University for the Humanities
(Moscow, Russia)
Email: m3dwedewaliz@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема городской легенды на примере московского памятника архитектуры конца XIX века – дома купца Игумнова. Автором предпринята попытка раскрыть особенности возникновения мифов о таинственных местах Москвы и жителях города. В статье исследуются наиболее значимые предания, связанные с архитектурным памятником и его владельцем.

Ключевые слова: городские легенды, фольклор, Москва, устная традиция, миф, дом Игумнова.

Abstract. This article deals with the problem of urban legend on the example of a Moscow architectural monument of the late 19th century – the house of the merchant Igumnov. The author made an attempt to reveal the peculiarities of the emergence of myths about the mysterious places of Moscow and the inhabitants of the city. The article examines the most significant legends associated with an architectural monument and its owner.

Keywords: urban legends, folklore, Moscow, oral tradition, myth, Igumnov's house.

Городская легенда является фольклорным произведением [1, с. 114], которое хранит в себе важную информацию, помогающую в изучении определенного города и составлении образа городского уклада жизни.

Городская легенда обладает рядом характерных черт и особенностей. В первую очередь, она представляет собой историю с географически точными данными о конкретном месте, где произошло то или иное событие, также может быть указана дата произошедшего. История основывается на правдивых фактах об исторических личностях, улицах, о различных сооружениях, памятниках, постройках и т. д. При своей достоверности легенда также обладает элементами фантастического,

зачастую потустороннего и мистического. Еще одной значительной чертой легенды является то, что передается она, как правило, устным образом в форме пересказа. Кроме того, легенда как фольклорное произведение всегда анонимна. Составителями городских легенд выступают жители городов или городских поселений.

Городские легенды являются специфическим историческим источником. Изучая их, специалист должен четко отделять реальность от вымысла. Городские легенды как исторический источник несут богатую информацию о совокупности коллективных представлениях жителей определенного города и их мировоззренческих аспектах по отношению к нему, они способствуют сохранению исторической памяти о городе. С помощью изучения городской легенды исследователь может составить целый портрет города или отдельного района. И данный образ будет отражать взгляды горожан на определенную ситуацию, произошедшую в городе, их отношение к ней, взгляды на конкретную историческую личность, чем-то отличившуюся и запомнившуюся жителям.

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса городских легенд, выявлению их особенностей и причин возникновения на примере архитектурного памятника Дома купца Игумнова.

Статья является актуальной, так как городские легенды активно развиваются и в наше время. Легенды продолжают передаваться между жителями города, при этом возникают и новые дополняющие сведения, которые помогают исследователям-краеведам наиболее полно изучить город.

Определяя причины возникновения легенд, Карабулатова И. С. и Савчук И. П. приходят к тому, что их главными составителями и распространителями является преимущественно молодое поколение, желающее «верить в невероятное» [2, с. 28]. Еще одной из причин появления городской легенды может быть попытка людей объяснить необычность какого-то места, его особенности или же нетипичность какой-либо ситуации, произошедшей в городе. Среди мотивов создания городских легенд Е. В. Смирнова выделяет пристальное внимание горожан к «опасным» или «проклятым» местам [1, с. 116], которые возникают из-за произошедших несчастий с людьми.

Дом купца Игумнова – особняк, располагающийся в московском районе Якиманка. Земля в районе близ Москвы-реки была относительно дешевой, так как часто затапливалась. В XIX век в районах Замоскворечья и Большой Якиманки появляется большое количество новых фабрик и заводов. Здесь постепенно расселяются купцы и мещане.

Особняк Н. В. Игумнова относится к русскому архитектурному стилю. Русский или псевдорусский стиль получил популярность в конце XIX века. Его основная идея заключалась в отражении национальной самоидентификации, народного духа в постройках.

Русский стиль можно разделить на три этапа развития: русско-византийский, относящийся к правлению Николая I, главной темой здесь является идеология, разработанная министром народного просвещения С. С. Уваровым «Теория официальной народности». Следующий этап в становлении русского стиля был самым насыщенным – классический русский стиль, он приходится на годы правления Александра II и Александра III. Именно к этому периоду относится Дом купца Игумнова. Завершающим этапом стал неорусский стиль, возникший по причине кризиса классического русского стиля [3]. Такие постройки совмещают в себе не только элементы русского зодчества, но и совершенно уникальные на тот момент детали модерна.

Возвращаясь к классическому русскому стилю, стоит отметить, что развитию данного этапа в архитектуре способствовало набирающее популярность философское течение – славянофильство. Для архитектуры характерной особенностью стало повторение элементов древнерусского зодчества и использование древнерусских орнаментов в украшении зданий. Так, Дом купца Игумнова был возведен наподобие терема XVII века.

Николай Васильевич Игумнов – купец и владелец «Ярославской Большой мануфактуры», в его собственности также находились золотые прииски Сибири. Все эти источники дохода достались Николаю Васильевичу от его родственников по наследству. Однажды купец задумал построить в Москве особняк, который бы выделялся на фоне других особняков московской элиты. Местом для строительства дома он выбрал район Якиманка.

В качестве архитектора был приглашен ярославский зодчий Николай Поздеев [4, с. 52]. Особенностью дома стали изразцы, напоминающие декоративные элементы ярославских храмов. Бочкообразные колонны, окна с наличниками, кованые ограды гармонично сочетались в украшении здания [5, с. 359]. При этом особняк не мог не вызывать удивления у москвичей. Он не был похож ни на одну из построек, находившихся на территории Якиманки. В связи с чем у горожан вызывал особенный интерес.

Купец не жалел средств на возведение дома: «Для строительства кирпич выписывался из Голландии, а многоцветные изразцы для

оформления были изготовлены на знаменитом заводе Кузнецова… Затрачен на него был, как говорили, миллион рублей» [6, с. 292]. С этого момента дом Игумнова начал обрастать различными легендами.

Первая городская легенда появилась сразу же после окончания строительства особняка. Ни архитекторы, ни высшее сословие Москвы не оценило задумку Николая Поздеева. Они сочли дом неподходящим для Якиманки, слишком вычурным. Негативная реакция общества вызвала ссору между заказчиком – Николаем Игумновым и архитектором. Вскоре москвичи стали распространять легенду о том, что «Николай Поздеев совершил самоубийство, так как Игумнов отказался покрывать дополнительные расходы на строительство, превысившие первоначальную смету. Спасаясь от долгов, архитектор застрелился и проклял особняк и его обитателей» [4, с. 53]. По официальным же данным ярославский зодчий скончался от туберкулеза [7]. При этом количество мистических историй, посвященных Дому купца Игумнова, стало увеличиваться. Исходя из данного мифа, можно сделать вывод, что одной из причин создания городских легенд является мотив строительства, возникновения новых необычных архитектурных памятников, которые в значительной степени отличаются от привычной районной застройки.

Следующая легенда относится непосредственно к личной жизни купца Игумнова. Помимо законной жены, у Николая Васильевича была любница-танцовщица. Именно она проживала в особняке во время отсутствия в Москве купца. Согласно легенде однажды владелец уличил возлюбленную в измене и принял решение заживо замуровать несчастную в стене [6, с. 293]. С тех пор легенда дополнилась и слухами о девушке-призраке, обитающей в доме по сей день. Анализируя данную легенду, следует сделать вывод, что жителей Якиманки особенно привлекала личность Николая Васильевича. Именно поэтому они уделяли внимание личной жизни купца.

Для городских легенд также свойственен мистицизм и явное преувеличение. Большое количество схожих мифов встречается в других московских районах. Одним из самых известных является история, посвященная дому Якова Брюса, – сподвижника Петра I. Согласно легенде в доме также была замурована возлюбленная государственного деятеля. Подобные истории встречаются в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Йошкар Оле и других городах России.

Таким образом, можно сделать вывод, что для городских легенд свойственны общие мотивы и близкие сюжеты.

Следующая легенда Дома Игумнова относится к 1901 году. По легенде купец выложил пол одной из парадных комнат особняка монетами, на которых виднелось изображения императора. Сделал это Игумнов, чтобы удивить своих гостей. Однако его затея оказалась неудачной. Эта новость дошла до государя, в связи с чем Николай Васильевич был выслан из Москвы и отправился в Абхазию. Там он занимался хозяйственной деятельностью.

Данная легенда, вероятно, была создана в связи с характером купца Игумнова, его эпатажным поведением в обществе. Подтверждает эту теорию и тот факт, что в Абхазии Игумнов высадил целые аллеи из кипарисов в виде своих инициалов [4, с. 54]. Скорее всего, купец в действительности желал попасть в московское высшее сословие, запомниться его представителям. В связи с обильным финансовым достатком Николая Васильевича стоит предположить, что у него имелись завистники, способствующие распространению легенды.

Так как городские легенды о доме Игумнова быстро распространились по Москве, продать особняк его владельцу не удалось.

Дальнейшая судьба дома Игумнова весьма интересна. Несмотря на кардинальные перемены в политическом устройстве страны, Николай Игумнов предпочел остаться на родине. Особняк был передан в пользование советской власти. В Доме купца Игумнова сначала расположился Институт переливания крови, а позже Институт мозга. Ученые занимались исследованием головного мозга В. И. Ленина и выявлением в нем особенностей [4, с. 53].

Работа института велась засекреченно, из-за чего количество мистических историй среди горожан увеличилось, а прежние легенды о купце прочно закрепились в памяти москвичей, проживающих в Якиманке. С 1938 года по наше время в Доме купца Игумнова располагается французское посольство.

Проанализировав самые распространенные среди жителей района истории о купце Игумнове и его доме, удалось выявить следующие особенности возникновения городских легенд:

– появление в районе архитектурного памятника, отличающегося от окружающей застройки, привлекало внимание людей;

– пристальное внимание к конкретной исторической личности, вызванное какой-либо деятельностью данного лица или его неоднозначным поведением в обществе;

– произошедшая в городе ситуация, которая на первый взгляд может показаться мистической (смерть или пропажа человека).

Городские легенды дают возможность восстановить образ города или района конкретной исторической эпохи. В данной статье на основе городских легенд удалось более детально изучить биографию одного из представителей купечества конца XIX века. Появление в Москве ярославского промышленника вызывало явное недовольство среди местного населения, что приводило к быстрому распространению слухов и вымышленных историй о нем. На данном примере можно заметить, как городские легенды способствуют не только падению репутации владельца особняка, но и появлению нехорошей славы у самого архитектурного памятника.

Таким образом, городские легенды являются важным историческим источником, с помощью которого возможно изучение различных областей общественной жизни и культуры определенного исторического периода. На примере дома купца Игумнова автору удалось выявить главные черты и особенности городских легенд, а также причины их появления.

Список источников и литературы

1. Смирнова Е. В. Устойчивые мотивы сюжета «геопатогенная зона» в городской легенде // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 45. С. 114–119.

2. Карабулатова И. С., Савчук И. П. Концепции генезиса городских легенд: системный анализ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи: СГУ, 2020. № 25–2. С. 27–29.

3. Крамер Д. Русский стиль в архитектуре как поиск национальной души // Москвич Mag: сайт. URL: https://clck.ru/33h5d8 (дата обращения: 05. 02. 2023).

4. Бережная М. А. Легенды и мифы Москвы. М.: Эксмо, 2017. 95 с.

5. Арсеньев Б. В. Неисчерпаемая Якиманка: в центре Москвы, в сердцевине истории. М.: Центрполиграф, 2014. 492 с.

6. Фочкин О. В. Призраки и золото дома Игумнова. М.: Рипол Классик, 2016. 625 с.

7. Егорова Т. Архитектор Поздеев – забытый и незабываемый // Ярославский регион: сайт. URL: https://yarreg.ru/articles/sk_news_5_58024_/?ysclid=ltgxkq8tzx149754383 (дата обращения: 06.02.2023).

Сведения об авторе

Медведева Елизавета Павловна – студентка, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.

Сведения о рецензенте

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

УДК 1(091)(47):821.161.2

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЛЕСИ УКРАИНКИ

Метелькова Д. А.

Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)
E-mail: metelkova_2002@mail.ru

THE SOCIO-POLITICAL VIEWS OF LESYA UKRAINKA

Metelkova D. A.

Moscow State Pedagogical University
(Moscow, Russia)
E-mail: metelkova_2002@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены общественно-политические воззрения Леси Украинки, одного из ярких представителей украинского движения. Украинский вопрос – вопрос внутреннего единства нации – был одним из важнейших в Российской империи. В XIX веке под воздействием украинофильских идей на национальной окраине развились центробежные тенденции. Понимание этого процесса невозможно без анализа деятельности и творчества певцов Украины.
Ключевые слова: общественно-политические взгляды, Леся Украинка, украинофильство, социализм, марксизм.

Abstract. The article deals with the social position and political views of Lesya Ukrainka, one of the most prominent representatives of the Ukrainian movement. The Ukrainian Question, which was the issue of the country's internal unity, was one of the most important ones in the Russian Empire. In the 19th century under the impact of the Ukrainophile movement there were centrifugal tendencies that developed on the outskirts of the nation's territory. It is impossible to comprehend this phenomenon without analyzing the Ukrainian singers' creative activity.
Keywords: socio-political views, Lesya Ukrainka, ukrainophilism, socialism, Marxism.

Важнейшим периодом для становления украинской национальной общности стал XIX век. Эпоха романтизма с ее интересом к национальной проблематике дала импульс к развитию национального движения. Перед украинской интеллигенцией встала задача из этнической массы украинского народа создать украинскую нацию, способную к самостоятельной культурной и политической жизни. Леся Украинка принадлежит к числу наиболее известных и значительных деятелей украинского национального движения конца XIX – начала XX в. В

подавляющем большинстве исследования, посвященные Лесе Украинке, направлены на анализ филологических особенностей ее творчества, оставляя вне проблемного поля ее общественно-политические взгляды и влияние на общественное сознание.

Леся Украинка – это литературный псевдоним. Ее настоящее имя – Лариса Петровна Косач. Она родилась в интеллигентной украинофильской семье на Волыни, в той части Украины, которая входила в состав Российской Империи. Ее отец, П. А. Косач, был председателем съезда мировых посредников, а мать, Е. П. Косач, работала на ниве украинской культуры – была писательницей, известной под псевдонимом Олена Пчілка. Она принимала участие в литературных и общественных делах, была, по воспиминаниям Оксаны Стешенко, близка к «Старой громаде» [1. с. 99]. В их семье украинский язык был и литературным, и разговорным, по словам А. Е. Крымского, «тут считали недопустимым, чтобы интеллигенция разговаривала на ином, чем народ, языке» [1, с. 263].

Лесю воспитывали в украинских традициях. Ее дядей был М. П. Драгоманов – известный деятель украинского национального движения, с которым Леся активно вела переписку и гостила у него в Болгарии, что отразилось на ее творчестве и социально-политических взглядах: «Обязанная дяде многими взглядами, многими своими умственными интересами, постоянно поддерживая в себе культ его мировоззрения, она тем не менее достигла известной самостоятельности мысли, и сама сделала из его учения все необходимые ей выводы… Эти выводы, последовательно развитые, привели ее от народнического радикализма к первым социал-демократическим объединениям, превратили ее в сотрудницу русского марксистского журнала «Жизнь» [1, с. 340].

На формирование ее взглядов повлияли и общественно-политические проблемы современности: национальный гнет, действие Валуевского циркуляра и Эмского указа, которые Я. Б. Рудницкий назвал «лингвоцидальными актами царской России» [2], притеснение украинского языка и культуры, преследования активистов со стороны властей, нужды народа, его инертность: «И то, что наши люди ленивы, они ленивы, я сейчас хорошо вижу! Ведь у нас нет государственного образования, и из-за этого не хватает общественного чувства. Все остается только вытереть глаза, чтобы посмотреть на мир ярче, а некоторые, как ленивые, не вытирают глаз, а просто спят со сном праведников, а их сны о золоте» [3].

Неудивительно, что на этом фоне Леся Украинка прониклась взглядами своих современников.

Леся Украинка проявила живой интерес к общественно-политическим проблемам современности. Большинство историков интерпретировали ее взгляды двумя способами: «Леся Украинка – защитница драгомановских взглядов» и «Леся Украинка – социал-демократ». Последняя концепция в советской историографии преобладала, о чем свидетельствуют работы А. Дейча, А. Костенко и др. Освещение ее работ тенденциозно марксистское, авторы говорят о «социалистических симпатиях» Леси Украинки, убеждают читателей в том, что Леся Украинка была лидером и организатором социалистического движения в Украине. Леся Украинка действительно находилась под влиянием передовых идей и сблизилась с социал-демократическими партиями, была знакома с их видными деятелями – П.Л. Тучапским и Н.Ю. Ганкевичем и др.

Ей не были чужды социалистические лозунги. По словам ее мужа К. В. Квитки: «Леся, как известно, была социалисткой, так сказать, принципиальной, мало интересовалась различиями в программах отдельных социалистических партий и фракций… По моим наблюдениям она была одиозной социалисткой, как сторонница высокой идеи, которая в большей степени отвечает элементарному принципу человеческого равенства, ей, как и многим, было свойственно презрение к буржуазии, но она не ждала от рабочего класса какого-то нового слова в этике и культуре, на что надеются многие» [1, с. 234–235].

Она изучала труды классиков марксизма. «Капитал» ее разочаровал: «я не вижу той “строгой системы”, о которой говорят фанатики этой книги, вижу много фактов, множество шутливых гипотез и еще больше просто шуток, но много остается для меня темного, невыясненного, недоговоренного и в научной теории, и в практических выводах из нее. Нет, видно, это novum evangekium все-таки требует больше непосредственной веры, нежели ее у меня есть» [4]. Экономические книги – марксистские труды по политическому и экономическому развитию общества она называла «скучающими» книгами [5], а по воспоминаниям ее мужа К. Квитки, «специальную экономическую литературу в первые годы их знакомства она читала редко, делая над собой явное усилие, поскольку это было нужно, а в последние годы не читала совсем» [1, с. 235]. И вообще, «постепенно социалистическая окраска ее взглядов бледнела,

чему способствовали насущнейшие жизненные интересы (в то время, как националистическая крепла)» [1, с. 234].

Судя по письмам к родным, по просьбам социал-демократических партий она издавала социалистические брошюры, распространяла запрещенную литературу. Леся перевела на украинский язык «Манифест коммунистической партии», «Развитие социализма от утопии к науке» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Кто чем живет» С. Дикштейна, «Очерки материалистического понимания истории» А. Лабриолы, – эти переводы были переданы одному из организаторов рабочего движения в Галиции – Н. Ю. Ганкевичу и по просьбе Леси Украинки вышли под названием «Издание группы украинских социал-демократов».

К каждой из этих работ Леся Украинка написала предисловие. В них явно прослеживается влияние марксизма. Вот, например, предисловие к украинскому переводу Манифеста коммунистической партии: «Из недр капиталистического общества поднимается новая сила – пролетариат, который, отстаивая свои классовые интересы, должен организоваться, объединиться, стать сознательным, а потом произвести переворот, установить новый общественный строй, уничтожить эксплуатацию, темноту и неволю» [6, с. 30].

Леся Украинка считала, что социал-демократы должны уделять больше внимания национальному вопросу: «…я бы самым серьезным образом обратила внимание на социал-демократическое движение и на то, какое место в нем должен занимать национальный элемент, т. е. есть как, например, украинские, польские и великорусские социал-демократы относятся к границам самих себя» [7]. Из-за игнорирования национального вопроса ее взглядам полностью не соответствовала ни одна партия: «Разделяю не все взгляды членов социал-демократических кружков и имею оговорки к их деятельности, поэтому в статьях предприму не “мы”, а “я”, потому что по натуре я, собственно, “Wilde”, то есть дикая, и с организациями вхожу всегда в оригинальные отношения “союзника” скорее, чем члена» [8].

Она категорически заявляет о своем несогласии с различными российскими политическими течениями социалистического, в том числе и социал-демократического, направления, которые в большей или меньшей степени игнорируют украинский народ и его право развиваться. К революционной украинской партии Леся Украинка относилась

отрицательно, потому что ее лозунги отрывали украинское студенчество от русских социалистических групп, не соглашалась и с ее программой, которая предполагала ревизионизм, при условии, что ортодоксального марксизма, по ее мнению, еще не было, тактика террора для нее была безумна. Но значение РУПа было велико.

Она считала, что только с появлением революционного движения правительство ослабит преследование украинцев и украинского культурничества. Однако, по ее мнению, «эти люди должны бы принять программу социал-демократии и работать в духе социал-демократии всего мира, а не забавляться пересмотром того, чего у нас на Украине еще не было» [1, с. 183]. Леся Украинка считала, что необходимо сотрудничать всем политическим партиям Украины, которые отстаивают ее независимость, а также этим партиям с революционными партиями всей России, поскольку национальную независимость она связывала с независимостью социальной. Такое единство всех прогрессивных революционных сил России необходимо в том случае, когда политические партии, взаимодействуя, сотрудничали бы на равных правах.

Леся Украинка выступала против тех, кто утверждает, что «не все люди способны жить по своей воле, и что, поскольку мир есть мир, существовали, есть и будут между людьми господа и подданные, и что так и должно быть, и тот, кто хочет изменить такую систему, является либо глупцом, либо преступником» [9]. Идеал свободы для Леси Украинки – признание политической и экономической свободы народа, гарантия человеческих и гражданских прав. Для нее важна и национальная свобода, от которой зависело счастье украинского народа. И если свобода не предусмотрена законом, значит за нее нужно бороться. Вопрос подготовки народа к борьбе был дискуссионным. Полемизируя с Франко, она критикует его за то, что он выступал за прямую пропаганду среди крестьян, и считает, что именно рабочие – это «более удобная почва для пропаганды» [10]. При этом особая роль отводилась интеллигенции, которая должна заботиться об интересах народа. На вопрос «Как освободиться из плена?» она отвечает, опираясь на опыт рабочих Германии. По их примеру рабочим необходимо объединиться в упорядоченные организации, которые в итоге образуют рабочую партию.

Леся Украинка разделяла принцип интернационализма и подчеркивала, что борьба может вестись только совместными усилиями всех народов империи: «…но не меньше было борцов, которые соревновались, например, среди неприглядных степей Поволжья, на

конкретной почве, с помощью национальных идеалов, основанных на исторических примерах (Пугачевщина, Разинщина)», не стоит обращать внимание на веру и народность – поляк, москаль, украинец – это неважно, потому что у них один враг, «все должны быть связаны сами собой как равные, свободные со свободными, ибо когда рабочие не возьмут плен друг друга, пока мировое солнце не будет освобождено из плена» [11]. Однако Д. Донцов утверждает, что интернационализм Лесе Украинке был чужд: «Она не очень любит интернационализм» [12], но это отрицание влияния на нее космополитических идей М. Драгоманова и деятельности в социал-демократической партии.

Взглядам Леси Украинки был присущ и национальный оттенок. С одной стороны, она осуждает бессилие украинского общества, неспособного бороться за освобождение Украины, с другой стороны, обличает угнетателей – царизм и все, что с ним связано. Д. Донцов высказал версию, что Леся стала пророком коричневой чумы: «Вся ее работа становится одним душераздирающим обращением к той белла-вендетте, которая в своей новейшей форме «фашизма» породила свои оргии в Италии и в форме восстаний в ее собственной стране» [12]. Но Леся Украинка не смешивала классовый антагонизм с тем, что приписывает ей Д. Донцов. «Я не знаю, откуда взялась слава, что я такой ненавистный националист? Часто люди, встретившись, удивляются, что я не ем великороссов, поляков и других, как будто я когда-либо признавался в каннибальской профессии de foi!» [13], – писала она М. В. Кривнюку.

Ее взгляды по национальному вопросу прослеживаются в суждениях об историческом прошлом Украины. В своих исторических представлениях Леся Украинка исходила из позиций украинофильства, мечтала о восстановлении состояния своих предков, о том моменте, когда «великан поднимется и разорвет узы». Леся Украинка считала, что Богдан Хмельницкий, «виновный» в воссоединении Украины с Россией, сделал это против воли народа: хотя никто в Украине об этом не мечтал, потому что это (Украина) «не имело никакого отношения к Московскому государству» [14].

Она пыталась внести вклад в национальный исторический нарратив Украины и написала агитационную статью «Наша жизнь при московских царях». К сожалению, эта рукопись до сих пор не найдена, но представление о ее содержании мы имеем благодаря письмам к М. В. Кривнюку. В ней Леся предъявляет исторические претензии Российской Империи за порабощение: «Я покажу, как уничтожение Сечи было

последним и величайшим способом полного порабощения народа, ведь не стало ни укрытия для беглецов, ни примера коммунистической экономики на Украине, ни страха перед хозяевами» [15]. Пыталась доказать, что Москва прививала веру в то, что все зло совершалось без ведома царя, давала обещания, но не собиралась их выполнять. Политика царей была всегда одинаковой и что «чем выразительнее была индивидуальность царя, его сознание и независимость от «хозяев» и всяких «злых советников» (тем более он «все знал»), тем хуже от него доставалось Украине» [15]. Именно она задала важнейший вопрос: «Как сделать Украину политической силой?», высказывалась против состояния «славянские ручьи сольются в море Русском», потому что, на ее взгляд, братские народы это всего лишь соседи, не имеющие общих интересов, «поэтому им лучше говорить хотя бы бок о бок, но каждый от себя, не смешиваясь с «внутренней политикой» соседа» [16].

Со временем Леся Украинка заметила, как московские социалисты относятся к «негосударственным нациям», и это влияет на ее взгляды, «теперь я пишу статью в “Руси” об украинской автономии в знак протеста против российской конст-демократической партии, которая злит меня до глубины души» [17]. Ее поздние произведения свободны от социалистических взглядов и чаще всего связаны с вопросами национальной борьбы.

Леся Украинка – культовая фигура, украинская Сафо, была возведена на пьедестал советскими историками как борец за марксизм, революционер, родоначальница пролетарской литературы на Украине. Но вполне марксисткой и пролетарской писательницей она не была. Леся Украинка была самостийницей и ставила интересы своего народа превыше всего.

Список источников и литературы

1. Леся Украинка в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1971. 510 с.

2. Jaroslaw B. Rudnyckyj. The Ems Ukase of 1876 and the problem of linguicide. URL: The_Ems_Ukase_of_1876_and_the_problem_of_linguicide__en.pdf – Яндекс.Документы (yandex.ru) (дата обращения: 09.03.2023).

3. Леся Українка. Письмо 17.12.1891 г. К М. И. Павлыку. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1891/18911217.html (дата обращения: 09.03.2023).

4. Леся Українка. Письмо 11.09.1897 г. Сестре Ольге. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1897/18970911.html (дата обращения: 09.03.2023).

5. Леся Українка. Письмо 15.02.1897 г. Л. М. и А. М. Драгомановым. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1897/18970215.html (дата обращения: 09.03.2023).

6. Дейч А. Леся Украинка. М.: Гослитиздат, 1953. 132 с.

7. Леся Українка. Письмо 7.06.1899 г. К. М. И. Павлыку. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1899/18990607.html (дата обращения: 09.03.2023).
8. Леся Українка. Письмо 17.03.1903 г. к Ф. Волховскому. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1903/19030317fvv.html (дата обращения: 09.03.2023).
9. Леся Українка. Державний лад. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Miscel/DerzhLad.html (дата обращения: 09.03.2023).
10. Леся Українка. Не так тії вороги, як добрії люди. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Publicistics/NeTak.html (дата обращения: 09.03.2023).
11. Леся Українка. Додаток від впорядника до українського перекладу книжечки «Хто з чого живе» С. Дикштейна. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Publicistics/VidVporjadchyka.html (дата обращения: 09.03.2023).
12. Донцов Д. Поетка українського Рісорджименто. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Studies/Risorgimento.html (дата обращения: 09.03.2023).
13. Леся Українка. Письмо 05.1897 г. М. В. Кривинюку. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1897/189705xx.html (дата обращения: 09.03.2023).
14. Леся Українка. «Безпардонний» патріотизм. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Publicistics/BezpardonPatriotism.html (дата обращения: 09.03.2023).
15. Леся Українка. Письмо 26.11.1902 г. М. В. Кривинюку. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1902/19021126.html (дата обращения: 09.03.2023).
16. Леся Українка. Письмо 3.03.1903 г. М. В. Кривинюку. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1903/19030303.html (дата обращения: 09.03.2023).
17. Леся Українка. Письмо 7.11.1905 г. Сестре Ольге. URL: https://l-ukrainka.name/uk/Corresp/1905/19051107.html (дата обращения: 09.03.2023).

Сведения об авторе

Метелькова Дарья Александровна – студентка, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

Сведения о рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. ORCID: 0000-0003-0782-1656; e-mail: vasilev–yaroslav@yandex.ru

УДК 94(47).03:340.153(47.332)

СМОЛЕНСКАЯ ТОРГОВАЯ ПРАВДА 1229 ГОДА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ СВЕТЕ

Павлов Е. Н., Жуков В. В.

Смоленский государственный университет
(г. Смоленск, Россия)
E-mail: e-n-pavlov-mail@yandex.ru; gukov-vlad-vlad@mail.ru

SMOLENSK TRADE TREATY OF 1229 IN A HISTORIOGRAPHICAL LIGHT

Pavlov E. N., Zhukov V. V.

Smolensk State University
(Smolensk, Russia)
E-mail: e-n-pavlov-mail@yandex.ru; gukov-vlad-vlad@mail.ru

Аннотация. Смоленская торговая правда уже более двух столетий является объектом пристального внимания со стороны исследователей. Тем не менее и сегодня источник не исчерпал своего потенциала для дальнейшего изучения исторической значимости заключения Смоленской торговой правды 1229 года в контексте не только ее содержания в рассматриваемую эпоху, но для комплексного понимания основ правого регулирования международных взаимоотношений. В этой связи в предложенной статье анализируются отдельные положения отечественной и зарубежной историографии в отношении ранее упомянутой грамоты. Предлагаются выводы о возможностях дальнейшего анализа данного исторического источника.

Ключевые слова: Смоленск, историография, торговля, международный договор, источник.

Abstract. Smolensk trade treaty has been the object of close attention of researchers for more than two centuries. Nevertheless, even today the source has not exhausted its potential for further study of the historical significance of the conclusion of the Smolensk Trade Treaty of 1229 in the context of not only its content in the era under consideration, but for a comprehensive understanding of the foundations of the legal regulation of international relations. In this regard, the proposed article analyzes certain provisions of domestic and foreign historiography in relation to the previously mentioned charter. Conclusions about the possibilities of further analysis of this historical source are proposed.

Keywords: Smolensk, historiography, trade, international treaty, source.

Смоленская правда является одним из наиболее значимых источников XIII века, свидетельствующим об особенностях правового устройства западного приграничья Руси. В связи с чем договор уже более двух веков остается объектом пристального внимания историков,

филологов, лингвистов. В обозначенный период Смоленск являлся одним из наиболее развитых княжеств. Это было обусловлено, прежде всего, выгодным географическим положением и особенностями внутреннего устройства, поэтому данная территория являлась объектом политического интереса различных государств.

Наиболее ценным источником, посвященным периоду, является – Смоленская правда 1229 года, которая считается одним из первых известных международных актов Смоленского княжества, основной целью которого было урегулирование торговых взаимоотношений. Договор гарантировал взаимовыгодные экономические условия между русинами и «немчинами», создавая тем самым благоприятную политическую обстановку. Помимо этого, «правда» рассматривала особенности гражданского и уголовного права XIII века, а также координировала отдельные моменты судопроизводства заинтересованных сторон, возникающие на почве ранее упомянутой деятельности. В области правового регулирования «кривичская грамота» базировалась на основах Русской Правды, а вот регулирование взаимоотношений между участниками договора строилось уже на основе паритета. Вследствие этого Смоленская торговая грамота является чуть ли не единственным нормативно-правовым актом, отражающим особенности международных отношений XIII века. Это обстоятельство, в конечном счете, обусловило то, что данный договор на протяжении длительного времени остается объектом пристального внимания исследователей в ходе изучения как эпохи в целом, так и отдельных вопросов.

Первым российским ученым-историком, обратившимся к содержанию грамоты, стал Николай Михайлович Карамзин, в частности, он отмечал, приводя положения рассматриваемого договора, которые отражают «нрав и законодательство», что Смоленск активно ввел так называемую «знатную торговлю» с Ригой, Готландом и отдельными немецкими городами [1]. Однако, упоминая князя Мстислава Давыдовича, как раз заключившего эту «правду», он ошибочно, по мнению исследователей, рассматриваемых далее в тексте, утверждает, что договор был заключен на год раньше общепринятой сегодня даты.

Также особый интерес грамота представляла для исследований с точки зрения лингвистики – ввиду существования ее различных вариантов, которые значительно влияют не только на механическое прочтение текста, но и его общее восприятие. Это обстоятельство играет определенную роль

по причине заинтересованности торговцев рассматриваемой эпохи в разрешение споров. В связи с этим А. И. Соболевский и определял Смоленскую грамоту как исключительно ценнейший источник для филологов [2, с. 121–132]. Но все же наибольший интерес грамота представляет для исторического изучения, в связи с необходимостью понимания фона эпохи, внутренних связей и процессов.

Однако последующая отечественная историография не уделяла особого внимания грамоте. К подробному анализу источника вернулись уже в XX веке. В этом свете отметим работы Б. Д. Грекова [3], М. Н. Тихомирова [4], А. А. Зимина [5, с. 54–57], Т. А. Сумникова [6], В. А. Кучкина [7]. Центральным исследователем содержания Смоленской торговой правды является А. А. Куник, определивший точную датировку источника. Помимо подробного изучения содержания торгового договора, анализа основных положений, лингвистических исследований, основной заслугой советских ученых является систематизация списков «правд» и их окончательная датировка, остающаяся общепринятой и на сегодняшний день.

На современном этапе анализу Смоленской грамоты не было посвящено отдельной работы, положения правды лишь фрагментарно анализировались в трудах Н. Н. Усачева, посвященных истории внешней торговли западного приграничья России. Отметим, что автором не было предложено трактовок, отличных от историографии XX века [8, с. 287–296]. Отдельно выделим работу Л. В. Алексеева, посвященную анализу международных отношений Смоленского княжества в период IX–XIII веков, поскольку торговая правда является первостепенным источником данного периода, автор уделяет анализу соглашения большое внимание [9, с. 117–131]. Существенный вклад в изучении специфики договорных отношений, их диалектических особенностей внес выдающийся филолог А. А. Зализняк [10]. На данный момент наиболее актуальным, систематизированным и структурным является труд доктора филологических наук Подтергера И. А., посвященный анализу содержания Смоленского договора с позиций филологии [11, с. 226–237]. Автор в данной работе преимущественно изучает языковые особенности, отражающиеся в содержании текста договора, характеризуются варианты прочтений отдельными исследователями в связи с разнообразием списков и присутствующими в них неточностями перевода.

Смоленская грамота куда в большей степени подвергалась изучению в зарубежной историографии. В среде зарубежных историков, литераторов, лингвистов «кривичский» договор уже более 200-х лет остается предметом пристального изучения. Первым из иностранных ученых, проанализировавшим договор, стал Эвальд С. Тобин [12, s. 42–72]. Проблемой, к которой обращается автор, является вопрос датировки источника, т. к. он настаивает, что договор 1229 года не является первым, а предшествует ему соглашение 1228 года, также подобной позиции придерживался советский ученый Арист Аристович Куник [13].

Однако на современном этапе развития исторической науки единственной принятой датировкой договора является 1229 год, первым ученым, приведшим фундаментальные аргументы в поддержку такого подхода, стал Петрухин П. В. [14, с. 477–485]. При помощи лингвистического анализа историк доказал: упоминаемый в содержании 1228 год является формой немецкого плюсквамперфекта, указывающего на то, что обозначенные события произошли в 1229 году. Сложности с датировкой договора возникли в связи с различными редакциями правды (латинский, рижский, нижненемецкий, русский списки).

Наиболее комплексным исследованием в области изучения Смоленской торговой правды является труд Карла Гётца «Средневековые немецко-русские торговые договоры» [15, s. 81–93]. Автор соглашается с установившейся позиций по поводу происхождения договора, считая, что списки восходят к латинскому, либо же нижненемецкому тексту, в соответствии с этим сохранившийся материал является переводом. Опираясь на позицию Куника, ученый полагает, что определить первоисточник текста не представляется возможным [16, s. 403–421]. В споре с мнением Куника Гётц отмечает, что аргументация в пользу нижненемецкого происхождения источника не выдерживает критики. Интересным предположением является содержательная оценка, данная Гётцем спискам рижской и готландской редакции. Так, автор выискивает отличающиеся по содержанию статьи, отмечая, что в первом случае торговый приоритет уделяется русскому купечеству, в случае же немецкой редакции подобный перевес происходит в сторону западных торговцев. Особенно ярко это можно наблюдать в содержании 4-й, 12-й, 17-й, 18-й, 23-й, 25-й статей [15]. Отметим факт отсутствия некоторых статей в различных списках в связи с их неактуальностью для обозначенных в договоре сторон. То есть немецкий ученый, анализируя оба списка,

характеризует их как переводы с языка оригинала на древнерусский, отмечается, что перевод выполнялся немецкой стороной. Автор настаивает на том, что оба текста активно использовались в договорных отношениях и были взаимозаменяемы, именно так и подтверждалась двусторонность «правды», что было обычной практикой для международных отношений XIII века. Подкрепляет свою позицию автор ссылкой на труды авторитетного лингвиста Л. Битнера [17].

Следующим значимым этапом анализа Смоленской торговой грамоты является период изучения источника Валентином Кипарским [18]. Это исследование во многом изменило подход к содержанию «кривичского» договора. Автор, в отличие от предшествующих ученых, приписывал авторство оригинала немцам. В качестве доказательств существования готландских версий Кипарский ссылается на обнаруженные Куником в регистре Рижского городского архива упоминания немецких текстов договора [18, s. 244–247].

Сегодня же с целым рядом суждений Кипарского согласиться не представляется возможным. Определенно, текст обозначенного списка не мог быть оформлен лишь односторонним порядке, поскольку очевидно редактировался представителями обеих договаривающихся сторон, более того, объективным является факт разработанности «правды», то есть с большой долей вероятности в содержании «правды» использовались обсуждаемые ранее пункты соглашения.

Однако, несмотря на указанные противоречия, оформленный им подход к изучению договора стал предпосылкой к идентификации немецкого варианта договора как оригинала.

Предложенный обзор выявил ряд аспектов, которые были намечены в работах исследователей еще XIX – середины XX века и которые по сей день представляют значительный интерес для решения вопроса об иноязычных оригиналах Смоленской грамоты. Во-первых, это обнаруженные Куником потенциальные свидетельства, подтверждающие существование немецкой, но, возможно, также и латинской версий договора. Во-вторых, это факт взаимного обмена текстами договора, на который указывали П. В. Голубовский [19, с. 91] и Гётц, а также, в-третьих, установленный Гётцем на основании глубокого содержательного анализа факт, что рижская редакция составлена из перспективы восточнославянских интересов, тогда как готландская редакция отстаивает немецкую точку зрения [15, p. 154–157].

Проведенный анализ, свидетельствует о дальнейшей необходимости исследования текста Смоленской грамоты. В условиях исключительной значимости работ ученых XX века следует отметить незаконченность интерпретаций, отсутствие итоговой оценки значимости «правды» в историографии.

Проблема определения происхождения грамоты, критическая оценка источника, трактовка международной практики заслуживают продолжения своего изучения в поле современных методологических новелл.

Таким образом, Смоленская торговая правда 1229 года является ценнейшим источником информации об особенностях международных отношений Смоленского княжества с ближайшими западными странами. Являясь наиболее древним дошедшим до нас торговым договором княжеств западного пограничья, соглашение всегда оставалось объектом пристального внимания ученных. Первым из российских историков содержание грамоты проанализировал Н. М. Карамзин, однако дальнейшего исторического анализа текст договора в дореволюционный период не получил, перейдя в поле лингвистических исследований. Особую значимость для нас имеют труды XX века, поспособствовавшие возникновению наиболее обоснованных подходов к изучению «кривчиской правды». Заметное место в трактовках договора в XX веке занимают научные изыскания зарубежных ученных, особенно немецких.

Таким образом, материал, посвященный теме международной торговли XIII века, является крайне обширным, по этой причине в ходе анализа представляется возможным, выделить лишь основные труды, внесшие значительный вклад в изучение поставленного вопроса. Однако, несмотря на весьма обширный перечень литературы, посвященный обозначенной проблеме, многие аспекты остаются не в полной мере изученными до сих пор, из-за чего Смоленский договор является крайне актуальным для анализа с применением методологических новелл и современных подходов, к примеру, представляется возможным посредством дальнейшего изучения источника реконструировать денежную систему, функционирующую на территории западного пограничья, проанализировать состояние внешней торговли древнерусского государства в обозначенный период, выделить характерные особенности договора, определяющие характер международных отношений Смоленских, Полоцких, Витебских земель с Готландом и Ригой в XIII веке.

Список источников и литературы

1. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3 кн. (12 т.). СПб.: Золотой век, Диамант, 1997. Кн. 1. (Т. 1–4). 623 с.

2. Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 121–132.

3. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Изд-во АН СССР, 1944. 347 с.

4. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М.: МГУ, 1946. 253 с.

5. Зимин А. А. 1229 г. Договор («Правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом // Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. Сер.: Памятники русского права. Вып. 2. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1953. С. 54–98.

6. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / подг. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М.: Академия наук СССР, 1963. 139 с.

7. Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР, 1966, № 3. С. 103–114.

8. Усачев Н. Н. О внешней торговле Смоленска в IX–XIV веках // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 7. М.; Смоленск: Московский рабочий, 1970. С. 287–318.

9. Алексеев Л. А. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука.1980. 262 с.

10. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

11. Подтергера И. А. Германское, латинское и церковнославянское в языке и тексте Смоленской грамоты 1229 г. // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 226–276.

12. Tobien E. S. Die Handels-Verträge Riga's und Gothland's mit Smolensk, vom Jahre 1228 und 1229 n. Chr. // Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Bd. I. Die Prawda Russkaja und die aeltesten Tractate Russlands / Hrsg. von E. S. Tobien. Dorpart; Leipzig: Verlag v. O. Model, 1845. S. 42–72.

13. Куник А. А. Русско-ливонские акты, 1189–1601. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1868. 462 с.

14. Петрухин П. В. К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 477–488.

15. Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. (Abh. des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6). Hamburg: L. Friederichsen & Co, 1916. 386 s.

16. Kunik A. A. Anhang. № I. Handelsvertrag des Fürsten Mstislaw II. Dawydowitsch von Smolensk mit Riga und der niederdeutschen Handelsgesellschaft auf Gothland im J. 1229. Nach drei Redactionen. № II. Erneuter Handelsvertrag eines Fürsten von Smoelnsk mit Riga und Gothland, in welchem die gegenseitigen Rechte und Pflichten russischer und deutscher Kaufleute auf Grundlage des Vertrages von Mstislaw Dawydowitsch festgestellt werden. (Ohne Datum, zwischen 1230–1270, vielleicht von einem Fürsten Rostislaw zwischen 1240–1250 abgefasst.). In: Napiersky 1868. S. 403–453.

17. Bittner L. Die Lehre von den völkerrechtlichen Vertragsurkunden. Stuttgart etc.: Dt. Verl.-Anst., 1924. 314 s.

18. Kiparsky V. Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // Neuphilologische Mitteilungen. 1960. Nr. 61.2. S. 244–247.

19. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев: Тип. Имп. Ун-та Св. Владимира, 1895. 334 с.

Сведения об авторах

Павлов Евгений Николаевич – студент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

Жуков Владислав Валентинович – студент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

УДК 347.67:323.311:677.074(47+57-25)

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ВНУТРИ СРЕДНЕГО И ВЫСОКОГО ЦЕНОВОГО СЕГМЕНТА НА ПРИМЕРЕ ОДЕЖДЫ И ТКАНЕЙ В ЗАВЕЩАНИЯХ В МОСКВЕ В XVIII ВЕКЕ

Соколова П. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Россия)
E-mail: pasokolova_2@edu.hse.ru

CONSUMPTION PRACTICES IN THE MIDDLE AND HIGH PRICE SEGMENT ON THE EXAMPLE OF CLOTHES AND FABRIC IN MOSCOW IN 18TH CENTURY

Sokolova P. A.

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
E-mail: pasokolova_2@edu.hse.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает вопрос благосостояния российского дворянства и наличия в Центральной части Российской империи устойчивых экономических групп с помощью анализа потребительских практик. Исследование опирается на методы социальной истории в западноевропейской историографии, сопоставляя количественные данные с контекстуальным анализом документов. Хронологические рамки исследования представляют собой два временных промежутка XVIII столетия, относящихся к поздней петровской (1713–1724) и екатерининской (1767–1781) эпохам. Для проведения настоящего исследования были просмотрены 326 опубликованных и 176 неопубликованных духовных записей. Работа показывает динамику изменения потребительских практик на фоне развития производства и новых модных тенденций, а также иллюстрирует процесс формирования потребления среднего класса в Российской империи.

Ключевые слова: одежда, текстиль, потребительские практики, тенденции потребления, духовные грамоты, благосостояние дворянства.

Abstract. This article his article examines the issue of the well-being of the Russian nobility and the existence of stable economic groups in the Central part of the Russian Empire through the analysis of consumption practices. The study is based on the methods of social history used in Western European historiography, comparing quantitative data with contextual analysis of documents. The chronological framework of the study represents two time periods of the 18th century, related to the late Peter the Great (1713–1724) and Catherine the Second (1767–1781) epochs. For this study, 326 published and 176 unpublished spiritual records were reviewed. The work shows the dynamics of changes in consumption practices against the background of the development of production and new fashion trends, and also illustrates the formation of the middle class consumption in the Russian Empire.

Keywords: clothing, textiles, consumption practices, consumption trends, wills, nobility well-being.

Считается, что центром завещания всегда были земельные владения, а движимым имуществом в основном пренебрегали, особенно люди с высоким достатком [1, с. 225]. Однако духовные грамоты зачастую включают в себя яркие описания бытовых вещей. У богатейших людей могут не фигурировать платья, как и у беднейших – последним просто может быть нечего завещать. Однако у дворян средней состоятельности можно выявить потребительские предпочтения товаров, которые стоят на грани среднего и роскошного потребления, и оценить динамику их доступности.

XVIII век является начальным периодом изменения модели потребления в Западном мире. В таких важнейших городах Европы как Лондон, Париж, в течение всего столетия развивалось внутреннее производство, строились заводы. В 1770-е началась текстильная революция. Те же процессы происходят и в экономике и производстве Центральной России. В петровскую эпоху из всех московских мануфактур 72% составляли текстильные [2, с. 76]. Динамика развития шерстяной, шелковой промышленности были похожи – она характеризовалась относительно медленным ростом до 60-х гг. и ускорением в последние 40 лет XVIII в.

В XVIII веке постепенно изменяется и общественная мотивация к потреблению – люди все чаще начинают получать удовольствие от покупок и воспринимают шоппинг как развлечение. В Западной Европе это явление довольно прочно сформировалось уже к концу XVII века [3, p. 12]. XVIII век стал периодом активного развития данной тенденции. Это подтверждается, к примеру, изменением внешнего облика торговых точек – владельцы магазинов и ремесленники все больше инвестировали в облик магазина, чтобы соблазнить публику и увеличить продажи. В Москве в раннюю петровскую эпоху стали активно использоваться лубочные картинки, рекламируя европейский образ жизни, а соответственно, и множество новых модных товаров. Развивалась реклама в прессе. Торговые улицы имели приятный вид, успешно заинтересовывая потенциальных клиентов – «в 1785–1786 гг. на Ильинке были выстроены великолепною и огромною архитектурою обывательские дома, имеющие под собой лавки, число коих простирается до 60, и во всех почти торгуют галантереею, придавая сей части города немало красоты» [4, с. 101]. Люди воспринимали торговое пространство как украшение города, и роль и масштабность процесса совершения покупки менялась. «Для многих

потребителей (шоппинг – *П. С.*) был располагающим к общению и приятным времяпрепровождением, часто проводимым в компании и являющийся частью социальной рутины» [3, p. 12]. Распространение подобного развлечения показывает наличие устойчивых экономических групп. Девушки и женщины теперь могли себе чаще позволить небольшие покупки. Так, большую долю русских заказов в магазины Розы Бертен за 1773–1792 гг. составляли именно головные уборы, шали, шарфы, косынки, передники и другие аксессуары [5, с. 268]. Некоторые категории предметов теперь и вовсе намеренно не передаются по наследству – например, чулки, ставшие популярными среди всех классов по всей Европе [6, p. 232].

Меняется целая система поведенческих практик. При этом зачастую манеры были непосредственно связаны с модой на новые товары. Взмахи веером, заигрывание взглядом из-под полей шляпки, движения в танцах зависели от того, какой веер, какие шляпы и какая ширина юбки привлекали внимание в то десятилетие. К концу XVIII века большое влияние приобретают модные журналы. Их переводы и адаптации для российской публики начали выпускаться только с конца 1760х – 1770-х гг. К тому же к 1770-м женская мода имеет ключевые различия в сравнении с мужской. «Если еще в середине века в мужской одежде использовались те же ткани, цвета, отделка и украшения, что и в дамской, то в 1780-х годах это становится неприемлемым» [5, с. 10]. При этом в модных журналах все чаще говорили о смене аксессуаров и отделке платья, а не о новых фасонах. Модный наряд становится более гибким для изменений и соответствия новым трендам.

В изученном материале сильно различается количество авторок завещаний (37,1% против 76,1%). Считается, что «женщины гораздо чаще мужчин придавали различным предметам движимого имущества сентиментальное значение» [1, с. 201]. Однако при меньшем разнообразии передаваемой в наследство одежды у мужчин и редком упоминании бытового текстиля, мужчины чаще упоминали коней и конские уборы – «чапрак и чушки с позументом да чапрак коженой, муштук и пахви, и паперсть с морхами» [7, с. 281], «конский мой убор серебряный золотом шитый» [8. Д. 1302. Л. 36 об – 39]. Таким образом, факт завещания одежды и текстиля женщинами является не показателем их более низкого финансового положения, а разницы в потребительских предпочтениях.

Среди завещаний за 1713–1724 гг. 29,4% предметов содержат описания цвета, за 1767–1781 гг. – 37,6%. В первый изучаемый период чаще всего фигурировали черные вещи (19%), но при этом 6 упоминаний

из 8 встречены в единственном завещании вдовы капитана Марии Федоровной Кобыльской [7, с. 187]. В 1767–1781 гг. упоминание черного было связано с похоронами или отдачей тканей на церковные нужды. Зеленый же цвет наиболее часто использовался для описания текстиля – «занавес зеленый тафтяной» [8. Д. 1298. Л. 8. об.]. Редкие цвета в завещании всегда были сложными в производстве, менее доступными на внутреннем рынке и, соответственно, дорогими. Более ценились насыщенные оттенки, поскольку на их производство приходилось большее количество дорогого красителя, – поэтому мы встречаем в завещаниях обилие описаний таких ярких особенных цветов, как «маковый», «вишневый», «лазоревый». Также дорогими были ткани серо-серебряных и золотых оттенков, так как для их производства было необходимо использование металлических нитей.

С XVIII века в одежде меньше места уделяется красным тонам. На это повлияло распространение европейского костюма, и «традиционный русский» красный стал носиться реже, в первую очередь при дворе. В Европе происходил процесс изменения основного цвета костюма, связанный с распространением индиго, позволяющего создавать новые оттенки синего. С 1740-х годов возникает новая мода на голубые тона, которые раньше не носили знатные люди. Так, и на исследуемом материале мы видим, что к третьей четверти XVIII столетия в описаниях одежды появляется синий цвет (рисунок 1).

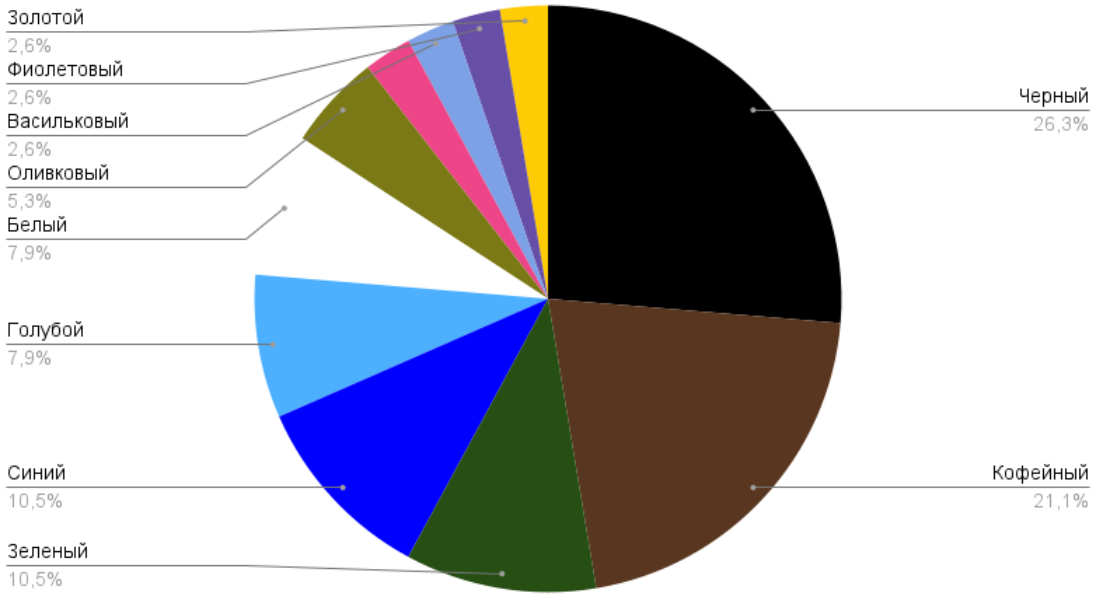


Рисунок 1. Цвета тканей и аксессуаров в 1767–1781 годах
[8. Д. 1298, 1299, 1302, 1541, 1542]

В описаниях предметов в 1767–1781 год стали фигурировать узоры: «два тулупа полосатой затрапезной фабрики» [8. Д. 1541. Л. 32.], «юбка кофейная пукетовая» [8. Д. 1298. Л. 8. об.]. Это диктовала мода – «в начале 1780-х годов модными сделались в основном одноцветные материи с полосками и мушками» [9, с. 935].

Золотой и серебряный как цвета одежды чаще используются в первой четверти XVIII века (рисунок 2) Также часто упоминаются и золотые и серебряные украшения – позументы, галуны, серебряные сетки. Они были довольно популярны всегда, и в петровское время в том числе, несмотря на ряд указов, регулирующих производство золотых материй и запрет от 17 декабря 1717 года носить ткани и отделки из золотых нитей. Возможно, это наоборот стало фактором, мотивирующим к завещанию подобных предметов.

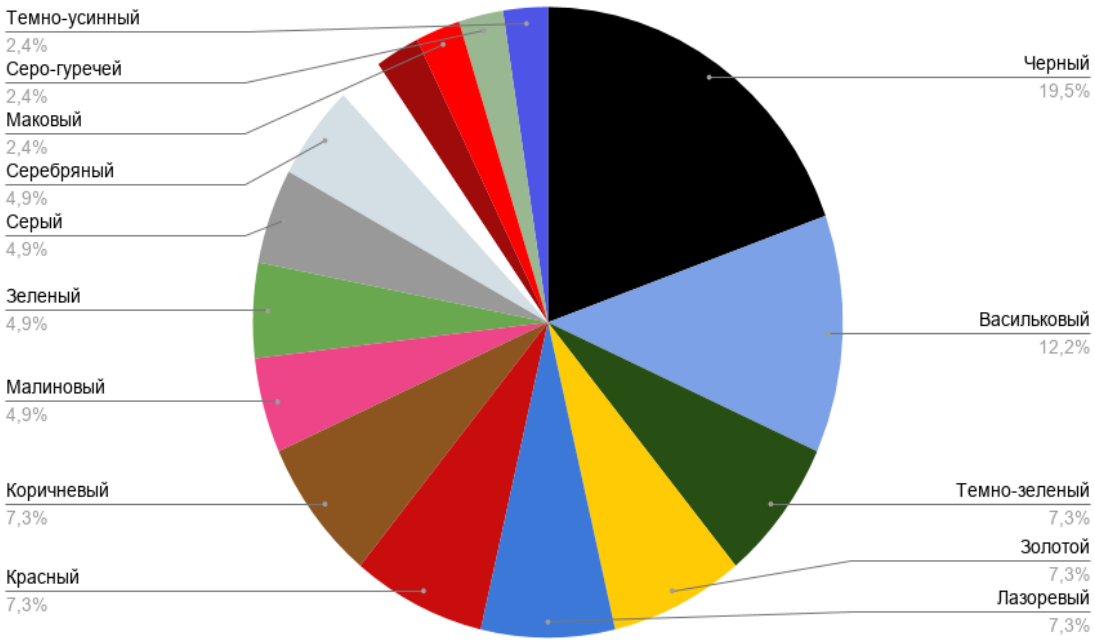


Рисунок 2. Цвета тканей и аксессуаров в 1713–1724 годах [7]

Камка, обычно шелковая ткань, была особенно популярна в допетровские времена. Ее потребление было довольно широким, в 1720-е гг. на рынке внушительна доля китайского текстиля – половина всего привоза (49.7%). К концу же века эта ткань встречается дважды при описании завещаемого домашнего текстиля – «дюжина ткатских в том числе камчатная одна, салфетокъ камчатских две дюжины» [8. Д. 1542. Л. 19.]. Камка устаревает, не вписываясь в тенденции новой европейской

моды. Объярь, модную еще в Московской Руси с XV века, постигает та же участь (таблица).

Таблица. Основные виды тканей

1713–1724 гг.		1767–1781 гг.	
Камка/камча	13	Парча	6
Сукно	12	Бархат	6
Объярь	6	Ситец	6
Байберек	4	Штоф	5
Парча	3	Ткатских	5
Тафта	3	Грезет/гризет	4
Штоф	2	Шелк	4
Полотно	2	Тафта	4
Лен	1	Камча	3
Коломянка	1	Юстрин/люстрин	3
		Канфа	3
		Атлас	2
		Сукно	2
		Перюеновый	2
		Материальная	1
		Кутня	1
		Байка	1
		Обьярь	1
		На бумаге хлобчатой	1
		Стамед	1

Хотя в 1710-е и 1720-е гг. и стимулировалось развитие текстильных мануфактур с упором на обработку шерсти, шерстяные ткани мануфактурной выделки, а тем более импортные, первоначально шли не на народное потребление, но на нужды армии. Для торговли приобреталось английское сукно, его доступность была сравнительно низкой, что увеличивало ее ценность. Но к 1770-м гг., когда российское производство сукна стало способно обеспечивать нужды российского рынка, в Англии на фоне промышленного переворота упали цены. Состоятельным людям более не было смысла его завещать.

Шелковые ткани высоко ценились и охотно передавались наследникам на протяжении всего столетия. Российское шелковое производство было на фазе становления вплоть до конца XVIII века и работало только на иностранном сырье. Оно не обеспечивало потребности рынка, особенно богатых потребителей. Но некоторые шелковые ткани

были дороже других – например, канфа, представленная только в 1767–1781 гг. по изученным завещаниям.

Хлопчатобумажное производство было совершенно новой отраслью в XVIII веке и в России, и в Западной Европе [2, с. 102–103]. Его форсировали новые тенденции моды и потребления. «В Европу с новой волной азиатско-европейской морской торговли пришла точная имитация шелка – набивные и раскрашенные хлопковые ткани» [10, p. 196]. Однако в Россию хлопок и его популярность шли медленно. В завещаниях он фигурирует лишь однажды, причем в описании бытового текстиля – «холодное третье сидцовое [одеяло] на бумаге хлобчатой» [8. Д. 1541. Л. 32]. Его производная – ситец упомянут чаще, 6 раз, но 3 из них вновь при описании завещаемых одеял. К тому же фигурирует лишь один ситцевый предмет одежды, юбка, но в разных цветах: «юпка с шушуномъ сидцовые новые шушунъ кофейный сидцовой шушунъ тавтяной фиалетовой сидцевой шушунъ с юпкою стеганою» [8. Д. 1541. Л. 31]. Мы видим, что большинство этих упоминаний встречены в одной духовной грамоте – вдовы подполковника Ирины Степановны Уваровой. К тому же ситцевый шушун – традиционно-русская женская верхняя одежда. Поэтому говорить о моде на хлопок в России, особенно о его вариациях, популярных в Европе, пока рано.

С ростом влияния европейской моды на российскую культуру мех теряет свои позиции, ведь европейские модные журналы, из которых черпались модные тенденции в России, ориентированы на свою культурную, экономическую и климатические среды и не говорят о нем. При том, что мех оставался дорогим материалом, образ роскоши и дороговизны меха терялся.

В духовных 1713–1724 годов меха описаны ярко и пышно. Например, в завещании 1719 года вдовы капитан-поручика и кавалера Екатерины Юрьевой Чамберс: «Вышеписанному внуку камисару Петру Леонову шубу обьяриную на бельем меху… шупку китайчатую на лисьем лапчатом меху. <…> Да внуку моему Евтифею Левонову шубка камчатая на бельем меху, бострок камчатой на лисьем меху» [7, с. 267–268]. Также встречен случай передачи в наследство просто «меха писцевого» [7, с. 189], без упоминания одежды. По подсчетам А. В. Шипилова, в 1720-е гг., вероятно, на макарьевской ярмарке привозили больше ткани, но покупали больше пушнины [11, с. 153–154]. То есть в начале века спрос на текстиль был менее ожидаемого купцами, сколько-нибудь состоятельные люди с большей охотой покупали меха, нежели ткани.

К 1767–1781 годам происходит спад упоминаний меха и меховых изделий в изученных завещаниях с 19,4% (в 11 духовных) до 10,8% (лишь в 3 духовных). К концу столетия стали завещать не изделие, а материю на продажу – «салопъ парчевой спороть на ризы, а мехъ продать в поминовение души» [8. Д. 1298. Л. 8. об]. Помимо этого, в поздних духовных мех присутствует только в очень подробных завещаниях, тогда как в ранний период фигурирует и в очень кратких. Мех был представлен как ценность, которую необходимо упомянуть в первую очередь, но потом эта тенденция исчерпала себя.

Платки, шали, ленты и небольшие недорогие украшения были в разы доступнее новых модных фасонов платьев. Эти вещи появлялись и у большего количества женщин, и в большем количестве и вариациях у состоятельных женщин.

Многие становящиеся доступными аксессуары изготавливались из шелка, при этом цена их практически не изменялась. «Шелковые ткани не были предметом народного потребления, но ленты, пояски, платки уже тогда имели массовый сбыт. Их производство было вполне доступно кустарям, которые успешно осваивали и производство платков (села Павлове, Вохма, Гребнево, деревни Зуево и Щелково)» [2, с. 101]. На фоне этого тканевые аксессуары все реже передаются по наследству, их ценность снижается обратно пропорционально росту их потребления. Если в 1713–1724 гг. в духовных несколько раз встречаются галстуки и платки, то в изученных завещаниях за второй период они не найдены вовсе. Так же отпадает необходимость прописывать бытовой текстиль. Даже в очень подробных завещаниях к середине XVIII столетия текстиль занимает меньший процент перечисляемого движимого имущества. К тому же в изученных завещаниях за 1767–1781 гг. почти отсутствуют завесы, пологи, активно представленные в завещаниях первой четверти.

Схожий процесс происходит и с головными уборами. Шапки и шляпы на тот момент являлись частью быстрой моды, а также более доступной категорией товаров. В завещаниях 1713–1724 годов головной убор упоминается 9 раз, причем всегда как «шапка». В большинстве случаев эти шапки меховые – «шапка женская каралик с соболем» [7, с. 101], «шапка камчатая на песцовом меху» [7, с. 227]. В завещаниях же 1767–1781 годов традиция завещать шапки полностью уходит из завещаний состоятельных семейств, уступая редким случаям завещания более модных шляп – «шляпы серебреными голунами» и «дорожную шляпу» [8. Д. 1541. Л. 2 – 3 об.], «головные пшенные уборы отданы племяннице моей» [8. Д. 1541. Л. 31].

В XVIII веке с каждым десятилетием мода все больше состоит из деталей – шляпок к платьям, лент, кружева и искусственных цветов на платьях. Так, стало принято передавать в наследство в основном одежду, которой можно легко придать новую жизнь – то платье, что с измененной отделкой останется модным у следующего поколения. Новые технологии создали новое отношение к цветам в одежде, тканям и к их ценности. В начале XVIII века любая качественная ткань и возможность иметь целый ряд цветных изделий из нее были показателем если не богатства, то финансовой стабильности. К 1770-м годам в наследство оставляли своим близким родственникам только одежду из лучших тканей, а более дешевые могли быть отданы в церковь, пущены на обивку гроба или даже отданы служанкам. Также к 1770-м гг. одежда все меньше передается как необходимость и более – как роскошь, часть моды и образа состоятельного человека своего времени. Поэтому набивные рисунки, узоры, золотые и серебряные ткани чаще встречаются в завещаниях. Бытовой текстиль и белье становятся доступнее на фоне роста производства, их ценность снижается. Нет смысла завещать своим детям то, что можно в любой день купить на торговой площади, не разорившись и не влезая в долги. По этой причине к 1770-м годам если и завещают текстиль или белье, то делают акцент на хорошем дорогом материале, из которого они сделаны.

XVIII столетие стало первым столетием быстросменяемой общеевропейской моды, интенсивно изменило устоявшиеся в разных странах модели потребления и множество социальных практик, так или иначе связанных с товарами.

Список источников и литературы

1. Маррезе М. Л. Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) М.: Новое литературное обозрение, 2009. 363 с.

2. Конотопов М. В., Сметанин С. И. Развитие экономики России в XVIII–XX веках. Избранные труды: в 4 т. СПб.: Алейтейя, 2018. Т. 3. История отечественной текстильной промышленности. 456 с.

3. The Landscape of Consumption: Shopping Streets and Cultures in Western Europe, 1600–1900 / eds: J. H. Furnée, C. Lesger. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. XIII + 246 p.

4. Сытин П. В. Из истории московских улиц: очерки. Изд-е 3-е, пересмотр. и доп. М.: Московский рабочий, 1958. 843 с.

5. Бордэриу К. Платье императрицы: Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.

6. Fairchids C. The production and marketing of propoluxe goods in eighteenth-century Paris // Consumption and the World of Goods / ed. By J. Brewer, R. Porter. London: Routledge, 1994. P. 228–249.

7. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / сост., очерки и коммент. Н. В. Козловой, А. Ю. Прокофьевой. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 911 с.

8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1298, 1299, 1302, 1541, 1542.

9. Вейс. Г. Всеобщая история мировой культуры М.: Эксмо, 2006. 960 с.

10. Margairaz D. City and country: Home, possessions, and diet, Western Europe 1600–1800 // The Oxford Handbook of the History of Consumption / ed. by Frank Trentman. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 192–210.

11. Шипилов А. В. Торговля, транспорт и связь в России первой половины XVIII века. Воронеж: ВГПУ, 2008. 327 с.

Сведения об авторе

Соколова Полина Александровна – студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Сведения о рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. ORCID: 0000-0003-0782-1656; e-mail: vasilev–yaroslav@yandex.ru.

УДК 930.2:94(47).08

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК Д. И. ИЛОВАЙСКОГО «ГРАФ ЯКОВ СИВЕРС»: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Турченко Д. А.

МБ НОУ «Гимназия № 62»
(г. Новокузнецк, Россия)
E-mail: danil.turchenko1997@mail.ru

BIOGRAPHICAL ESSAY OF D. I. ILOVAISKY "COUNT YAKOV SIVERS": SOURCE STUDY ASPECT

Turchenko D. A.

MB NOU «Gymnasium No. 62»
(Novokuznetsk, Russia)
E-mail: danil.turchenko1997@mail.ru

Аннотация. К сожалению, творчество и жизненный путь одного из крупнейших отечественных ученых второй половины XIX века было забыто. Малоизученной остается биография и научный вклад Дмитрия Ивановича Иловайского – педагога, автора учебников для гимназий и школ, ученого, которого заслуженно относят к школе историков-федералистов за написанную им магистерскую диссертацию, посвященную региональной, местной истории («История Рязанского княжества»). В настоящее время личность и научное наследие Дмитрия Ивановича Иловайского все чаще привлекает отечественных ученых. Появляются статьи и книги, посвященные биографии, взглядам, научной концепции, анализу учебников и монографий историка Иловайского. В настоящей статье мы проанализировали одну из работ Дмитрия Ивановича – биографический очерк «Граф Яков Сиверс», выделили типы и виды исторических источников, использованных в данном научном труде. В настоящей статье использованы следующие методы исследования: анализ и синтез, обобщение и сравнение. Данные методы позволили в полной мере исследовать исторические источники, которые использовал в своей работе Дмитрий Иванович Иловайский и выполнить их анализ. Также в данной статье используются историографические методы: сравнительно-исторический и научной критики. Использование сравнительно-исторического метода позволило определить, какими источниками пользовался Иловайский при написании биографического очерка, а также сравнить оригинальные источники с цитатами из текстов Иловайского. Метод научной критики позволил нам определить типы письменных источников, которые использовал в своем труде Д. И. Иловайский.

Ключевые слова: Д. И. Иловайский, дореволюционная историография, источниковедение, граф Яков Ефимович Сиверс, биографический очерк.

Abstract. Unfortunately, the work and life path of one of the largest domestic scientists of the second half of the 19th century was forgotten. The biography and scientific contribution of Dmitry Ivanovich Ilovaisky, a teacher, author of textbooks for gymnasiums

and schools, whose scientist is deservedly attributed to the school of federalist historians for his master's thesis on regional, local history ("History of the Ryazan Principality"), remains poorly studied. At present, the personality and scientific heritage of Dmitry Ivanovich Ilovaisky is increasingly attracting domestic scientists. There are articles and books devoted to the biography, views, scientific concept, analysis of textbooks and monographs of the historian Ilovaisky. In this article, we analyzed one of the works of Dmitry Ivanovich – a biographical essay «Count Yakov Sievers», identified the types and types of historical sources used in this scientific work. This article uses the following research methods: analysis and synthesis, generalization and comparison. These methods made it possible to fully explore the historical sources that Dmitry Ivanovich Ilovaisky used in his work and analyze them. This article also uses historiographic methods: comparative historical and scientific criticism. The use of the comparative historical method made it possible to determine what sources Ilovaisky used when writing his biographical essay, as well as to compare the original sources with quotations from Ilovaisky's texts. The method of scientific criticism allowed us to determine the types of written sources that D. I. Ilovaisky used in his work.

Keywords: D. I. Ilovaisky, pre-revolutionary historiography, source study, count Yakov Efimovich Sievers, biographical sketch.

Биографический очерк «Граф Яков Сиверс» посвящен жизнеописанию знаменитого политического деятеля XVIII–XIX вв. В предисловии Д. И. Иловайский пишет, что крупной работой, повествующей о Якове Сиверсе, является монография «Русский государственный человек. Графа Якова Иоанна Сиверса записки к истории России» в 4 томах, 1857–58 гг., за авторством немецкого ученого Блума. Дмитрий Иванович дает читателю ссылку на его работу – "Des Grafen Jacob Johann Sievers Dencwurdigkeiten Ludwig Blum. Leipzig und Heildelberg" («Граф Якоб Иоганн Сиверс Воспоминания Людвиг Блум. Лейпциг и Гейдельберг»). Иловайский пишет о том, что в основе труда Блума помещены делопроизводственные документы Сиверса, его переписка с Екатериной II и другими чиновниками.

Иловайскому лично посчастливилось ознакомиться с источниками, которые находились в Лифляндии. Дмитрий Иванович использовал при написании очерка документы из архива министерства иностранных дел. Автор очерка пишет о еще одной книге посвященной послу: "Jacob Johann Graf Sivers" Von Gr. Rambach, 1809 («Якоб Иоганн Граф Сиверс» От гр. Рамбаха, 1809 г.). Автором данной монографии является дерптский профессор Рамбах. Сведения о Карле Сиверсе, дяде Якова, Иловайский заимствовал из "Statistische, politische und galante Anekdoten von Scweden, Lief – und Russland". Fr. Chr. Ietze. Liegnitz, 1788 («Статистические, политические и галантные анекдоты из Швеции, Лифа и России». Отец Хр. Иец. Легница. 1788).

В тексте Иловайского присутствуют цитаты из письма дяди Сивирса к племяннику: «Если бы я мог описать все что жена поручает тебе сказать или посоветовать, то для этого было бы мало целого листа; она любит тебя больше родной матери» [1, с. 13]. Дмитрий Иванович пересказывает содержание письма Сиверса, отправленное отцу, в котором описаны основные занятия молодого политика в бытность его жизни в Англии: «понедельник – поутру учитель английского языка, после обеда фехтование; вторник – почта, и потому весь день при графе, среда и четверг – учитель английского языка и фехтование» [1, с. 15]. В письмах к отцу и дяде Яков Сиверс сообщает о своих тратах. В тексте также присутствует отсылка на письма Сиверса к дочери тайного советника нидерландца Боэргаве Эрмин. До конца жизни они вели переписку, на которую ссылается Иловайский. Только за три месяца сохранилось 40 писем от Эрмины и 40 писем от Сиверса.

Посол испытывал к своей собеседнице нежные чувства, которые ему приходилось скрывать, так как она находилась в браке с лейб-медиком Крузе, родным братом баронессы Сиверс. Также в архиве Сиверса сохранились письма от влюбленной почитательницы из Неаполя – маркизы Салуцо, с ней он познакомился во время отдыха. Д. И. Иловайский в своем тексте пересказывает содержание служебной записки Сиверса, посвященной Новгородской губернии в бытность его губернаторства. Данный документ был написан в ответ на запрос Екатерины II, а позже Александра I. В записке к Екатерине II Сиверс дает рекомендации для улучшения Новгородской губернии, а в отчете к Александру I он описывает данный регион, указывает соседей. В записке к Екатерине II губернатор пишет о самосожжениях («гарях») старообрядцев, в данном случае Дмитрий Иванович дает сноску на «Полное собрание законов Российской империи». Иловайский отсылает читателя к письмам Екатерины II к статс-секретарю А. В. Олеуфьеву. В данном случае императрица просит передать инструкции Сиверсу, составленные ранее для смоленского губернатора Фермора. Письмо процитировано из историко-литературного сборника «Русский архив»: «Адам Васильевич, секретная губернаторская инструкция, какова дана графу Фермору, дайте прочесть Новгородскому губернатору Сиверсу, а он в понедельник поедет в свою резиденцию, а мы ему пошлем в след его инструкции (подписано) Екатерина. Как он сегодня в машкараде, я чаю, будет, то привезите оную с собой во дворец. 23-го Сентября 1764 г.» [2. с. 188].

В качестве источника в тексе присутствуют фрагменты губернаторской инструкции, составленной Екатериной II для Сиверса. Дмитрий Иванович отмечает, что данный документ разделен на 24 главы. Например, Екатерина II пишет, что губернатору нужно иметь в своем распоряжении трех опытных землемеров и одного чертежника. Иловайский приводит в качестве примера эпизод, посвященный помилованию Екатериной II двух братьев из Новгородской губернии, убивших крестьянина. В данном случае источником служит книга «Искусство делать счастливым». Когда в тексте речь идет о экономических преобразованиях в различных губерниях, то Дмитрий Иванович Иловайский отсылает читателей к «Трудам Вольного Экономического Общества» VIII часть, научному сборнику «Чтения Общества Истории и Древностей Российских» 1862 г., книга 2. Иловайский ссылается на архив Министерства иностранных дел, когда пересказывает содержание рекомендации Сиверса по регулированию цен на хлеб в губерниях. В тексте также присутствуют выдержки из писем Сиверса с Сенатом.

К делопроизводственным письменным историческим источникам мы можем отнести отчеты Сиверса к Екатерине II в годы его губернаторства. Иловайский в своем труде использует большие цитаты из писем супруги Сиверса: «Воображаю себе, как ты теперь скитаешься по улицам Москвы. Курляндская принцесса сказала мне, будто она слышала, наверное, что Тверь сделают губернией, а тебя генерал-губернатором, и для того-то призвали тебя в Москву. Я отвечала, что ничего об этом не знала и не думала…» [3, с. 156]. В тексте уделено внимание указу о экипажах и ливреях. Данный документ призван был бороться с расточительностью и излишней роскошью дворян. Экипажи должны были распределяться в соответствии с рангами.

Иловайский приводит в качестве источника воспоминание саксонского посла Сакенена, в котором говорится о том, что часть дворян были возмущены новыми правилами и выехали за границу. Иловайский ссылается на “Geschihte des Russuschen Staats von Hermann” («История государства Российского по Герману»). В тексте очерка присутствует цитата из «Искренней исповеди» (Confession sincere). Этот документ является запиской Екатерины II, которая адресована Сиверсу и служит доказательством дружбы между императрицей и губернатором. В тексте поднимается проблема крепостного права. Сиверс, по утверждению Иловайского, пытался воздействовать на новгородских помещиков и

старался пресекать издевательства над крепостными. Сиверс пишет Александру I о том, что «в следующие 14 лет был только один помещик, который заплатил жизнью за свои жестокости» [3, с. 163].

Иловайский в данном случае опровергает высказывание Сиверса о том, что восстаний со стороны крестьян не было. Он пишет, что в 70-е гг. известно как минимум два дела о убийстве помещиков крестьянами. Историк ссылается в данном случае на Московский архив министерства юстиции, дела генерал-прокурорские. В качестве ссылки Иловайский использует цитату из письма Екатерины II к Волконскому. Данный источник был заимствован из журнала «Зритель» за 1863 г., № 20. В день торжественного открытия новой губернии – Твери был организован торжественный прием почетных гостей и происходили выборы на важные государственные должности. О данном факте, по утверждению Иловайского, свидетельствует следующий письменный источник – Петербургские Ведомости за 1776 г. Дмитрий Иванович приводит в своем тексте пять цитат из писем Елизаветы Карловны Сиверс к своему супругу. Данные источники посвящены покупкам и посылкам, отправленным новому губернатору Твери: «15 января. Вчера получила твое письмо с 500 рублей. Пришлю все что могу. Завтра поутру отправлю Тараса» [3, с. 175]. В письмах содержится подробный отчет о совершенных покупках и затраченных средствах. Данные приготовления были связаны с застольями по поводу создания новой губернии. Когда в тексте очерка идет речь о личности генерал-прокурора Вяземского, автор ссылается на следующий источник: «Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете», том I 1858 г., том III 1862 г. В томе за 1858 г. содержатся «Секретнейшие наставления князю Александру Вяземскому» от Екатерины II [4, с. 101–104].

Согласно утверждению, высказанному в тексте, Вяземский был ярым консерватором и противником прогрессистских идей Сиверса. Как утверждает Иловайский, он был открытым конкурентом Сиверсу за внимание императрицы. Также Дмитрий Иванович приводит слова Екатерины II, касающиеся личности Вяземского, данная цитата записана Храповицким: «Жаль князя Вяземского: он мой ученик, и сколько я за него выдержала» [3, с. 183]. Историк отсылает читателей к третьему тому сборника с историческими источниками «Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете» за 1862 г. Согласно указу № 14500 24 августа 1776 г.

Новгородское наместничество было разделено на две провинции: Новгородскую и Олонецкую. Также было предписано открыть два новых города: Кириллов и Крестец. По случаю приезда Сиверса на открытие наместничества в Пскове было опубликовано письмо в Санкт-Петербургских Ведомостях за 1777 г., № 101 одного из дворян участвовавшего в торжествах к своему товарищу.

Автор очерка ссылается на газету «Санкт-Петербургские ведомости» за 1777 г., № 100, когда речь в тексте идет о Христофоре Романовиче фон Нолькене (1728–1802) – губернаторе Пскова. Иловайский использует данный выпуск газеты в качестве источника, чтобы доказать факт губернаторства Нолькена. Во фрагменте текста, посвященном казнокрадству чиновников, Дмитрий Иванович в качестве примера приводит следственное дело 1775 г. «О расхищении в преждебывшей Осташевской ратуши денежной казны, 10000 руб.» самими чиновникам ратуши. Дело находится в архиве министерства юстиции. К концу губернаторства Сиверса новгородский прокурор Остолопов предъявлял ряд претензий к экс-губернатору. Например, по содержанию тюрем. В данном случае Иловайский ссылается на записки англичанина Говарда, филантропа, который изучал тюрьмы Европы, в том числе и в Твери. По утверждению Иловайского, донесения Остолопова к генерал-прокурору Вяземскому находятся в архиве министерства юстиции в отделе дел генерал-прокурорских. В тексте работы присутствует цитата из письма графа Ивана Чернышева к Сиверсу, в котором он выражает сочувствие по поводу отставки последнего.

Проанализировав биографический очерк Дмитрия Ивановича Иловайского, мы можем отметить, что ученый использовал следующие источники: монографии зарубежных ученых, посвященные Якову Сиверсу (Блум, Рамбах), источники личного происхождения (письма Сиверса к Екатерине II, супруге, дочерям, отцу, дяде, сановникам), иностранные записки (Легниц, Говард), делопроизводственные документы (указы, отчеты, следственные дела), номера массовых печатных изданий (Петербургские Ведомости). Данный очерк посвящен биографии Сиверса до его назначения послом в Польшу. Логическим продолжением данного труда мы можем считать докторскую диссертацию Иловайского «Гродненский сейм 1793 г.: Последний Сейм Речи Посполитой». Материалы и выводы статьи могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения научного наследия Дмитрия Ивановича Иловайского, при

создании обобщающих трудов по историографии XIX в., а также для создания специальных курсов на исторических факультетах университетов.

Список источников и литературы

1. Иловайский Д. И. Граф Яков Сиверс: Биографический очерк // Русский вестник. 1865. № 55. С. 5–47.
2. Письма Екатерины II к графу А. В. // Русский архив. 1863. № 1. С. 177–204.
3. Иловайский Д. И. Граф Яков Сиверс: Биографический очерк // Русский вестник. 1865. № 56. С. 153–215.
4. Секретнейшие наставления князю Александру Вяземскому // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1858. № 1. С. 101–104.

Сведения об авторе

Турченко Даниил Александрович – учитель экономики МБ НОУ «Гимназия № 62», Новокузнецк, Россия.

Сведения о рецензенте

Матвеев Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: Oleg.Matveev@novsu.ru

УДК 821.161.1(47.24)

О НОВОМ ДЕЛЕНИИ СПИСКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТОЙ ЛЕТОПИСИ

Чекалдина Н. А.

Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: nadejdachekaldina@yandex.ru

ON THE NEW DIVISION OF THE SCROLLS OF THE NOVGOROD FOURTH CHRONICLE

Chekaldina N. A.

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: nadejdachekaldina@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается деление на группы списков Новгородской 4-й летописи, так как существующее основывается только на их окончании и не учитывает особенностей основной части текста. Одну группу образуют Фроловский, Строевский и Синодальный списки, другую – Новороссийский, Толстовский, Голицынский и Академический. Важной особенностью статьи является включение в классификацию Толстовского списка. Также внимание уделено вопросу происхождения текста за 1429–1446 гг. Академического списка, который, вероятно, восходит к тексту типа Новгородской первой летописи.

Ключевые слова: летописание XV века, соотношение списков, Новгородская четвертая летопись, Новгородская первая летопись.

Abstract. The article divides scrolls of the Novgorod 4th chronicle into groups according to the textual analysis in order to replace existing grouping based on scroll's ending. One group is formed by the Frolovsky, Stroevsky and Synodal scrolls, the other – Novorossiysky, Tolstovsky, Golitsynsky and Academic. The crucial point of the article – inclusion of the Tolstoy scroll in the classification as well as investigating the origin of the text for an Academic scroll 1429–1446 which probably goes back to the Novgorod First Chronicle text type.

Keywords: chronicle of the 15th century, correlation of scrolls, Novgorod fourth chronicle, Novgorod first chronicle.

Списки Новгородской четвертой летописи (далее – Н4) в историографии принято делить на две редакции в зависимости от их окончания. Их выделил еще А. А. Шахматов [1, с. 182–183], отнесший к старшей Новороссийский (далее – Нр.) и Голицынский (далее – Г.) списки, а к младшей – Фроловский (далее – Фр.), Строевский (далее – Ст.),

Синодальный (далее – С.) и Академический списки. При публикации Н4 исследователем учитывался еще один дефектный список – Толстовский (далее – Т.), который содержит текст лишь за 6890–6926 гг., и поэтому не может быть отнесен к какой-либо из редакций. Насчет соотношения списков Н4 издатели IV тома ПСРЛ указали на одну только близость Нр., Т. и Г., посчитав, что они относятся к более древнему изводу [2, с. XXXI].

Для начала необходимо охарактеризовать списки Н4. Фр. по филиграням датируется серединой 1470-х гг. [2, с. XXV], он написан одним почерком, кроме одной тетради в начале рукописи, которая, вероятно, была заменена на стыке XVI–XVII вв. Ст. относится, по указанию издателей, к 1470-м гг., по нашему мнению, к 1480-м гг., так как издатели не заметили в середине рукописи филигрань – перечеркнутую литеру Р (Пиккар-онлайн – № 108145 (1482), № 108148 (1481), № 108143 (1481) [3]). С. был написан, как сказано в нем самом, в 1543/1544 г. Катовасьею Юрьевым. Последние два упомянутых списка завершаются 6985 годом. Позднейшие филиграни Нр., определенные издателями, относились к 1486–1487 гг. Рукопись написана двумя почерками и содержит в конце помету: «Господи, помози рабу Божию Григорию Васильевичю на многа лета» [4, с. XXIX]. Т. относится к рубежу XV–XVI в. (филиграни 1489 г., 1497 г.), часть, дошедшая до нас, писана одним почерком [2, с. XXX]. Ак. является списком XVI в. и доведен до 7023 г. Но нам важнее, что в нем несколько раз меняются почерки, в том числе уже новым, отличным от основных, почерком написан текст с 6954 (1446) г. и до конца рукописи. В данном случае логично предположить, что с этого года меняются и источники рукописи. По замечанию О. Л. Новиковой, известия за 1446–1515 гг. (поместившиеся в одной тетради) написаны позже другим писцом [5, с. 15]. Аналогичную ситуацию мы видим в Г., в котором смена почерка приходится на завершение так называемой старшей редакции Н4 (1437 г.).

Из современных исследователей вопроса соотношения редакций Н4 касался А. Г. Бобров. По его мнению, за 1429–1431 гг. в старшей редакции Н4 (далее – Н4ст.) представлен текст, первичный к младшей (далее – Н4мл.), а начиная с 1432 г. – вторичный, так как в 1429–1431 гг. ежегодно пополняли Н4, а после – Новгородскую первую летопись младшей редакции (далее – Н1мл.).

Исследователь полагал, что, возможно, в 1430-е гг. сначала делались записи, которые отразились в Н1мл., а затем они тут же редактировались

архиепископом Евфимием II и заносились в продолжение первого свода – Н4. То есть так формировался текст Н4ст., которую А. Г. Бобров даже называет «первой редакцией» этой летописи. В таком случае получается, что при архиепископе Евфимии велось две летописи – «официальный экземпляр» владычной летописи (далее – НВЛ), отразившийся в Н1мл. и продолжение Н4, а чтобы признать логику таких построений, нужно объяснить, зачем это нужно было Евфимию, почему летопись не могла изначально вестись так, как он считал нужным, и почему именно в 1432 г. дополнение общерусскими известиями прекратилось [6, с. 189–191].

А. Г. Бобров делает свои выводы на основании анализа текстов окончаний редакций Н4 и не учитывает их более древнюю часть. К тому же так называемая Н4мл. в окончании (за 1429–1447 гг.) несет текст Н1мл., а точнее НВЛ. Текст окончания, представленный в Фр., Ст. и С., явно не восходил непосредственно к имеющимся у нас древнейшим спискам Н1мл. – Комиссионному и Академическому, вероятнее предполагать в качестве источника их протограф.

Более обоснованными нам кажутся построения О. Л. Новиковой, сосредоточившейся на летописании XVI века. В своей работе исследовательница обосновала следующую схему взаимоотношения летописей на рубеже XV–XVI вв. [5, с. 51]: Н4ст. являлась источником Краткой Новгородской летописи 1500–1501 гг., на которую уже опирался свод 1513 г.; еще одним протографом свода 1513 г. был Сокращенный свод Мазуринского вида; именно к своду 1513 г. восходил Ак. и Голицынская редакция этого свода, на которую опирался сам Г. (Г. также имел в качестве протографа Н4ст.). Дополнительно Ак. восходил и к Н4мл., видимо, заимствовав только окончание, что уже кажется странным.

Условность деления списков Н4 на две редакции очевидна, так как при нем фактически не учитывается основная часть текста – до 1428 г. Как нам кажется, более уместно будет выделять две группы списков: Фр.-Ст.-С. и Нр.-Т.-Г.-Ак. Это деление основывается не только на выводах О. Л. Новиковой, которая рассматривала в первую очередь известия за вторую половину XV – первую половину XVI в., оно подтверждается анализом разночтений за более ранний период.

На протяжении всего текста Фр., Ст., С. имеют общие чтения, отличающие их от другой группы списков:

– пропуск целиком известия 6515 г. [2, с. 97];

– гаплография в известии 6499 г. [2, с. 92], 6579 г. [2, с. 130];

– пропуск слов «В лето 6553» [2, с. 116], «в лето 6618» [2, с. 140]; «свое чадо», «и ово ихъ измроша» [2, с. 144], «в лето 6646» [2, с. 149], «в лето 6669» [2, с. 159], «поиди» [2, с. 199];

– замена имени «Всеслав» на «Святослав» под 6577 г. [2, с. 126];

– чтение «взяша тело его» (в Нр.-Т.-Г.-Ак. – «взяша труп его») [2, с. 219];

– более верная и близкая к Н1 передача последовательности известий 6578–6579 гг. [2, с. 126] и т. д.

Также данные списки близки в ряде незначительных деталей, таких как добавление общих союзов, частиц и т. д. Вопрос же соотношения Фр. и Ст.-С. лежит за пределами темы данной статьи.

Основным отличием группы Нр.-Т.-Г.-Ак. является присутствие в их тексте «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» и продолжения статьи 6910 года о предстоящем конце света («А еже рече: въстанет языкъ на языкъ и царство на царство…» [4, с. 392]), которое вполне могло быть самостоятельной вставкой.

Данная группа списков также имеет ряд общих чтений:

– пропуск слов «от царя Ногуя» в 6791 г. [2, с. 245], «ркуче тако: «Не хотим шестника владыкою»» в 6931 г. [4, с. 431];

– более верное чтение «Андреяну Олуферьевичю», в отличие от Фр.-Ст.-С. «Андреяну Михаиловичю» [2, с. 246].

Также см. известия 6746 г. [2, с. 221], 6836 г. [2, с. 262], 6932 г. [4, с. 432].

Важно рассмотреть и вопрос соотношения списков внутри этой группы. Вначале отметим, что все они восходили к списку Н4, скорее всего, доведенному до 1428 г., так как Нр.-Г. и Ак. несут разный текст продолжения, а Т., как мы уже упоминали, обрывается еще до 1428 г.

Как нам кажется, ни один из этих списков не восходит к Нр. Ошибки Нр. если и совпадают, то с ошибками всех списков группы, то есть они индивидуальны. Его автор на протяжении всего текста часто меняет местами слова в предложении, что, вероятно, связано с особенностями внутреннего диктанта писца. Очевидно, что если бы какой-либо из списков восходил к Нр., то в нем отразились бы эти особенности.

Обратим внимание, что весьма много общих ошибок имеют Г. и Ак.:

– текст известий 6578 г. и 6579 г. ошибочно поменян местами [2, с. 126];

– статья 6585 г. помещена после первого известия 6586 г., и таким образом оставшаяся часть статьи 6586 г. отнесена к 6585 г. [2, с. 133];

– пропуск слов «а Давыдъ игоревичь кроме седяше» [2, с. 139], «около града Торжку беше бо ихъ 7000 и гость биша» [2, с. 203] и т. д. (см. известия 6635 г. [2, с. 144], 6724 г. [2, с. 186–187], 6732 г. [2, с. 203], 6771 г. [2, с. 234]).

В качестве дополнительного примера можно привести одно из показательных разночтений, которое также показывает нам, что в списках группы Нр.-Т.-Г.-Ак. встречается более исправный текст:

Н1мл.	Фр.-Ст.-С.	Нр.	Г.-Ак.
6802. Того же лета преставися князь Дмитреи в Волоце, **постригъся**, и везоша и в Переяславь [7, с. 328]	6802. Преставися в волоце князь Дмитреи **в чернцехъ** и везоша его в Переяславль [2, с. 249]	6802. Преставися Дмитреи Олександровичь в волоце **постригъ** положенъ бысть в Переяславле во святом Спасе княжив лет 18. Андреево [2, с. 249]	6802. Преставися князь Дмитреи въ волоце **постригшися** и везоша его в Переяславль [2, с. 249]

Таким образом, мы видим, что наши построения довольно удачно коррелируют с выводами О. Л. Новиковой о соотношении Нр., Г., и Ак. Теперь можно обратиться к анализу Т., чтобы определить его место в предложенной исследовательницей стемме.

Нужно отметить, что зачастую Г., Т. и Ак. имеют общие ошибки, то есть мы могли бы предположить, что Т. восходил не к их общему протографу с Нр., а к одному из промежуточных звеньев данной цепочки – своду 1513 г. или его Голицынской редакции:

– общая замена слова «борзо» на «погнаша» в известии 6894 г. [4, с. 344];

– пропуск слов «Похвалы место бесщестье ему прииде и поиде самъ на рускую землю» в Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича [4, с. 353];

– общее чтение в Слове: «Богъ бо не обьятъ есть страстию ты но похвалою, человечскиа же вещи обоимъ я не токмо же страстию суть», издатель утверждает, что более верно дано в Нр.: «Богъ бо не обьятъ есть страстию, не токмо же страстию, но похвалою, человечскиа же вещи обоимъ яты суть» [4, с. 363].

Голицынскую редакцию О. Л. Новикова выделила на основе известий Г. и Ак. после 7008 (1500) г., составитель которого иногда сокращал ненужные, по его мнению, известия.

Следующим шагом отметим, что все же к Т. наиболее текстуально близок Г.:

– гаплография в известии 6891 г. «Городъ (корельскии городъ полъ копорьи города)» [4, с. 339]; 6893 г. «Затьхнулся (и у святеи Пятници сторожь затъхнулся)» [4, с. 342];

– добавление слов в 6897 г. «А всехъ отъ рождества житья его 38 летъ и 5 месяц» [4, с. 356] и т. д.

Но Г. не мог восходить к Т., так, например, мы видим пропуски в Т., не отразившиеся во втором списке:

Г.	Т.
6893 …толко не горела церкви святая Богородица на Михалици **монастырь и на микитине улици отъ креста в поле не горело** и Красилницкая улка и многа бысть убытка крестьяномъ обеима концема [4, с. 342]	6893 …толко не горела церкви святая Богородица на Михалици и Красилницкая улка и многа бысть убытка крестьяномъ обеима концема [4, с. 342]
6906. Постави архиепископъ Иванъ церковь каменну **святое Воскресение на воротехъ. Михаил Крупа постави церковь каменну** святаго Николы конець Чюдинцевы улици [4, с. 382]	6906. Постави архиепископъ Иванъ церковь каменну святаго Николы конець Чюдинцевы улици [4, с. 382]

При этом опровергнуть обратную связь мы пока не можем, так как Г. не несет ошибок, которые не имел бы Т. Наличие большого числа ошибок Т.-Г., которые не передались в Ак., как нам кажется делает мало вероятным восхождение Т. к своду 1513 г. Таким образом, мы могли бы ограничиться выводом, что Т. имел в качестве протографа либо Голицынскую редакцию свода 1513 г., либо сам Г. Но Т. палеографически датируется раньше Г., так что есть основания считать более вероятным происхождение Т. от Голицынской редакции свода 1513 г.

Для характеристики Ак. нужно указать, в чем заключается его уникальность. Как мы показали ранее, основная часть текста данного списка (до 1428 г.) близка с Нр., Г., Т., происхождение его окончания (после 1446 г.), написанного в рукописи другим почерком и на другой бумаге, объяснено О. Л. Новиковой. Текст же за 1429–1446 гг. (заметим, не до 1447 г., как в Фр.) содержит известия, схожие с Фр., Ст., С., на основании этого Ак. всегда причисляли к Н4мл. Но, как мы уже говорили, так называемая Н4мл. является просто продолжением Н4 по Н1мл. (или по самой НВЛ, об этом пока судить трудно). При этом мы обнаружили ряд деталей, которые наталкивают на мысль о связи текста Ак. за этот период не с Фр., Ст. и С., а с первичной по отношению к ним Н1мл.:

Фр.-Ст.-С.	Ак.	Н1мл.
6940. Той осени приѣха в Новгород князь Юрьи Семенович из Литвы [4, с. 433]	6940. Той осени приѣха в Новгород князь Юрьи Семенович из Литвы. 6940. Тои осени приеха въ новгород князь юрьи семеновичь **сь своею княгынею на Литовскои земли** [4, с. 433]	6940. Той осени приѣха в Новгород князь Юрьи Семенович из Литвы. 6940. Тои же осени приѣха в Новъгородъ князь Юрьеи Семеновичь **съ своею княгинею из Литовской земли** [7, с. 416]
6947. Того же лѣта архиепископъ Еуфимеи омаза извистию **святую Софию**… Того же лѣта архиепископъ Еуфимии **поплати** гробъ князя Владимера… [4, с. 436]	6947. Того же лѣта архиепископъ Еуфимеи омаза извистию **святу Софию всю**… Того же лѣта архиепископъ Еуфимии **позлати** гробъ князя Владимера… [4, с. 436]	6947. Того же лѣта архиепископъ Еуфимеи омаза извистию **святую Софию всю**… Того же лѣта архиепископъ Еуфимии **позлати** гробъ князя Владимера… [7, с. 420]

6948. Того же лѣта **покрѣпи** Полотескъ весь, а Князь Юрьи Семенович из Великаго Новаграда выѣха в Литву, и князь велики Кажимиръ дал ему отчину его всю, **Милостислав** и Кричев, и иных градов и волостеи не мало… [4, с. 436]	6948. Того же лѣта **погорѣ** Полотескъ весь, а Князь Юрьи Семенович из Великаго Новаграда выѣха в Литву, и князь велики Кажимиръ дал ему отчину его всю, **Мстислав** и Кричев, и иных градов и волостеи не мало… [4, с. 436]	6948. Того же лѣта **погорѣ** Полотескъ весь, а Князь Юрьи Семенович из Великаго Новаграда выѣха в Литву, и князь велики Кажимиръ дал ему отчину его всю, **Мстислав** и Кричев, и иных градов и волостеи не мало… [7, с. 420]
6949. Того же лѣта **пресвященнаго архиепископа** Великаго Новатороda и Пскова **повѣлениемъ** владыки Еуфимия подписана бысть церкви святы Никола на Вежищех… Того же лѣта **архиепископъ Еуфимѣи постави** церковь камену святыи Борис и Глѣбъ на старой основе в Околоткѣ… [4, с. 437]	6949. Того же лета **повелением пресвященнаго архиепископа** Великаго Новатороda и Пскова повѣлениемъ владыки Еуфимия подписана бысть церкви святы Никола на Вежищех… Того же лѣта **постави архиепископъ Еуфимѣи** церковь камену святыи Борис и Глѣбъ на старой основе в Околоткѣ… [4, с. 437]	6949. Того же лета **повелением пресвященнаго архиепископа** Великаго Новатороda и Пскова повѣлениемъ владыки Еуфимия подписана бысть церкви святы Никола на Вежищех… Того же лѣта **постави архиепископъ Еуфимѣи** церковь святыи Борис и Глѣбъ на старой основе в Околоткѣ... [7, с. 421]
6950. И добрѣ ю украси… и церковныя служебныя сосуды **створи и иныя сосуды** сребряныя **стрвори** на потребу манастырю [4, с. 438]	6950. И добрѣ ю украси… и церковныя служебныя сосуды сребряныя **устрои** на потребу манастырю [4, с. 438]	6950. И добрѣ ю украси… и церковныя служебныя сосуды **серебряныя створи и иныя сосуды сребряныя устрои** на потребу манастырю [7, с. 422]

6953. **Постави** архиепископъ Великаго Новагорода владыка Еуфимѣи церковь камену на Хутыне святаго Варлама… Того же лѣта архиепископъ Еуфимеи заложи манастырь святаго Георгия в Городкѣ, и стену камену **понови**, и подписа... Того же месяца 30, на память святыхъ Трѣи святитель архиепископъ Еуфимеи свяща сбором церковь теплую святаго Евфимиа [4, с. 439]	6953. Архиепископъ Великаго Новагорода владыка Еуфимѣи **постави** церковь камену на Хутыне святаго Варлама… Того же лѣта архиепископъ Еуфимеи заложи манастырь святаго Георгия в Городкѣ, и стену камену **понови**, ***и церковь святаго Георгиа понови*** и подписа… Того же месяца 30, на память святыхъ Трѣи святитель ***Васили Великого и Григориа Богослова и Иоанна Златоустаго***, архиепископъ Еуфимеи свяща сбором церковь теплую святаго Евфимиа [4, с. 439]	6953. Архиепископъ Великаго Новагорода владыка Еуфимѣи **постави** церковь камену на Хутыне святаго Варлама… Того же лѣта архиепископъ Еуфимеи заложи манастырь святаго Георгия в Городкѣ, и стену камену **понови**, ***и церковь святаго Георгиа понови*** и подписа… Того же месяца 30, на память святыхъ Трѣи святитель ***Васили Великого и Григориа Богослова и Иоанна Златоустаго***, архиепископъ Еуфимеи свяща сбором церковь теплую святаго Евфимиа [7, с. 424]

Первое из разночтений следует пояснить. В Н1мл. содержится два известия за 6940 г., частично дублирующие друг друга, на что указывали многие исследователи. А. Г. Бобров справедливо предположил, что это говорит об отражении двух этапов формирования данного сообщения в НВЛ из-за ее синхронного пополнения (то есть во время занесения известия мог быть неизвестен исход спора в Орде) [6, с. 190]. При этом все составители, опиравшиеся на текст с двумя известиями, решали проблему по-разному. Пытаясь убрать дублировки, они совершали свои ошибки. В случае с Фр. составитель взял известие про Юрия Семеновича только из первого известия, а автор Ак., единственный из всех, переписал оба известия.

Таким образом, более логичным представляется деление списков Н4 на группы Фр.-Ст.-С. и Нр.-Т.-Г.-Ак. Ни одна из них не может быть пока названа в целом первичной или вторичной по отношению к другой. В результате работы нами было выяснено место Т. по отношению к другим спискам, а именно предполагается восхождение этого списка либо к Г., либо к Голицынской редакции свода 1513 г. Также выводы О. Л. Новиковой в области соотношения Нр., Г., Ак. можно считать подтвержденными. А складывание текста Ак. выглядит теперь более логичным, когда мы исключаем из его источников т. н. Н4мл., а его текст за 1429–1446 гг. возводим к Н1. То есть наши выводы корректируют построения О. Л. Новиковой, делая ненужным одно из звеньев ее стеммы.

Список источников и литературы

1. Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1938. 372 с.

2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 2-е издание. Пг., 1915. Т. 4, вып. 1. 320 с.

3. Wasserzeichenkartei Piccard // Digital Publication of the Piccard Collection of Watermarks. URL: https://www.piccard-online.de/struktur.php?klassi=004.002.002.001&anzeigeKlassi=004.002.002.001.003&Id=100182&sprache=en&weitere=struktur (дата обращения: 26.02.2023)

4. ПСРЛ. 2-е издание. Л., 1925. Т. 4, вып. 2. 215 с.

5. Новикова О. Л. Новгородские летописи XVI века: дис. … канд. филологич. наук / Ин-т. русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб, 2000. 252 с.

6. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века / Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН. М.: Дмитрий Буланин, 2001. 287 с.

7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 640 с.

Сведения об авторе

Чекалдина Надежда Андреевна – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 339.133.017:332.053.23(470.61)

ТОВАРНЫЙ ДЕФИЦИТ В НАЧАЛЕ 1990-Х: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Бурлаков Д. И.

Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
E-mail: daburlakov@gmail.com

COMMODITY DEFICIENCY IN THE EARLY 1990S: MYTH OR REALITY (BY THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)

Burlakov D. I.

Southern Federal university
(Rostov-on-Don, Russia)
E-mail: daburlakov@gmail.com

Аннотация. В результате перестроечных преобразований к началу 1990-х годов складывается тяжелая кризисная экономическая ситуация. Повсеместно по стране наблюдался товарный дефицит, однако существует миф о том, что Юг страны данное явление миновало. В статье анализируется экономическая обстановка в Ростовской области в 1991–1992 годах посредством рассмотрения деятельности рынка, связанной с реализацией продовольственных товаров. На основании изучения периодической печати было установлено, что товарный дефицит присутствовал на Дону, но не в таких масштабах, как в центральной России. Дефицит возникал из-за придерживания товаров, паники населения, а также из-за перебоев с поставками. В 1991–1992 годах комплексных мер по решению товарного дефицита не было выявлено.
Ключевые слова: рынок, экономика, кризис, дефицит, 1990-е.

Abstract. As a result of “perestroika” transformations, by the beginning of the 1990s, a severe economic crisis was developing. There was a commodity shortage everywhere in the country, however, there is a myth that the South of the country has passed this phenomenon. The article analyzes the economic situation in the Rostov region in 1991–1992 by considering the activities of the market related to the sale of food products. Based on the study of the periodical press, it was found that the commodity deficit was present on the Don, but not on the same scale as in central Russia. The shortage arose due to the retention of goods, the panic of the population and the supply disruptions. In 1991–1992, no comprehensive measures were identified to address the commodity deficit.
Keywords: market, economy, crisis, deficit, 1990s.

Актуальность данной статьи обуславливается сложившейся экономической и политической ситуацией в нашей стране, которая берет

свое начало с момента экономических преобразований, в частности с перехода от командно-административной экономики к рыночной в начале 1990-х. В условиях введения санкций западными странами, направленных на экономику РФ, в российском обществе и элитах снова начинаются разговоры о наличии товарного дефицита в экономике. Уроки проведения экономических реформ в начале 1990-х могут быть полезны для российского общества и государства в данный период развития страны. Поэтому действительно важно проанализировать наличие товарного дефицита в потребительской сфере экономики, выявить причины данного явления, а также рассмотреть, как пытались решить представленную проблему.

Тематика состояния потребительского рынка в конце 1980-х – начале 1990-х нашла свое отражение во многих трудах отечественных исследователей: О. В. Хлевнюка [1], Р. Г. Кирсанова [2], А. В. Трофимова и М. А. Вельбой [3]. В основном их работы носят обобщающий анализ экономического развития и сопутствующего кризиса в советском и новом российском государстве. Тема потребительского рынка в Ростове-на-Дону в обозначенный хронологический период затрагивается лишь в работе С. В. Чуева [4].

В сложной экономической ситуации, с нестабильным ценообразованием и с падением объемов производств чаще всего возникает дефицит товаров на потребительском рынке. Исходя из анализа газет можно понять – существовал ли товарный дефицит в данный отрезок времени или это был миф.

Тематика товарного дефицита широко отражена в периодической печати Ростовской области. Например, в газете Вечерний Ростов в апреле 1991 года была опубликована статья, в которой развенчивали миф об отсутствии дефицита при рыночной экономике: «Нашим хрупким надеждам на то, что “после повышения цен на прилавках будет все, правда, дорого” – не суждено было сбыться. Слух о заполненных товарами до отказа, трещащих по всем швам оптовых базах, похоже, оказался очередным мифом…» [5]. И действительно складывалась ситуация, когда на полках в магазинах оставались товары по завышенным ценам, которые граждане не могли приобрести.

Если перейти к конкретным товарам, дабы подтвердить тезис о товарном дефиците, то стоит начать с хлеба, так как он был наиболее востребован у населения благодаря его пищевым качествам. В середине ноября 1991 года происходит всплеск интереса к хлебу у населения, из

магазинов никто не уходил без 2–3 булок хлеба, при том что ситуация с голодом не стояла перед жителями Ростова-на-Дону [6]. Ежедневно для города требовалось около 230 тонн хлеба, но в ноябре из-за повышенного спроса приходилось дополнительно производить от 22 до 73 тонн [7]. В начале 1992 года проблема с реализацией хлеба все еще существовала, так как завоз был нестабилен, а интерес населения к этому виду продукции не снижался.

С отпуска цен в 1992 году с производством и с потреблением хлеба возникает ряд негативных тенденций. Для начала из-за всеобщего подорожания заводы по производству хлебобулочных изделий начинают экономить на ингредиентах и способе производства, как это было с заводом № 2, у которого комиссия выявила 20,2% некачественного товара [8]. С реализацией хлеба также возникали трудности – дешевый хлеб быстро раскупали, оставался дорогой, который был не по карману населению [9]. Частные лица перепродавали товар с наценкой и нелегально, так, например, в одной из газетных заметок указывалось, что водитель машины с надписью «Хлеб» продавал товар по 12 рублей за буханку, а когда его попросили показать накладную на продукцию, мужчина сразу же покинул рынок [10].

Наибольшей популярностью среди всех товаров, по материалам многих статей «Вечернего Ростова», был также сахар, ибо одни использовали его для заготовки варенья и компотов на зиму, другие же – просто делали запасы, опасаясь нового повышения цен [10]. Проблема недостатка сахара волновала ростовчан повсеместно, так как с ноября 1991 года появляются сбои с поставками, а в декабре сахара не было вовсе. По словам начальника областного управления торговли М. П. Папе: «Потребность Ростова в этом виде продукции ежемесячно составляет 5 тысяч тонн. В январе область из полученных нами 1,9 тысячи тонн сумела выделить Ростову всего 600 тонн. ...300 тонн из них передают общепиту и 300 тонн – малому опту. Таким образом, как ни печально констатировать, населению сахара не осталось» [11].

Пожалуй, самым ярким индикатором товарного кризиса в начале 1990-х гг. выступает введение карточной системы. В Ростове-на-Дону талоны начинают выдавать в 1991 году во втором квартале, по ним гарантировалось получение одним человеком на один месяц масла 400 г, сахара 1 кг, водки – одной бутылки, вина – одной бутылки; на два месяца на одного человека: макаронных изделий – 500 г; на квартал на одного человека: табачных изделий – 12 пачек, спичек – 10 пачек, круп – 1,5 кг.,

мыла хозяйственного – один кусок, стирального порошка – 2 пачки, туалетного мыла – 2 куска [12]. Такого количества продуктов точно не хватало для нормальной жизни. Но стоит заметить, что после либерализации цен придержанная продукция хлынула на рынок (уже совсем по другим ценам), и собственно по товарным книжкам и талонам можно было теперь получить лишь сахар, которого все еще было мало [13].

Чтобы понять почему все же товарный дефицит существовал в Ростове-на-Дону, необходимо перейти к причинам его появления. Стоит начать с перебоев с поставками сырья на заводах, что тормозило производство и не давало успешно выполнить план и заполнить продукцией полки в магазинах. Подобное представлено было на Ростовском хлебозаводе № 5 – не поставлялось масло и завод не мог полноценно выпускать кондитерские изделия [14]. Аналогичную проблему выделял и представитель Комиссии по товарам народного потребления Верховного Совета СССР народный депутат Г. Киселев, он прежде всего в причинах дефицита усматривал разбалансированность хозяйственных связей. По его мнению, многие предприятия пренебрегали поставками в централизованно распределяемые фонды, а реализовывали продукцию по своему усмотрению – по договорам [15].

Отмечалось также, что в конце 1991 года из Ростова-на-Дону пропали пряники, конфеты, печенье, халва. Подобное было вызвано тем, что поставщики поднимали цены и не хотели их снижать, из-за чего на заводы не попадало нужное количество сырья [16]. На данную ситуацию владельцы заводов реагировали таким же повышением цен на продукцию [17], рыночные методы хозяйствования, как мы видим, привели к всеобщему повышению цен.

Другой проблемой была разбалансированность наличных денег населения и количества товаров. За 9 месяцев 1990 года прирост товаров народного потребления за счет текущего производства в стране составил около 7,5 процента, а прирост денежных доходов населения – 14,4 процента (при плановых расчетах на год – 7,1). Свободная денежная масса усилила давление на и без того неуравновешенный потребительский рынок. В результате чего население начало скупать товары впрок, на черный день. Народный депутат Г. Киселев также указывал на ажиотажный спрос, который приводит к тому, что в магазинах опустели полки [17]. С повышением цен возникали трудности в посадке овощей, так

как повышалась и стоимость посадочного материала, из-за чего колхозы и совхозы не могли полностью выполнить свой план [18]. Отдельная проблема – придерживание товаров в магазинах, из-за чего возникал товарный дефицит. Так, в магазине № 2 «Пионер» был произведен рейд, в ходе которого были найдены припрятанные товары: тысяча пар носков, 220 мужских маек с рисунком, а также женские колготки, теннисные мячи, туристические палатки [19]. Это был не единичный случай. Еще один интересный момент связан с несогласованностью администрации области и производств в плане ценообразования, из-за чего создавалась ситуация, когда на фабриках оставалась продукция, но ее не могли реализовать по слишком низким ценам, которые, по мнению владельцев производств, устанавливала область, и как итог продукция не поступала на рынок. Подобное произошло с реализацией яиц в Ростове, ввиду несогласованности создалась ситуация, когда дешевой продажи яиц не хочет фабрика, а дорогой продажи не разрешает администрация [20].

Благодаря введению талонной системы возникал ряд новых проблем. Во-первых, не всегда выдавались товары по самим карточкам, их придерживали на складах, а гражданам говорили, что их не было (в магазине № 1 Ворошиловского торга в день проверки на витрине отсутствовал сахар, который должен был реализовываться по талонам, хотя в подсобном помещении хранилось 270 кг). В-вторых, придержанные товары сбывали с наценкой, из-за чего увеличилась инфляция и цены продолжали возрастать [21]. Еще одной проблемой, связанной с талонами, было их распространение на черном рынке, в Ростове-на-Дону талон стоил один рубль [22]. Если сравнить с ценами на товары, то нелегально покупать талоны было значительно выгоднее. Подобное может вызывать повышенный спрос на продукцию, из чего следует, что выдаваемые товары могут просто закончиться на прилавках, что опять же способствует увеличению дефицита.

В числе причин товарного дефицита, помимо искусственного его создания, стоит сделать акцент на психологии потребителя – если завозили продукцию, которой было мало, население старалось ей запастись – граждане очень быстро раскупали продовольственные товары. Так, в 1991 году обеспечить рыбой население Ростова-на-Дону удалось на 86,8%, но граждане, увидев снижение поставок продукции, начинали покупать рыбу с еще большим ажиотажем [23]. Показательным будет пример с поставками макарон (20–25 тонн ежедневно во все магазины города) и

масла (за первый квартал 1991 года городу из фондов было поставлено свыше 300 тонн), однако граждане вызывали повышенный спрос, из-за чего на полках в магазинах данной продукции быстро не оказывалось.

Конечно, со сложившейся проблемами пытались бороться, и одним из способов борьбы была потребительская кооперация, перед которой ставилась задача увеличения выпуска продовольственной продукции, дабы она могла заполнить брешь между спросом и предложением на товары [24]. Локально также пробовали влиять на дефицит – например, на заводе «Аксайкардандеталь» открыли для рабочих агропромышленный магазин, где продавали сыр, чай, шампанское, мясные продукты. Вдобавок завод у совхоза «Советская Россия» на специальных условиях выкупил часть земли для горожан, дабы те могли для личного пользования выращивать овощи [25]. Для выявления махинаций с дефицитными товарами прокуратура проводила проверку, и в ходе рейдов в декабре 1991 года было выявлено, что в Ростове есть все, но под прилавками [26]. Но каких-то комплексных мер в 1991–1992 годах не было принято, так как исходя из рыночной и капиталистической (курс на которую и был намечен) риторики государственное влияние в области ценообразования и контролирования экономических процессов лишь помешает «невидимой руке рынка» регулировать ситуацию в стране.

Таким образом, мы можем увидеть, что товарный дефицит все же существовал на Юге страны (в Ростовской области). Дефицитными товарами в первую очередь были хлеб и сахар. Конечно, в разные временные отрезки возникал дефицит и на другие товары, например, рыбу. Основными причинами сложившейся кризисной ситуации были: 1) ажиотажный спрос; 2) разбалансированность хозяйственных связей; 3) наличие у населения денежной массы, которую оно старались сбыть; 4) отсутствие опыта рыночного хозяйствования; 5) галопирующая инфляция. Если в целом говорить о путях решения данной проблемы, то за первые два года реформирования однозначного метода решения не было представлено.

Список источников и литературы

1. Хлевнюк О. В. Эффект заполненных прилавков: преодоление товарного дефицита в России в 1990-е годы и его социальные последствия // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3 (46). С. 5–14.

2. Кирсанов Р. Г. Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Бурятского гос. ун-та. История. 2014. № 7. С. 36–41.

3. Трофимов А. В., Вельбой М. А. Проблема товарного дефицита в СССР 1980-х годов в современной историографии // Известия УрГЭУ. 2007. № 1 (18). С. 272–279.

4. Чуев С. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М.: Издательские решения, 2020. 650 с.

5. С новыми ценами... // Вечерний Ростов. 1991. 3 апреля. № 64.

6. Хлебная лихорадка // Вечерний Ростов. 1991. 12 ноября. № 214.

7. Итоги «хлебной лихорадки» // Вечерний Ростов. 1991. 15 ноября. № 217.

8. Хлеб в Ростове: Монополизм – есть, качества – нет // Вечерний Ростов. 1992. 8 сентября. № 158. С. 1.

9. На грани «хлебного бунта» // Молот. 1992. 17 октября. №169–170. С. 1.

10. Хлеб с наценкой по новым расценкам // Вечерний Ростов. 1992. 26 августа. № 150. С. 1.

11. Будет ли в Ростове сахар? // Вечерний Ростов. 1992. 15 января. №7. С. 1.

12. Талонная система: нормы отпуска // Вечерний Ростов. 1991. 8 апреля. № 67. С. 3.

13. Товарные книжки не выбрасывайте: их можно обменять на сахар! Но когда? // Вечерний Ростов. 1992. 2 марта. № 33. С. 1.

14. Линия есть, а продукции нет // Молот. 1991. 15 января. № 11–12.

15. Под прессом дефицит // Молот. 1991. 15 января. № 11–12.

16. Конфеты – роскошь, кушайте, дети... // Вечерний Ростов. 1991. 27 декабря. № 249–250.

17. Под прессом дефицит // Молот. 1991. 15 января. № 11–12.

18. С картошкой трудно // Молот. 1991. 4 мая. № 88–89.

19. Икра, крабы, ананасы // Вечерний Ростов. 1991. 11 декабря. № 236.

20. Яичница по-партизански // Вечерний Ростов. 1991. 15 ноября. № 217.

21. Талон – еще не гарантия // Вечерний Ростов. 1991. 2 июля. № 125. С. 2.

22. Через какую «трубу вытекают» талоны? // Вечерний Ростов. 1992. 10 февраля. № 22. С. 2.

23. Вопрос-ответ // Вечерний Ростов. 1991. 29 апреля. № 82. С. 3.

24. Продовольственный вопрос решать сообща // Молот. 1991. 26 января. № 19–20. С. 1.

25. Выгода – обоюдная // Молот. 1991. 20 апреля. № 78–79. С. 1.

26. В Ростове есть все – но под прилавком // Вечерний Ростов. 1991. 6 декабря. № 233.

Сведения об авторе

Бурлаков Даниил Игоревич – студент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: irina.samoylova@novsu.ru

УДК 069(1-21)(470.24)

«ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ ЗА РЕВОЛЮЦИЮ ДОЛЖНА У НАС ОСТАТЬСЯ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ МУЧЕНИКОВ РЕВОЛЮЦИИ В НОВГОРОДСКОМ МУЗЕЕ РЕВОЛЮЦИИ В 1920-Е ГОДЫ

Высоцкий А. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: alexei_vysotsky_novsu@mail.ru

"THE MEMORY OF THOSE WHO DIED FOR THE REVOLUTION MUST REMAIN WITH US": CONSTRUCTING IMAGES OF THE REVOLUTION MARTYRS IN THE NOVGOROD MUSEUM OF THE REVOLUTION IN THE 1920S

Vysotsky A. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: alexei_vysotsky_novsu@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена образам «мучеников революции» в рамках экспозиций Новгородского музея революции в 1920-е годы. Осуществляется сравнительный анализ изначального концепта и реализации конструирования образов жертв революции в контексте выставок учреждения. Рассматривается рефлексия данных образов обществом – посетителями Новгородского музея революции.

Ключевые слова: Новгородская губерния; музей революции; мученики революции; историческая память.

Abstract. This article is devoted to the revolution images of the martyrs in the framework of the expositions of the Novgorod Museum of the Revolution in the 1920s. A comparative analysis of the original concept and the implementation of the construction of images of revolution victims in the context of exhibitions of the institution is carried out. The reflection of these images by the visitors of the Novgorod Museum of the Revolution is considered.

Keywords: Novgorod Governorate; museum of revolution; revolution martyrs; historical memory.

Октябрьская революция долгое время занимала центральное место в политике памяти СССР, поскольку являлась его «мифом основания» [1; 2]. Согласно концепции немецкого культуролога А. Ассман, событие 25 октября (7 ноября) 1917 года в памяти общества являлось «каноном» и служило основой советской культурной идентичности [3, с. 34].

После прихода большевиков к власти канонизация Октябрьской революции была сопряжена с созданием «соответствующей инфраструктуры коллективной памяти», что напрямую связано с осуществлением различных коммеморативных практик: проведением праздников и годовщин, открытием монументов, изменением топонимии публичных пространств и т. д. [2, с. 146; 4]. Для 1920–1930-х годов была характерна интенсивная большевизация исторической памяти – власть активно конструировала новый исторический нарратив посредством различных практик [5].

Важной составляющей политики памяти в Советской России как «пропагандистском государстве» являлись музеи, которые относятся к «базовым инструментам исторической работы и к наиболее символическим объектам нашей памяти», а также выполняют функцию ценностного канона [6; 7, с. 26; 8, p. 251; 9, с. 56]. В постреволюционные годы музейное строительство в России переживало бурный рост как в центре, так и в провинции [10]. Распространенной формой учреждений, возникших в начале 1920-х годов и представляющих собой новое явление с точки зрения репрезентации исторических процессов, стали музеи революции [11].

Исключением не была и Новгородская губерния – с весны 1921 года начались интенсивная разработка проекта музея революции, поиск специалистов, формирование коллекции и другие организационные мероприятия. Важнейшая задача музея, сформулированная в его общем положении, носила идеологический характер: целью виделось «распространение правильных понятий о революции и пропаганда революционных идей» [12]. В данном предложении заключена мысль о внедрении символической системы новой власти, которое осуществлялось в двух формах: узурпации и инновации [13, с. 69–70]. Вытесняя и заимствуя символический язык и политико-религиозные формы христианской веры, большевистская власть одновременно создавала свои квазирелигиозные культы, в частности культ «мучеников революции», являвшийся важной составляющей общесоветского «мифа» в 1920-е гг. [14]. Статья посвящена образам мучеников революции в процессе создания и деятельности Новгородского музея революции.

Стоит учесть, что утверждение новой советской мемориальной культуры в обществе, особенно в региональном измерении, являлось «историей дефицитов» из-за отсутствия единых культурных норм, проблем

с организацией и внедрением различных форм коммеморации (13, с. 11; 10]. В связи с этим, уместно сравнение изначального концепта музея с его непосредственной реализацией в аспекте конструирования культа мучеников революции, а также рассмотрение рецепции данных образов посетителями музея. Исследование комбинирует подходы некоторых исследователей memory studies и концепт секулярной религии Эрика Фегелина [15, s. 55–58].

Идея увековечивания памяти о «мучениках революции» в Новгородском музее прослеживается на начальных этапах его создания. На совещании представителей губернских органов власти от 4 августа 1921 года была заслушана речь П. Е. Щеголева из Петроградского музея революции, в которой профессор отметил для себя первоочередную задачу новой институции: «…[необходимо создать музей] дабы память погибших за Революцию должна у нас остаться» [16]. На следующий день, в тезисах к докладу о Новгородском музее, который был подготовлен к совещанию заведующих агитпропотделами уездных комитетов, приводятся частично персонифицированные сюжеты отечественной истории, которые должны быть включены в экспозицию: Крестьянские восстания XVII–XVIII веков и их ключевые акторы (Степан Разин, Емельян Пугачев), декабристы, петрашевцы, народовольцы (А. И. Ульянов, А. И. Желябов, С. Н. Халтурин), узники Петропавловской тюрьмы, герои Гражданской войны (Г. И. Чудновский). Раннесоветский пантеон «мучеников революции» носил интернациональный характер, поэтому в тезисах фигурируют погибшие герои немецкой коммунистической партии – Р. Люксембург, К. Либкнехт и один из лидеров венгерской компартии Т. Самуэли, а также Парижская коммуна 1871 года. Необходимо обозначить, что описание каждого сюжета сопровождается словами, подчеркивающими мученичество павших за революционную идею: «казнь», «смерть», «страдания», «мученики». Автор тезисов отмечает важность наличия эпизодов революционного героизма и мученичества в рамках экспозиций: «… все это будет истинное украшение музея» [14; 17].

На уровне музейной репрезентации важны экспозиционные объекты, способные овладевать вниманием и чувствами посетителя – «триггеры» (trigger), объекты, обладающие свойствами эмоционального воздействия и экспрессивности (как ассоциативности, так и аттрактивности). В одном из положений тезисов упоминаются необходимые для музея экспонаты, являвшие собой «орудия актов угнетения» как обычного народа, так и

людей, павших за идеи революции: «6) Рычаги, кандалы, цепи…». По задумке авторов музея, «аура» самой экспозиции должна была оказывать эмоциональное воздействие на посетителя – «будить революционные чувства» в нем [14; 18, с. 18, 167].

С осени 1921 года появляются первые материалы в коллекции музея, а также началась подготовка выставки, приуроченной к 4-й годовщине Октябрьской революции [12; 19]. Следует отметить, что сбор экспонатов для экспозиции явился весьма сложной задачей для руководителей и кадровых сотрудников учреждения: в документах отмечается, что «поступление материалов пока слабое» и организация выставки «ведется в срочном порядке» [20]. Обращаясь к музейным предметам, которые могут говорить о конструировании культа «мучеников революции» в контексте данной экспозиции, следует указать на их немногочисленность относительно первоначальных концепта и запросов. В описи экспонатов Новгородского музея значится небольшое количество предметов, относящихся к теме мученичества героев-революционеров: 7 портретов известных декабристов (С. И. Муравьев-Апостол, Н. М. Муравьев, А. И. Борисов и др.) [21], 2 изображения народовольцев (С. Н. Халтурин, С. Л. Перовская), 2 картины террористов-эсеров (З. В. Коноплянникова, И. П. Каляев), 4 портрета большевиков (В. Володарский, Я. М. Свердлов, С. П. Восков, М. С. Урицкий), 3 изображения иностранных революционеров, погибших за «великую идею» (Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Тибор Самуэли) [22], а также произведение «Рассказ пленного красноармейца» [23].

На самой выставке, прошедшей 7–9 ноября 1921 года, частично прослеживается конструирование образов «революционных мучеников» как в рамках всей экспозиции – в одном из отчетов изображения революционеров обозначены как «портреты жертв» [24], так и в разделе, посвященном Коммунистическому Интернационалу, – в некоторых документах данная секция представлена как «Интернационал и жертвы» [25].

Рассмотрим рецепцию экспозиционных комплексов и образов, отраженную в книге отзывов, важнейшем инструменте музейной коммуникации [26]. Особое внимание у посетителей выставки вызвала нелегальная литература – в самой книге отзывов некоторые посетители делились личными воспоминаниями о том, какие издания читали в дореволюционное время и какие эмоции испытали, вновь увидев их уже в

контексте самой экспозиции: «Когда осматривал уголок нелегальной литературы [неразборчиво] 1905-17 годов [,] то невольно забило сердце…» [27].

Обращаясь к рецепции образов «мучеников революции», можно говорить об отсутствии отзывов с их прямым упоминанием, однако, некоторые из посетителей отметили присутствие революционного чувства при просмотре выставки, косвенно упомянув тех, кто сражался и погиб за «великую идею». Посетитель выставки В. Адамов написал: «… чувствуется пролетарский дух и крепкая пролетарская воля [,] которая выразилась в долгие революционные годы жестокой борьбы» [27]. Отсутствие комментариев о восприятии образов героев-мучеников революции можно объяснить вышеупомянутой «историей дефицитов», о которой в своем отзыве написал заведующий музеем Александр Павлович Иванов: «Скудность материала не дала возможности устроить более обширную и полную выставку как бы нам хотелось…» [28].

После 1921 года конструирование образов «мучеников революции», которое предполагалось при создании Новгородского музея, перестало занимать ключевое место при создании экспозиций. Однако оно было частично актуализировано в связи с кончиной В. И. Ленина в 1924 году. Некоторые исследователи утверждают, что особое значение в формировании культа «мученика революции» вокруг личности Ленина было сопряжено с покушением на него в 1918 году, его долговременной болезнью и страданиями [14]. Культ личности Ленина представлял собой целую систему символов и ритуалов, а одной из наиболее популярных форм воссоздания «мест памяти» о вожде в регионах стал ленинский уголок [29, с. 14]. В Новгородском музее революции «уголок имени т. Ленина» был создан в мае 1924 года. Две картины, вошедшие в данную экспозицию, позволяют говорить об обращении к образу вождя как «мученику революции»: изображения «Ленин в ссылке» и «Покушение на Ленина» [30]. Уже после создания ленинского уголка Новгородский музей революции начал терпеть неудачи и потери: арест заведующего музеем Александра Павловича Иванова, сокращение дней и часов для посещения, перевод учреждения в другое здание привели к закрытию данного института летом 1925 года [12].

Таким образом, в первоначальном концепте экспозиции Новгородского музея революции, предложенном в августе 1921 года, большинство приведенных предметов было обращено к конструированию

раннесоветского культа «мучеников революции». Некоторые музейные объекты, приведенные в концепции музея, являли собой «триггеры» и, по мнению авторов, должны были усилить эмоциональное воздействие на посетителя. Однако недостаток материалов, финансирования и влияние других факторов («история дефицитов») позволили прийти лишь к частичной реализации изначального концепта, о чем свидетельствует выставка, посвященная 4-й годовщине Октябрьской революции. Рефлексия образов «мучеников революции» посетителями почти полностью отсутствует. После проведения первой выставки руководство музея перестало осуществлять целенаправленные действия в аспекте конструирования культа революционных героев, частично обратившись к нему уже в 1924 году при создании уголка имени В. И. Ленина.

Список источников и литературы

1. Малинова О. Ю. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–40.
2. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. трудов / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. М. Ефременко, СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.
3. Ассман А. Забвение историей – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
4. Исрапилова З. А. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти // Манускрипт. 2016. № 2 (64). С. 70–73.
5. Лейбович О. Л. «Теперь не время помнить…» Большевизация исторической памяти в 1920–1930-е годы // Технологос. 2019. № 3. С. 38–46.
6. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 2. С. 106–126.
7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.
8. Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985. 308 p.
9. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
10. Рязанцев Н. П. Формирование сети провинциальных музеев России в 1920-е гг // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 65–75.
11. Крашенинникова Т. П. Проект создания казанского музея революции (1920-е годы) // Вестник ТГГПУ. 2012. № 2. С. 270–273.
12. Григорьева Н. В. Из истории музейного строительства в Новгородской губернии. Музей революции // Вестник НовГУ. 2014. № 83-2. С. 13–17.
13. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 438 с.

14. Малышева С. Ю. «Они падут в величии нездешнем»: раннесоветский культ мучеников революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 58–88.
15. Voegelin, E. Die politischen Religionen. Muenchen: Fink, 1993. 75 s.
16. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 17.
17. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 2–3.
18. Махотина. Е. И. Преломление памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре современной и постсоветской Литвы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 218 с.
19. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 44.
20. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 38, 42.
21. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 45
22. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 59.
23. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 36.
24. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 79.
25. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 92.
26. Шорина Д. Е., Шестак О.В. Книга отзывов как инструмент исследования и формирования имиджа музея // Ценности и смыслы. 2017. № 4 (50). С. 106–113
27. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.
28. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.
29. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1997. 288 с.
30. ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 115, 116.

Сведения об авторе

Высоцкий Алексей Андреевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: irina.samoylova@novsu.ru

УДК 070.499.7(470.25)

ОБЪЯВЛЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Кежова А. Р.

Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)
E-mail: kezhova.lina@yandex.ru

ADVERTISEMENTS ON THE PAGES OF THE PERIODICAL PRESS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF ENTREPRENEURSHIP (ON THE EXAMPLE OF THE PSKOV PROVINCE OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Kezhova A. R.

Pskov State University
(Pskov, Russia)
E-mail: kezhova.lina@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос значения объявлений на страницах периодической печати как исторических источников. Приведены примеры анализа рекламных записей из газет Псковской губернии конца XIX – начала XX века. Отмечена важность объявлений как источников по истории предпринимательства как на региональном, так и на общероссийском уровне.

Ключевые слова: источник, предпринимательство, объявления, периодическая печать, Псковская губерния.

Abstract. This paper examines the issue of the meaning of advertisements on the pages of periodicals as historical sources. Examples of the analysis of advertising records from newspapers of the Pskov province of the late 19th – early 20th centuries are given. The importance of ads as sources on the history of entrepreneurship, both at the regional and all-Russian level, was noted.

Keywords: source, entrepreneurship, announcements, periodical press, Pskov province.

Изучение истории предпринимательства России достаточно распространено в настоящее время. Проводятся конкурсы, которые ставят своей целью популяризацию этой темы. В современной России растет число индивидуальных предпринимателей и усиливается их влияние на внутренний рынок страны. В связи с этим повышается интерес к изучению истории развития предпринимательства.

Хотелось бы отразить тему изучения истории предпринимательства через анализ газетных объявлений. А также на этом примере показать важность рекламных записей в источниковедческом плане.

Хотя в Псковской губернии в конце XIX – начале XX в. существовало около тридцати различных периодических изданий, за основу были взяты те, которые представлены в открытом доступе в сети Интернет и есть в наличии в Псковской областной научной библиотеке. К примеру, «Псковские губернские ведомости», которые начали выпускаться в 1838 году благодаря указу Николая I и просуществовали на протяжении 80 лет, до 30 декабря 1917 года. В данном периодическом издании имелось две части: официальная и неофициальная, в последней и публиковались частные объявления. Также в качестве источника информации для создания данной работы использовались материалы из газеты «Псковитянин». Про нее можно найти такую информацию в библиографическом справочнике: «“Псковитянин” – «газета политическая, общественная и литературная», выступавшая «и против краснокожих, и против черных дикарей, и против кадет» [1]. Всего с 15 ноября 1906 года вышел 91 номер. Несмотря на то, что газета политическая и была создана для пропаганды определенных взглядов, на последней ее странице мы можем также наблюдать частные объявления.

Стоит отметить различия в публикации рекламных объявлений в двух указанных изданиях. В газете «Псковские губернские ведомости» объявления представлены развернуто, часто присутствует обращение к читателю. Авторы стараются преподнести свой товар или услугу с лучшей стороны. Чувствуется уважение к потенциальному клиенту. Можно предположить, что предложения были нацелены на образованную и более состоятельную публику. А также, как пишет Тарасова К. П. в своей статье, во второй половине XIX в. продолжают появляться практически не использовавшиеся ранее в газетных объявлениях приемы убеждения: ссылка на авторитет, написание текстов от первого лица, объединение рекламных текстов в серии [2, с. 54]. В газете «Псковитянин» гораздо больше объявлений, они присутствуют в каждом выпуске, в отличие от «Псковских губернских ведомостей». Однако в объявлениях присутствует огромное количество сокращений, подача информации часто краткая и сухая. Можно предположить, что к началу XX в. возможность публиковать свои предложения в газете появилась у более широкого круга лиц, но скорее всего стоимость публикации вычислялась из количества занятого

места на странице, поэтому предприниматели старались сэкономить, сократив некоторые слова. Также в этих объявлениях практически нет обращений к читателю. Можно предположить, что различие между двумя изданиями заключается также в разнице во времени их публикации. Однако есть и что-то общее, например, объявления в обеих газетах расположены в самом конце, на последней странице.

Таким образом, сравнив две газеты разных периодов, мы можем проследить не только развитие предпринимательства (это мы можем предположить по увеличению количества объявлений), но и изменения в характере печати, языке и отношении предпринимателей к покупателям, то есть деловой этике. Хотелось бы на конкретных примерах показать, как много информации дают объявления.

Очень яркий пример мы можем найти в выпуске газеты «Псковские губернские ведомости» за 14 ноября 1862 года. Текст объявления таков: «Почтеннейшей публики честь имею довести почтительно до сведения, что я ныне открыл во Пскове свое бочарное мастерство. Работать буду хорошо и аккуратно по возможно дешевым ценам, а также принимать буду на себя работы в селениях и усадьбах, приготовлением всех сортов бочек, чанов и тому подобной посуды. Квартира моя во флигеле Г. Жадрицкого, в переулке, не доходя пивоварни Гергенца. Бочарного дела мастер А. Крахт» [3]. Это объявление дает нам информацию о недавно открывшейся бочарной мастерской, из этого сразу можно сделать вывод, что производство мелкое, ручное. Автор, которым является сам мастер, вызывает доверие публики обещаниями о хорошей работе и «дешевых ценах». Также он пишет, что будет принимать заказы не только в городе. Мы можем сделать вывод, что он готов работать на выезде. Из объявления видно, какой спектр изделий будет производить мастер. Автор указывает адрес своей квартиры, а не мастерской, возможно, у него организовано производство дома. Также стоит отметить, что место находится недалеко от пивоварни, зная специализацию мастера, это является довольно интересным фактом. Можно предположить, что это его потенциальный заказчик. В конце автор объявления подписывается – «бочарного дела мастер А. Крахт». Зная фамилию, мы можем сделать вывод, что он был немцем по происхождению. В Псковской губернии, как отмечают многие исследователи, было немало предпринимателей с немецкими корнями. Коваль Р. А., рассматривая в своей статье предпринимательскую активность купечества Псковской губернии, в заключении приходит к

выводу, что оно было представлено в основном немцами по происхождению или старообрядцами по вероисповеданию [4]. В данном объявлении мы также видим множество проявлений предпринимательской этики. Например, словосочетание «честь имею». В толковом словаре мы можем найти такую расшифровку: «удостоиться (формула вежливости или подобострастного обращения к вышестоящему лицу)» [5]. Таким образом, предприниматель ставит себя как бы ниже покупателя и считает почетной возможность предложить свой товар. Конечно, такое обращение помогало расположить к себе читателя, чтобы он охотнее интересовался данным предложением. Помимо этого, мы видим прямое обращение к «почтеннейшей публике», которое еще больше располагает к себе читателя. Предприниматель всячески пытается возвысить потенциального покупателя. Также мастер употребляет наречие «почтительно», которое также лишний раз напоминает о его отношении к потребителю. Из объявления мы узнаем, что это совсем новое дело, можно предположить, что это именно тот случай, когда освободившийся крестьянин смог реализовать свой потенциал и открыть свое дело. В подтверждение этому можно привести год публикации газеты – 1862, вскоре после отмены крепостного права. Возвращаясь к проявлениям деловой этики, можно отметить обещания мастера работать хорошо и аккуратно, такие высказывания вызывают доверие у читателей, а упоминание о «дешевых ценах» только подогревает интерес. Помимо всего прочего, автор пишет, что готов работать на выезде, в селениях и усадьбах, а это для некоторых, как можно предположить, будет решающим фактором. Такая клиентоориентированность является одним из важнейших факторов деловой этики.

Хочется также привести пример объявления, опубликованного в начале XX века. Характер записей качественно меняется, развернутых обращений и красивых оборотов речи практически не найти. Подача информации становиться краткой и исключительно «по делу». В газете «Псковитянин» от 15 ноября 1906 года находится такое объявление: «Мебельный и зеркальный магазин К. В. Васильева, Великолуцкая ул., д. против Городского Полицейского Управления. Получен громадный выбор разной мебели новейших рисунков для квартирных обстановок. Желающие могут получить мебель напрокат и отдавать на хранение. Важно для Гг. уезжающих!! Прочная и аккуратная упаковка мебели принимается в моем магазине» [6]. Данное объявление дает нам обширную

информацию, в частности о различных услугах, предоставляемых в этом магазине. В самом начале мы узнаем имя владельца и адрес магазина. Дальше читатель находит информацию о новом поступлении мебели для квартиры. Интересен факт упоминания именно громадного выбора мебели разных рисунков. Из объявления мы узнаем о существовании услуг по сдаче мебели на хранение и получении ее на прокат. Мы можем поразмышлять, для чего предлагались такие услуги. Возможно, на хранение мебель отдавалась во время переезда или ремонта, а на прокат ее брали для арендованного жилья или для случаев, когда какой-то элемент мебели нужен был только на время, а также в случае приезда к новому месту службы, учитывая возможность ее кратковременности в г. Пскове, например, военных, чиновников. Также привлекается особое внимание уезжающих, для них предоставляется услуга упаковки мебели для перевозки. Если существует такая услуга, значит, может быть, существовали компании, занимающиеся именно перевозкой или помощью в погрузке. Автор обещает сделать работу качественно. Таким образом, мы видим, что магазин занимается не только продажей товаров, но и предоставлением различного вида услуг. Если рассматривать данный пример с точки зрения деловой этики, мы можем заметить, что предприниматель в данной рекламной записи не возвышает клиента различными оборотами, однако обращение все-таки присутствует. Автор предоставляет специализированную услугу и отмечает, кому именно она будет интересна – «Гг. уезжающим». Мы видим, что магазин предоставляет широкий спектр услуг, который нацелен на разную аудиторию. Это также можно считать клиентоориентированностью, что является важным принципом деловой этики.

Таким образом, мы на данных примерах видим, что рекламные записи в периодической печати дают огромный массив информации о предпринимательской активности псковичей: сферах деятельности, дислокации предприятий, мастерских, спектре предоставляемых услуг, имен предпринимателей. Рекламные записи могут стать источником для филологов, изучающих письменную речь определенного периода. Посредством частных объявлений мы узнаем о деятельности населения конкретного региона изучения, а сравнивая полученные результаты, можем сделать выводы об общероссийском предпринимательстве.

Список источников и литературы

1. Левин Н. Ф. Периодическая печать Псковской губернии 1838 – октябрь 1917 гг. // Псковиана. Электронная библиотека URL: http://pskoviana.ru/istoriya/istoriya-pskovskoj-oblasti/1423-periodicheskaya-pechat-pskovskoj-gubernii-1838-oktyabr-1917-gg (дата обращения: 01.02.2023).
2. Тарасова К. П. Генезис жанра рекламного объявления в XIX веке (на материале Российских газет) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская философия. 2019. №3. С. 50–59.
3. Псковские губернские ведомости: год двадцать пятый. 1862. № 45 (14 нояб.).
4. Коваль Р. А. Сферы предпринимательской активности псковского купечества во второй половине XIX – начале XX вв. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: История и современность (региональный аспект): сб. трудов конференции. СПб: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. 2016. С. 136–142.
5. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940); (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека. URL: https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (дата обращения: 01.02.2023).
6. Псковитянин: газета политическая, общественная и литературная. № 1. 15 (28) ноября

Сведения об авторе

Кежова Алина Романовна – студентка, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

Сведения о рецензенте

Борисевич Даниил Андреевич – старший научный сотрудник Государственного архива новейшей истории Новгородской области, ассистент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: danya_novsu@mail.ru.

УДК 930.1(574)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА И РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Котик А. В.

Независимый исследователь
(г. Магнитогорск, Россия)
E-mail: anton96nov@gmail.com

HISTORICAL POLICY OF KAZAKHSTAN AND RUSSIAN-KAZAKHSTANI RELATIONS

Kotik A. V.

Independent scholar
(Magnitogorsk, Russia)
E-mail: anton96nov@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается взаимосвязь исторической политики Казахстана и российско-казахстанских отношений. Вопрос интерпретации событий недавнего исторического прошлого играет не последнюю роль в российско-казахстанских отношениях. Власти Казахстана стремятся создать собственный вариант исторической политики, несколько отличающийся от российского. Обращение к тематике формирования государственности со стороны казахстанских политических элит одновременно выглядит попыткой защитить собственные взгляд на историю и политико-экономические интересы. Вопросы национальной истории и постсоветского настоящего поднимаются не только национально-патриотическими журналистами и публицистами, но и среди части академического сообщества. Данный нарратив может сочетаться с антиевразийскими и прозападными настроениями в казахстанском обществе. Цель статьи – проанализировать влияние фактора исторической политики на развитие российско-казахстанских отношений. В работе применяется концепция «мнемонических режимов» М. Бернхарда и Я. Кубика и термин «историческая политика». В заключение отмечается, что в российско-казахстанских отношениях существуют так позитивные, как и негативные примеры воздействия исторической политики. Следует ожидать усиления разногласий между Россией и Казахстаном в ближайшей перспективе ввиду изменений на постсоветском пространстве после 2022 г.

Ключевые слова: историческая политика, российско-казахстанские отношения, мнемонические режимы, евразийская интеграция, внешняя политика Казахстана, «войны памяти».

Abstract. The article explorers the link between historical policy of Kazakhstan and Russian-Kazakhstani relations. Interpretation of historical events is important in Russian-Kazakhstani relations. Kazakhstani authorities strive to create his own historical policy that is different from Russian. Kazakhstani political elites' address to the topics of creation of Kazakhstani state is both the protection of his own historical views, political and economic interests. Nationalist-favorable journalists and some of academic authors raise the questions

about national history and post-Soviet period. This narrative can mix with anti-Eurasian and pro-Western views in Kazakhstani society. This article includes the analysis of historical policy in context of Russian-Kazakhstani relations. There are using “mnemonic regimes” concept (M. Bernhard and J. Kubik) and historical policy concept. In conclusion, Russian-Kazakhstani relations has positive and negative examples of using historical policy topic. It should be pointed the growing of disputes in Russian-Kazakhstani relations because of changes in Post-Soviet space after 2022.

Keywords: Historical policy, Russian-Kazakhstani relations, mnemonic regimes, Eurasian integration, foreign policy of Kazakhstan, “memory wars”.

Вопросы влияния государственных и не только акторов на интерпретацию событий недавнего исторического прошлого давно интересуют исследователей в социогуманитарных науках. Во внутренне- и внешнеполитической практиках даже возник феномен «войн памяти», когда важные исторические события трактуются с совершенно противоположных точек зрения (академических исследователей, политиков, публицистов и журналистов и т. п.). Исторические нарративы могут значительно отличаться в различных макрорегионах – в зависимости от текущей политической целесообразности [1, p. 467–470]. В этой связи важно определить, где находится грань между реальными историческими событиями и их политически ангажированными интерпретациями, такими как концепция «двух тоталитаризмов», популярная в странах Восточной и – с недавних пор – Западной Европы [2, p. 115–118].

На постсоветском пространстве «войны памяти» возникают так между государствами, как и внутри стран по поводу отношения к недавнему советскому прошлому. В настоящей работе предлагается обратить внимание на то, как вопросы интерпретации недавнего исторического прошлого влияют на отношения двух союзных стран – России и Казахстана.

В данной статье применены концепция «мнемонических режимов» М. Бернхарда и Я. Кубика и термины «историческая политика и «режим памяти». Согласно известному российскому историку А. И. Миллеру, «историческая политика – это набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [3, с. 10].

Что же касается концепции мнемонических режимов М. Бернхарда и Я. Кубика, то выделим 4 типа акторов: 1) мнемонические бойцы; 2) мнемонические плюралисты; 3) уклонисты; 4) «обращенные в будущее» [Цит. по 4, с. 36]. Подобные стратегии отношения к исторической

политике проявляются постоянно. Как они влияют на российско-казахстанские отношения?

Можно отметить, что историческая политика Казахстана характеризуется попыткой создать собственную интерпретацию недавнего общего прошлого. Сохраняя дружественные и союзные отношения с Россией, власти Казахстана после распада СССР в 1991 г. стремятся создать свой исторический нарратив, несколько отличающийся от российского. Власти страны формально отменили большинство советских праздников (9 мая остается праздничным днем), но одновременно сохраняют взвешенное отношение к советскому периоду, особенно к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. При этом делаются попытки обращения к наследию Казахского ханства XV–XVIII вв. и – через него – к современному периоду Казахстана [5]. Обращение к теме истории формирования казахской государственности со стороны части политических элит республики выглядит как попытка защитить собственную историческую политику и собственные политико-экономические интересы, которые могут быть отличны от российских.

Так, в декабре 2014 г. тогдашний президент Казахстана Н. Назарбаев призвал защищать независимость и единство страны и объявил 2015 г. в Казахстане годом празднования 550-й годовщины образования Казахского ханства. Выступление Н. Назарбаева стало ответом на заявление В. Путина на форуме «Селигер-2014», в котором Президент России выразил обеспокоенность в связи с ростом националистических настроений в Казахстане и в котором российский лидер подчеркнул заслуги Назарбаева в создании казахской государственности. Парадоксальным образом заявление российского Президента фактически совпадало с официальным историко-политическим нарративом Казахстана, согласно которому современная казахстанская государственность была создана при активном участии Н. Назарбаева [6]. Впрочем, в казахстанском общественно-политическом пространстве высказывания Президента России вызвали неоднозначную реакцию – от резкого неприятия вплоть до игнорирования. Вопрос об истории развития и формирования казахстанской государственности является предметом спора и в академической среде, в которой преобладают две точки зрения:

1. Подавляющая часть институционального наследия Республики Казахстан основана сугубо на советском наследии.

2. Последним независимым казахским государственным образованием до 1991 г. было Казахское ханство, существовавшее в

XV–XVIII вв. Но влияние периода существования Казахской ССР на современную государственность Казахстана, признается и здесь [5].

Однако следует подчеркнуть, что основное воздействие на историческую политику в Казахстане и на казахстанское общественное мнение идет не только со стороны академических авторов, но и со стороны журналистов, публицистов и национал-патриотически настроенных интеллектуалов [7, с. 119]. Например, тема голода в Казахской ССР в начале 1930-х гг. периодически поднимается среди антироссийски настроенных кругов в Казахстане. По словам российского историка и политолога А. Грозина, основной темой историко-публицистических публикаций является обращение к теме коллективизации и связанного с ней голода, а также репрессий на территории советского Казахстана. Эксплуатация сложной темы коллективизации в радикально-патриотическом духе позволяет заинтересованным лицам реализовать собственные политические интересы [7, с. 120–121].

Некоторые зарубежные авторы подчеркивают, что среди казахских националистов популярно активное обращение внимания к вопросам национальной истории и постсоветскому периоду независимости и что они не были положены на алтарь интеграции с Россией [8, p. 154]. Иными словами – проблемные вопросы недавней совместной истории были проигнорированы (1930-е гг., Декабрьские события 1986 г. в Алматы). Однако наследие протестов 1986 г. в современном Казахстане ощущается в виде переименования ряда советских топонимов (улиц) в улицы Желтоксана (декабрь на казахском) в крупных казахстанских городах и создания памятника «Заря независимости» в бывшей столице Республики. Хотя среди активистов и участников протестов декабря 1986 г. существует точка зрения, что ограниченное признание роли протестов в деле обретения независимости Казахстана ограничивается Москвой и тем, что многие представители нынешней казахстанской политической элиты начинали свою карьеру еще в советские годы [9]. Данный исторический нарратив прямо соприкасается с антиевразийскими настроениями, популярными среди национал-патриотически настроенной части казахского общества. Государственная позиция по Декабрьским протестам 1986 г. – протесты ускорили процесс обретения независимости, но не более того.

Подобную стратегию в рамках мнемонического режима политики памяти следует отнести к такому типу акторов, как «мнемонические

бойцы». «Бойцы» считают свой вариант интерпретации недавних исторических событий единственно верным и стремятся делегитимизировать нарратив своих оппонентов [4, с. 36]. И хотя в настоящий момент влияние национал-патриотического/ националистического нарратива в казахстанском обществе минимально, его носители имеют определенный вес в той части общества, которая настроена против евразийской интеграции и укрепления связей с Россией, включая и часть казахстанской политической элиты. К этому подталкивает и такой важный фактор, как демографический. В 2022 г. население Казахстана превысило 19 млн. человек и составило 19 247 млн. человек. По прогнозам ООН, к 2040 г. в стране будет проживать более 21 651 млн. человек [10]. Значительный прирост населения соприкасается с запросом на «казахизацию» интерпретации исторических событий и отказом от советских интерпретаций [11]. На данный момент подобный исторический нарратив имеет слабую популярность среди казахстанского общества. Но исключать его роста после январских событий 2022 г. в стране не стоит.

В настоящий момент политические элиты Казахстана предпочитают действовать с позиций акторов мнемонического плюрализма – существуют разные интерпретации исторических событий; плюралисты согласны на дискуссию с оппонентами, но при условии соблюдения основных принципов мнемонической политики. В случае Казахстана – признания советского периода как части казахстанской истории при обсуждении сложных вопросов (коллективизация и голод 1932–1933 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Декабрьские события 1986 г. и т. п.) Но сложность в том, что «плюрализм» исторической политики в Казахстане является не очень устойчивым. Как подчеркивает известный казахстанский историк Д. Ашимбаев, некогда близкий к окружению первого президента Казахстана Н. Назарбаева, «при попытках найти нейтральный подход к советскому прошлому сразу возникает тема голода 1930-х гг». [11]. И попытки националистической и отчасти прозападной части казахстанского общества сделать свой вариант интерпретации сложных вопросов недавней истории ведущим может угрожать российско-казахстанским отношениям в долгосрочной перспективе.

В свете вышесказанного в исторической политике и ее влиянии на российско-казахстанские отношения можно дополнительно выделить следующий эпизод. В 2015 г. известный российский историк и директор Государственного архива России С. Мироненко заявил, что в архивах

отсутствуют документы, подтверждающие факт существования 28 героев-панфиловцев, участвовавших в обороне Москвы от немецко-фашистских захватчиков в 1941 г. и что подвиг панфиловцев – вымысел корреспондента «Красной Звезды» А. Кривицкого [12]. Учитывая, что панфиловцы были родом из Казахстана, заявление С. Мироненко вызвало недовольство со стороны как части российской патриотической общественности, как и со стороны казахстанской.

Например, депутат Мажилиса (Парламента) Казахстана М. Магеррамов заявил о попытках проведения ревизии истории Великой Отечественной войны и о том, что казахстанцы не учатся уважать историю такой, какой она есть на самом деле [13]. Фактически народный избранник выступил с позиций мнемонического плюрализма – существуют разные точки зрения, но некоторые темы не подвергаются дискуссиям. В качестве примера использования темы героев-панфиловцев в исторической политике Казахстана можно привести публикацию Посольства Казахстана в России от 8 мая 2005 г., которая фактически повторяет советский нарратив о подвиге [14]. Добавим к этому и мемориализацию темы 28 героев-панфиловцев, в честь которых были названы парк в Алматы и пик высотой 4120 м. Кроме того, с большим успехом в стране прошел кинопрокат российско-казахстанского фильма «28 панфиловцев». Учитывая, что тема Великой Отечественной войны является одним из немногих событий, объединяющих большую часть казахстанского общества, можно предположить ее дальнейшее использование в исторической политике Казахстана и ее влияние на российско-казахстанские отношения. В данном случае, положительном – при наличии определенных разночтений между странами.

Таким образом, вопрос взаимовлияния исторической политики Казахстана и российско-казахстанских отношений является актуальным и важным для обеих стран. Тема Великой Отечественной войны и ее наследия в современном общественно-политическом пространстве позволяют сблизиться двум странам. В то же время существуют проблемные вопросы недавнего исторического прошлого (коллективизация и голод 1932–1933 гг., репрессии конца 1930-х гг., Декабрьские события 1986 г.), интерпретация которых среди российского и казахстанского обществ отличаются. Политика мнемонического плюрализма, выбранная властями Казахстана, остается неустойчивой, о чем свидетельствуют попытки казахских националистов популяризовать

собственную интерпретацию исторической политики в Казахстане. Национал-патриотическая интерпретация проблемных вопросов казахстанской истории в определенной степени соприкасается с антиевразийскими и антироссийскими настроениями части казахстанского общества. В свете январских событий 2022 г. в Казахстане и стремления Казахстана выстроить собственную интерпретацию исторической политики можно ожидать усиления разногласий в российско-казахстанских отношениях, что может негативно повлиять на внешнюю политику России в Центрально-Азиатском регионе, чьим политическим и экономическим флагманом является Казахстан.

Список источников и литературы

1. Siddi M. The Ukraine crisis and European memory politics of the Second World War, European Politics and Society // European Politics and Societies. 2017. № 18:4. P. 465–479.
2. Ghodsee K. A Tale of «Two Totalitarians»: The Crisis of Capitalism and the Historical Memory of Communism History of Present // A Journal of Critical History. 2014. Vol. 4, no. 2. P. 115–142.
3. Миллер А. И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 6–23.
4. Малинова О. В. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. СПб. 2020. С. 26–40.
5. Токарев А. Казахстан // Коммерсантъ-Власть. № 16. 25.04.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2968021 (дата обращения: 05.02.2023).
6. Каликулов Д. В Казахстане озадачены словами Путина о русском мире // Русская служба BBC: сайт. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/09/140901_kazakhstan_putin (дата обращения: 04.02.2023).
7. Грозин А. В. Историческая политика как фактор внутриполитического процесса в странах постсоветской Азии. Часть 1 // Постсоветский материк. № 2 (34). 2022. С. 114–134.
8. Anceschi L. Analysing Kazakhstan's Foreign Policy. Regime Neo-Eurasianism in the Nazarbaev Era. London: Routledge, 2020. 196 p.
9. Putz C. 1986: Kazakhstan's Other Independence Anniversary // The Diplomat Magazine. URL: https://thediplomat.com/2016/12/1986-kazakhstans-other-independence-anniversary/ (дата обращения: 07.03.2023).
10. Население Казахстана // Countrymeters. URL: https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan (дата обращения: 05.02.2023).
11. «Семь граней Великой степи». Назарбаев предложил пересмотреть роль казахов в истории // Евразия.Эксперт. 3 декабря 2018 г. URL: https://eurasia.expert/sem-graney-velikoy-stepi-nazarbaev-predlozhil-peresmotret-rol-kazakhov-v-istorii/ (дата обращения: 04.02.2023).
12. Хамраев В. «Разоблачение фальсификатора и изготовленной им фальшивки неизбежно» // Коммерсантъ. №69/П. 20.04.2015. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2712788 (дата обращения: 07.03.2023).

13. Журавлев А. 28 памфиловцев: подвиг или подлог? // Информбюро, 17 ноября 2016 г. URL: https://informburo.kz/stati/28-panfilovcev-podvig-ili-podlog.html (дата обращения: 06.02.2023).

14. Абуова К. Подвиг казахстанцев – 28 панфиловцев – не легенда войны, а ее бессмертная быль // Казинформ, 9 мая 2010 г. URL: https://www.inform.kz/ru/podvig-kazahstancev-28-panfilovcev-ne-legenda-voyny-a-ee-bessmertnaya-byl_a2266681 (дата обращения: 05.02.2023).

Сведения об авторе

Котик Антон Вадимович – независимый исследователь, Магнитогорск, Россия.

Сведения о рецензенте

Федорук Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: natalya.fedoruk@novsu.ru

УДК 341.232.3:339.726.3(47+57+510)

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ КИТАЮ В 1937–1939 ГГ.

Круковский П. С.

Волгоградский государственный университет
(г. Волгоград, Россия)
E-mail: im-221_589852@volsu.ru

SOVIET ECONOMIC AND MILITARY AID TO CHINA IN 1937–1939

Krukovsky P. S.

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)
E-mail: im-221_589852@volsu.ru

Аннотация. Китай на современном этапе, является одним из ключевых стратегических партнеров Российской Федерации на международной арене. Между тем отношения между двумя странами, даже в рамках XX века, развивались весьма непросто. На нынешнем этапе российско-китайских отношений, связанном с углублением партнерства и сотрудничества двух стран, вырос интерес к историческому опыту связей Советского Союза и Китая, к осмыслению их позитивного потенциала и возможностей упреждения ошибок и неверных прогнозов. В статье рассматривается политика советского правительства по отношению к Китаю в первые годы Японо-китайской войны. Анализируются советская дипломатия и внешние отношения с различными политическими силами Китая. Рассматриваются объемы военной и экономической помощи Китаю в 1937–1939 годах, а также влияние этой помощи на дальнейшее развитие вооруженного конфликта. Автор приходит к выводу о том, что советская поддержка оказала весомое влияние на развитие взаимоотношений между двумя государствами. А также благодаря этой помощи Китай смог выстоять в первые годы Японо-китайской войны. В работе используются историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический методы.

Ключевые слова: Синцзян, СССР, Китай, дипломатия, Политбюро, кредит, договор, Манчжурия, Гоминьдан, Москва, займ, Япония.

Abstract. China, at the present stage, is one of the key strategic partners of the Russian Federation in the international arena. Meanwhile, relations between the two countries, even within the framework of the twentieth century, developed very uneasily. At the current stage of Russian-Chinese relations, connected with the deepening of partnership and cooperation between the two countries, interest has grown in the historical experience of relations between the Soviet Union and China, in understanding their positive potential and the possibilities of anticipating mistakes and incorrect forecasts. The article examines the policy of the Soviet government towards China in the early years of the Sino-Japanese War. Soviet diplomacy and foreign relations with various political forces of China are analyzed.

The volume of military and economic assistance to China in 1937–1939 is considered, as well as the impact of this assistance on the further development of the armed conflict. The author comes to the conclusion that Soviet support had a significant impact on the development of relations between the two states. And also thanks to this help, China was able to survive in the early years of the Sino-Japanese War. The work uses historical-systemic, historical-comparative and historical-typological methods.

Keywords: Xinjiang, USSR, China, diplomacy, Politburo, credit, contract, Manchuria, Kuomintang, Moscow, loan, Japan.

Обстоятельства складываются таким образом, что накануне рассматриваемых событий Китай оказывается оторван от мира. И в этой ситуации Синьцзян приобретает особое положение. Это связано с тем, что через провинцию проходил практически единственный торговый путь с Советским Союзом и западными государствами. В связи с этим в 1937 году власти КР призвали советскую сторону оказать поддержку по возведению дороги Сары-Озек-Урумчи-Ланьчжоу. Она была необходима для поддержания бесперебойного снабжения КР военной помощью из Советского союза.

Возведение дороги происходило в тяжелейших условиях, но, несмотря на это, строительство завершили к концу осени этого же года.

СССР осуществлял поставки в КР и другими способами. Важное место занимали поставки через океан. Именно таким образом зимой 1937–1938 года доставлялось артиллерийское, авиационное, автобронетанковое снаряжение, пушки, гаубицы, пулеметы, боеприпасы.

Поставки через океан все равно не могли покрыть потребности китайской армии, поэтому поставки с помощью вышеупомянутой автомобильной дороги были необходимы. Власти КР вновь призывают Советский Союз помочь в 1938 году. Нужна помощь в дальнейшем строительстве этой же дороги, но уже до острова Хайнань. Итого дорога составляла 3750 километров. Дорога активно использовалась все годы войны, так как это был самый безопасный способ доставки грузов из СССР. Боевые действия не затрагивали ни одного из участков трассы [1, с. 79–80].

1 марта 1938 года Советский Союз и КР ратифицировали договор о предоставлении кредита КР на 50 000 000 долларов. В договоре указывалось, что действовать он начинает еще с осени прошлого года и деньги отдаются под 3% годовых. Погасить кредит необходимо за 5 следующих лет [2, с. 102].

По этому же договору заключили еще три дополнительных на новые партии оружия из СССР [3, с. 129].

Через четыре месяца подписали еще один кредитный договор на такую же сумму. Итого по этим двум договорам из Советского Союза в КР смогли поставить 320 истребителей и бомбардировщиков, а также инвентарь для их обслуживания, 2420 пулеметов и 5 100 000 патронов и 200 полевых пушек [4, с. 130].

13 июня 1939 года ратифицировали еще один кредитный договор, но на сумму в три раза выше, чем предыдущие.

Через неделю после этого подписали еще один договор. По условиям этого договора в КР из СССР было отправлено оружие и оборудование на 14 600 000 долларов [4, с. 130].

За этим договором следуют еще три. По ним Китай получил более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 пушек, 1300 пулеметов и большое количество специального оборудования.

Итого за эти три года в КР из СССР доставили 985 самолетов, 82 танка, более 1300 орудий, свыше 14 000 пулеметов [4, с. 131].

16 июня 1939 года ратифицировали соглашение о коммерции между двумя государствами. В договоре декларировались льготные условия экспорта и импорта с/х и промышленной продукции. Соглашение заключалось на три года и по их истечении пролонгировалось, если одно из государств за три месяца не объявит о своем желании выхода из соглашения. Китай очень остро нуждался в этом соглашении, потому что в сложившихся обстоятельствах СССР становился для него важнейшим партнером [4. С. 133–134].

В вопросах, обсуждаемых Политбюро, Китай занимает важнейшее место. 6 января 1937 года из Москвы выслали телеграмму советским представителям в Китае. В ней говорилось о том, что необходимо твердо отстаивать заключенные ранее договоры с Китаем. Говорится о том, что необходимо вести работу сразу с двумя правительствами и добиваться их подписей [5].

Советское правительство по-прежнему в этих условиях делает ставку на более тесное сотрудничество с Гоминьданом. Так, незадолго до начала войны Политбюро телеграфирует Бородину о том, что нужно проводить сепаратные переговоры с Японией, если это отражает настроения Гоминьдана. Эти переговоры должны касаться некоторых уступок в Южной Манчжурии и Шандуни при условии получения от Японии реальных уступок во всем остальном Китае, при условии благоприятного нейтралитета Японии на стороне Кантона в войне Кантона с группой

Ангожан, при условии отказа Японии от политического раздела Китая на две части и обеспечения единства и нераздельности Китая [6].

В феврале 1937 года уже идет активная подготовка к войне. Так, в Москву должна была приехать делегация Национальной революционной армии Китая для закупки военного имущества. В это же время Политбюро принимает решение об увеличении числа мест в военной академии для китайцев, а также увеличить число военных советников из СССР в Китае [7]. Через несколько дней решают еще больше увеличить число мест для китайцев в военной академии. Принимаются 165 офицеров и 10 командиров включительно, но при условии полной оплаты их обучения и содержания правительством СССР. СССР также выделяет инструкторов для организации политшкол на территории Китая.

17 февраля китайским товарищам вновь выделяются денежные средства в размере 100 000 рублей на чрезвычайные расходы.

В послании Ворошилова, Бухарина и Карахана от 24 февраля 1937 года мы вновь можем убедиться в том, что Политбюро придает огромное значение Гоминьдану. Они телеграфировали в Москву о том, что необходимо массово вовлекать рабочие и крестьянские массы в Гоминьдан и активно подводить под левый Гоминьдан крестьянскую, мелкобуржуазную и рабочую базу. И на этой базе уже нужно со всей энергией превращать Гоминьдан в выборную организацию с внутренней дисциплиной. Также обсуждаются возможности ликвидации правого Гоминьдана. Планируется усиление левых гоминьдановцев и коммунистов, а также их продвижение на кадровые посты в армии, в военных школах, в технически важных военных частях [8].

Примерно с этого момента происходят изменения в поставках. Отныне необходимо придерживаться более серьезного режима секретности. К поставкам больше не допускаются государственные органы, создается специальное общество для этой цели [9].

31 марта Политбюро принимает решение о выдаче займа национальному правительству. При этом было предложено займ провести в два срока и уточнялась возможность реализовать часть этого займа в товарной форме, также уточнялось, какие именно должны быть товары [10].

6 апреля выделяется крупная ссуда в 2 000 000 рублей Центробанку Ханькоу через Шанхайское отделение Дальбанка.

Уже в середине мая становится понятна неизбежность войны и принимается решение о досрочной отправке китайских командиров по

назначению. 12 мая было санкционировано обсуждение вопроса продажи советского военного имущества национальному правительству. В это же время решается вопрос об отправке в Китай запчастей для самолетов и 6 самолетов [11].

2 июня 1937 года было решено поставить 1000 винтовок, 5 тяжелых пулеметов, 500 ручных гранат, 1 000 000 винтовочных патронов, 50 000 патронов для пулеметов. Оружие должно было отправляться мелкими партиями и ответственность за это возлагалась на Уншлихта. Принимаются из Китая студенты для подготовки. 100 человек в Артиллерийское училище, 20 человек в авиационные школы, 15 человек в школу связи, 25 человек для изучения броневого и пулеметного дела. Также устанавливался срок обучения в 18 месяцев. Принимается решение о финансировании ЦК ККП на сумму в 1200 мексиканских долларов для агитационной работы [12].

16 июня Фын-Юй-Сяну выделяют 3000 винтовок, 5 000 000 винтпатронов, трехдюймовые снаряды в количестве 5000 штук, 4 орудия. В КУТВ принимаются еще 79 студентов для прохождения военного обучения в летний период [12].

23 июня правительству Уханя выделяется сумма в 2 000 000 рублей, но отклоняется просьба о кредите в 15 000 000 долларов [13].

После начала боевых действий Китай все чаще и чаще появляется в повестке дня Политбюро. Снабжение Китая оружием становится более регулярным и увеличиваются объемы. Так, 21 июля 1937 года для обеспечения нужд китайской армии было выделено приблизительно 15 000 винтовок, 10 000 000 винтовочных патронов, 30 пулеметов, 4 горных орудия с 2000 снарядами. Всего отправлено на сумму 1 100 000 рублей [14].

18 августа для работы в Китае из Москвы отправляются военные инструкторы для работы в Нанчанской группе. Отправлялись специалисты по связи, пулеметчики, артиллеристы, саперы и 5 общевойсковых начальников дивизионного масштаба. Во Владивосток выслали запасы боеприпасов – 5 000 000 винтовочных патронов и 1000 снарядов. На эти нужды было выделено 549 000 рублей [15].

15 сентября вновь отправляют 10 средних военных советников. При этом подчеркивается, что это должны быть работники с политической подготовкой и должны они рассматривать себя не только как военных советников, но и как советников по политической линии. Обсуждается устройство китайской армии. Под чьим началом она будет объединяться.

Делается ставка на КПК, но с этим вопросом Политбюро пока не спешит [16].

На заседании от 27 октября в Политбюро обсуждается вопрос о принятии в советские военные ВУЗы 30 китайских командиров-коммунистов из бывших армий Хо-Луна и Ие-Тина [17].

Идет активная поддержка Китая в коммерческой сфере. В связи с японской блокадой Китай лишается практически всех своих торговых партнеров. В этой связи Политбюро решает увеличить закупки китайских товаров [18].

Исходя из вышеприведенных данных можно резюмировать, что помощь СССР в первые годы Японо-китайской войны была достаточно широкомасштабной и оказала весомую поддержку Китаю в борьбе с японскими захватчиками. Хотя уже на рубеже десятилетий помощь была не такой масштабной, поскольку Советский Союз был вынужден готовиться к собственной большой войне. Но даже несмотря на эти меры поддержки Китая со стороны СССР, на начальном этапе войны Япония все равно смогла захватить достаточно обширные территории. В этом отчасти была и вина Советского Союза. Имел место политический просчет. Как неоднократно упоминалось выше, руководство СССР делало ставку на силы Гоминьдана. В условиях войны гоминьдановское правительство так и не решилось на широкомасштабную мобилизацию населения. Но даже в таких условиях планам Японии не суждено было осуществиться, блицкриг оказался невозможен, в том числе и по причине военно-экономического сотрудничества СССР и Китая. Япония оказалась втянута в кровопролитную затяжную войну.

Список источников и литературы

1. Астафьев Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74–82.

2. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Республики о реализации кредита на сумму 50 миллионов американских долларов. 1 марта 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21. 1938 г. М.: Политиздат, 1977. 792 с.

3. Советская внешняя политика. 1917–1945гг. Поиски новых подходов. / под ред. Л. Н. Нежинский. М.: Международные отношения, 1992 347 с.

4. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. 534 с.

5. Протокол № 42 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 6 января 1937 г. Вопросы НКИД: О Китае // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 20. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14528/images (дата обращения: 15.05.2022).

6. Протокол № 43 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 9 января 1937 г. Вопросы НКИД: О Китае // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 22. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14528/images (дата обращения: 15.05.2022).

7. Протокол № 45 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 20 февраля 1937 г. Вопросы НКИД: Об иностранных студентах // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 22. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14528/images (дата обращения: 15.05.2022).

8. Телеграмма Л. М. Карахана в НКИД СССР от 24 февраля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 40. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14528/images (дата обращения: 17.05.2022).

9. Протокол № 46 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 27февраля 1937 г. Вопросы НКИД: Оработе в Китае // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 49. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14528/images (дата обращения: 17.05.2022).

10. Протокол № 48 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 31марта 1937 г. О предоставлении кредита Центральному правительству// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 12. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14529 (дата обращения: 20.05.2022).

11. Протокол № 49 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 12 мая 1937 г. Вопросы НКИД: О Китае// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 33. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14529 (дата обращения: 20.05.2022).

12. Протокол № 50 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 2 июня 1937 г. Вопросы НКИД: О Китае// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 50. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14529 (дата обращения: 20.05.2022).

13. Протокол № 51 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 23 июня 1937 г. Вопросы НКИД: О Китае// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 59. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14529 (дата обращения: 20.05.2022).

14. Протокол № 52 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 21 июля 1937 г. Вопросы НКИД: О Китае// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 64-65. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14529 (дата обращения: 22.05.2022).

15. Протокол № 53 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 16 августа 1937 г. Вопросы НКИД: О китайских студентах// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 70. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14529 (дата обращения: 25.05.2022).

16. Протокол № 54 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 21 сентября 1937 г. Вопросы НКИД: О политической работе в Китае// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 3. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14530 (дата обращения: 01.06.2022).

17. Протокол № 55 заседания Политбюро ЦК ВКПб от 27 октября 1937 г. Вопросы НКИД: О китайских студентах// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14530 (дата обращения: 01.06.2022).

18. Протокол № 56. Заседания Политбюро ЦК ВКПб от 8 ноября 1937 г. О торговле// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/14530 (дата обращения: 01.06.2022).

Сведения об авторе

Круковский Павел Сергеевич – студент, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия.

Сведения о рецензенте

Борисевич Даниил Андреевич – старший научный сотрудник Государственного архива новейшей истории Новгородской области, ассистент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: danya_novsu@mail.ru

УДК 323.15:353.8(47.24)

ОПЫТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБУСТРОЙСТВА ЛАТЫШСКИХ И ЭСТОНСКИХ КОЛОНИЙ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Соколов П. А.

Государственный архив Новгородской области
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: SokolovPA1998@yandex.ru

THE EXPERIENCE OF THE ECONOMIC ARRANGEMENT OF THE LATVIAN AND ESTONIAN COLONIES IN THE NOVGOROD PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Sokolov P. A.

State Archive of the Novgorod Region
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: SokolovPA1998@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена хозяйственному обустройству латышских и эстонских колоний на территории Новгородской губернии в ходе остзейской переселенческой кампании (1860–1910-е гг.). Власти Новгородской губернии принимали различные меры для привлечения переселенцев из Прибалтики. Оказанная материальная помощь способствовала оседлости прибалтийских народов в данном регионе. При этом латыши и эстонцы столкнулись с рядом трудностей: низким качеством предоставленной земли, нехваткой продовольствия и т. д. После прошедшего периода адаптации на новой земле многие остзейские поселенцы смогли приспособить свои колонии к лучшим условиям и наладить свой быт. При этом колонисты не только подняли свое благосостояние, но и в ряде случаев делились своим опытом с русскими крестьянами. Заинтересованность в переселении остзейцев была и у некоторых новгородских помещиков, стремившихся интенсифицировать земледелие в своих угодьях. Такой выбор владельцев земли был связан с ожидаемыми от латышских и эстонских крестьян порядочностью, прагматичностью и трудолюбием.

Ключевые слова: Новгородская губерния, латышские колонии, эстонские колонии, миграция, национальные меньшинства, сельское хозяйство.

Abstract. The article is devoted to the economic arrangement of the Latvian and Estonian colonies on the territory of the Novgorod province during the Baltic resettlement campaign (1860–1910s). The authorities of the Novgorod province took various measures to attract immigrants from the Baltic region. The material assistance provided contributed to the settlement of the Baltic peoples in this region. At the same time, Latvians and Estonians faced a number of difficulties: the low quality of the provided land, food shortages, etc. After a period of adaptation to the new land, many Baltic settlers were able to adapt their colonies to better conditions and improve their way of life. At the same time, the colonists not only raised

their welfare, but also in a number of cases shared their experience with the Russian peasants. Some Novgorod landlords were also interested in resettling the Baltic peoples. They sought to intensify agriculture in their lands. This choice of landowners was associated with the decency, pragmatism and diligence expected from Latvian and Estonian peasants.
Keywords: Novgorod province, Latvian colonies, Estonian colonies, migration, national minorities, agriculture.

Появление латышских и эстонских колоний в Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX в. было обусловлено недостатком свободной удобной земли в Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерниях, большая часть которых находилась в руках немцев-помещиков, и высокой арендной платой за землю. Близость к Остзейскому краю, наличие свободных земельных ресурсов и заинтересованность новгородских властей и помещиков способствовали переселению латышских и эстонских крестьян в Новгородскую губернию. Хотя прибалтийские колонии образовывались и в отдаленных Приазовье, Северном Кавказе и Сибири. Различия в переселенческом движении латышей и эстонцев заключались в масштабе и периодах миграции. Латышская колонизация в Новгородской губернии в целом была более масштабной, чем эстонская, и ее пик пришелся на 1860–1890-е гг., после чего она пошла на спад. Переселение эстонцев во второй половине XIX в. шло сравнительно небольшими темпами, но в 1900–1910-е гг. оно резко увеличилось [1, с. 13–14].

В 1860-е гг. Новгородская губернская земская управа публиковала сведения о продающихся и сдающихся в аренду усадьбах и отправляла их в Прибалтику, чтобы желающие переселиться не прибегали к услугам комиссионеров, зачастую обманывавших и разорявших их. На тот момент в губернии было достаточно свободных усадеб и неразработанных земель [2]. Одним из способов налаживания быта уже переселившихся колонистов стала выдача губернским земством денежных пособий для приобретения необходимого сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, семян, обустройства кузниц и т. д. Первоначально колонистам предлагалось расселяться на казенных землях Новгородского, Старорусского, Крестецкого и Валдайского уездов [3].

Не все колонисты выдерживали тяжелых условий новой жизни, поэтому возвращались обратно, особенно батраки, не имевшие опыта ведения собственного хозяйства. Часть переселенцев, не имевшая возможности купить землю, вынуждена была ее арендовать. Причем большинство владельцев земли, принимавших латышей и эстонцев,

являлись дворянами, считавшими остзейцев способными к ведению высококультурного хозяйства (многие новгородские помещики имели прибалтийские корни). В Марьинской волости Новгородского уезда колонисты, прибывшие в 1870-е гг., арендовали подворные участки у князей Голицыных, владельцев усадьбы «Марьино», где разместились 32 семьи латышских переселенцев [4]. Первые десять лет проживания в имении колонисты не платили за аренду, но после они начали вносить плату в размере 1,6–2,7 рублей с десятины [5, с. 145].

Помещик Д. И. Томановский предоставил латышам в аренду земли в Чудовской волости Новгородского уезда, на которых возникла колония Второе Корпово. Здесь стоимость аренды пашни составила 2 рубля за десятину. В Валдайском уезде владелец имения «Небылицы» П. Ф. Грюнман не только поселил латышей на своих землях, но и выделил им безвозвратную ссуду. Предоставление льгот с целью привлечения колонистов было способом окультурить землю [5, с. 144–145].

Эстонских крестьян селили на своих землях А. Д. Багратион-Мухранская (Новгородский уезд), В. Ю. Джулиани (Крестецкий уезд), О. А. и Е. А. Охочинские (Демянский уезд) и некоторые другие. При этом в 1886 г. дворяне Охочинские целиком сдали в аренду на шесть лет свое имение «Одоево» в Демянском уезде (1303 десятины земли с 8 лошадьми и 40 коровами), что было большой редкостью. Чаще всего помещики предпочитали сдавать в аренду остзейцам свои угодья подесятинно [5, с. 143].

Многие латыши и эстонцы переселялись в Новгородскую губернию с целью заработать, поэтому они брали землю в аренду на длительный срок и не разрывали договор в одностороннем порядке. По сравнению с русскими крестьянами прибалтийские колонисты владели опытом ведения хозяйства в стесненных земельных условиях [5, с. 146].

Ведение сельского хозяйства большинством прибалтийских крестьян находилось на высоком уровне, хотя и наблюдалась неравномерность в развитии ряда латышских и эстонских колоний. Например, в 1880-е гг. в латышской деревне Тигоде и рядом находящейся с ней эстонской деревне Германове Подберезской волости Новгородского уезда существовала не трехпольная система севооборота, как было у русских крестьян, а четырехпольная зерновая и многопольно-травяная с различными севооборотами [6, с. 67]. Но в то же время в соседней эстонской деревне – Лажитове (считавшейся тогда крайне несостоятельной) жители вели

трехпольное хозяйство без травосеяния, имели плохой сельскохозяйственный инвентарь [6, с. 78].

В появившихся в 1890–1910 гг. новых эстонских колониях, прежде всего Крестецкого уезда, находившихся в наиболее неблагоприятных почвенных условиях, основным источником дохода хуторских хозяйств были лесные промыслы – лесозаготовки, возка дров, обжиг угля, заготовка клепок и шпал, в то время как хозяйства старых колоний специализировались на отраслях полеводства и животноводства [7].

Латышские и эстонские хуторяне активно занимались выделкой изделий из шерсти. Современники отмечали, что «курляндец Новгородской губернии с головы до ног одет во все свое, изготовленное у него дома, и большую часть его костюма составляют изделия из шерсти и продуктов овцеводства» [8. с. 16]. Суконные изделия прибалтийских хуторян были достаточно грубы, зато позволяли экономить на фабричной одежде и давали возможность занять досуг колонистов в зимнее время. Разведение овец породы шленки было наиболее развито в латышских поселках Новгородского уезда – Равани, Тигоде и Теремце-Курляндском, а также эстонской колонии Чернецове Боровичского уезда [8, с. 16–17]. Со временем животноводство, в первую очередь молочное, стало преобладающей отраслью сельского хозяйства во многих остзейских поселениях Новгородской губернии. Увеличению доходности способствовало распространение улучшенных пород скота. Латышская колония Теремец-Курляндский Новгородского уезда с 1912 г. стала одним из центров разведения чистокровного племенного скота ангельнской породы в губернии [9, с. 56].

При этом земледелие продолжало играть существенную роль в хозяйстве колонистов, особенно в удобно расположенных селениях. В этой отрасли большое значение прибалтийские хуторяне уделяли удобрению почвы. В 1906 г. агроном-статистик Старорусского уезда А. Д. Филиппович докладывал Новгородской губернской земской управе о том, что русские крестьяне научились через латышей, которые держали в уезде водяные мельницы, использовать костяную муку как удобрение под рожь [10, с. 21]. А крестьянин-латыш Эрнест Грюнберг из деревни Пятое Поле Высоковской волости Новгородского уезда в конце 1890-х гг. одним из первых в губернии стал использовать суперфосфат и томасов шлак в качестве удобрения. Как утверждал сам Грюнберг, в первый год удобрения принесли ему по 8 рублей за каждый потраченный рубль [11]. Обмен

опытом ведения сельского хозяйства между остзейскими колонистами и русскими крестьянами в ряде случаев повышал благосостояние последних, но при этом реальная польза приносилась лишь немногим поместьям и крестьянам.

Площадками для обмена опытом выступали сельскохозяйственные общества, массово организовывавшиеся в Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в. 20 ноября 1902 г. подобное общество, специализировавшееся на животноводстве, открылось в латышском поселке Вторые Нащи Новгородского уезда. Оно организовывало выставки рогатого скота уездного значения [12]. В работе общества принимали участие как латыши, так и русские. Председателем правления общества был избран М. А. Малинин, старший специалист по животноводству Новгородской губернии [13]. В Клабучинском сельскохозяйственном обществе Лажинской волости Крестецкого уезда латышские колонисты проводили опыты с искусственными удобрениями под рожь, которые выдавались Министерством земледелия Российской империи [10. с. 6].

Таким образом, начавшаяся в 60-е гг. XIX в. в Новгородской губернии остзейская земледельческая колонизация была ответом на нерешенность земельного вопроса в Прибалтике, которая привела к ухудшению социально-экономического положения местного крестьянства. Переселение латышей и эстонцев в Новгородскую губернию позволило улучшить положение многих из них, обзавестись собственной землей или арендовать ее на приемлемых условиях. Поддержка переселенческого движения со стороны губернских властей и местных помещиков смягчила этот процесс и способствовала оседлости остзейцев на Новгородской земле. После прошедшего периода адаптации многие поселенцы смогли приспособить свои колонии к лучшим условиям и наладить свой быт. В итоге к 1920-м гг. латышские и эстонские колонии Новгородской губернии достигли своего экономического максимума за счет практически завершившейся интенсификации земледелия, развития более перспективного молочного животноводства с выходом на региональный рынок и эксплуатации леса, приносившей огромный доход.

Список источников и литературы

1. Национальные меньшинства Ленинградской области (сборник материалов) / сост. П. М. Янсон. Л.: Орготдел Ленинградского облисполкома, 1929. 103 с.

2. Журналы Новгородского губернского земского собрания 1865 года о народном здравии, дорожной повинности и др. с приложением докладов и отчетов // Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 98. Оп. 3. Д. 19. Л. 152–153.

3. Журналы Новгородского губернского земского собрания 1868 года с приложением докладов по вопросам о земских сметах и раскладах, дорожном строительстве и др. // ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 46. Л. 10 об. –14 об.

4. Дело о перечислении в Новгородскую губернию крестьян-латышей, переселившихся из Курляндской губернии // ГАНО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 64. Л. 23 об. – 26.

5. Полх П. П. Остзейская земледельческая колонизация в Новгородской губернии в конце XIX в. // Балтийский регион в истории России и Европы: материалы международной научной конференции, Калининград, 29–30 октября 2004 г. Калининград: Российский гос. ун-т им. И. Канта, 2005. С. 137–149.

6. Бычков Г. Н. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в 3-х волостях Новгородского уезда. Новгород: Типо-лит. Н. И. Богдановского. 1882. 116, 68, III с.

7. Доклады, акты, сводки, материалы обследования эстонских и карельских колоний // ГАНИНО (Государственный архив новейшей истории Новгородской области). Ф. 128. Оп. 1. Д. 603. Л. 13–14.

8. Малинин М. А. Положение овцеводства в Новгородской губернии по данным волостной описи. Новгород: Губернская типография, 1912. 18 с.

9. Обзор Новгородской губернии за 1913 год. Новгород: Губернская типография, 1914. IV, 229, 175 с.

10. Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1906 год: с приложением докладов и отчетов губернской управы. Т. I–II. Новгород, Губернская типография, 1907. 1043 с.

11. Беседы об удобрении почвы // Вестник Новгородского земства. 1899. № 4. С. 54.

12. От Совета Второго Нащинского сельскохозяйственного общества // Вестник Новгородского земства. 1902. № 16. С. 80.

13. Открытие Второго Нащинского сельскохозяйственного общества // Вестник Новгородского земства. 1902. № 3. С. 42.

Сведения об авторе

Соколов Павел Алексеевич – научный сотрудник, Государственный архив Новгородской области, Великий Новгород, Россия.

Сведения о рецензенте

Федорук Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: natalya.fedoruk@novsu.ru

УДК 94(47).084.8:341.324:342.9

«АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СПРАВОЧНИК» ДЛЯ СЕВЕРНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ОБ ОККУПАЦИОННОМ РЕЖИМЕ НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Лосманов И. А.

Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)
E-mail: rector@pskgu.ru

"ADMINISTRATIVE DIRECTORY" FOR THE NORTHERN OPERATIONAL REGION AS A SOURCE ON THE OCCUPATION REGIME ON THE TERRITORY OF THE RSFSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Losmanov I. A.

Pskov State University
(Pskov, Russia)
E-mail: rector@pskgu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу немецкого «Административного справочника» 1943 г., предназначенного для местных гражданских органов управления Северной оперативной области. Издание включает в себя разнообразные виды источников: нормативно-правовые акты (декреты, постановления, приказы), делопроизводственные документы (инструкции, уставы), затрагивающие по своему содержанию все сферы жизни общества. Данный сборник документов действовал на ограниченной территории, с условными границами и довольно небольшой срок. Именно эти обстоятельства подчеркивают его особое положение среди прочих исторических источников. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе содержания сборника документов сформировать представление о круге вопросов, которые требовали законодательного урегулирования. Особенно это важно при условии непрекращающихся боевых действий. Касаясь методов исторического исследования, основным в моей работе будет нарративный (описательный) метод. Немаловажными, окажутся и методы логического анализа и индукции, которые позволят из узкой юридической, документальной формулировки сформировать определенные выводы. В свою очередь, совокупность этих самых выводов позволит определить уровень развития немецкого оккупационного законодательства, по крайней мере, на территории Северной оперативной области.

Ключевые слова: «Административный справочник», декрет, постановления, устав, волостной старшина, городской голова, начальник района, оперативная область.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the German "Administrative handbook" of 1943 intended for local civil authorities of the Northern Operational Region.

The publication includes various types of sources: legal acts (decrees, resolutions, orders), office documents (instructions, charters) affecting, in their content, all fields of society. This, collection of documents operated in a limited area, with conditional boundaries and a rather short period of time. It is these circumstances that emphasize his special position among other historical sources. The purpose of the article is to, based on the content of the collection of documents, form an idea of the range of issues that required legislative regulation. This is especially important in the context of ongoing hostilities. Regarding the methods of historical research, the narrative (descriptive) method will be considered the primary one in my research. Also, the methods of logical analysis and induction will be deemed severely important, making it possible to form certain conclusions from a narrow legal, documentary formulation. In turn, the totality of these very conclusions will make it possible to determine the level of development of German occupation legislation, at least in the territory of the Northern Operational Region.

Keywords: “Administrative handbook”, decree, resolutions, charter, volost foreman, mayor, head of the district, operational area.

Территории Советского Союза, оккупированные германскими войсками, несмотря на свое сохранившееся административное деление, были распределены между двумя видами властных администраций: военной и гражданской. Данный факт обуславливает специфику их законодательств. Рассмотренный мной акт относится именно к военной администрации, а конкретнее, к Северной германской войсковой (оперативной) области. Статусом оперативной области обладали оккупированные территории, наиболее приближенные к театру боевых действий.

20 марта 1943 г. руководство Северной войсковой областью приняло «Административный справочник» – сборник постановлений, декретов, уставов, инструкций и приказов, который призван был внести ясность в решении разнообразных вопросов, а также определить порядок действий должностных лиц в какой-либо сложившейся ситуации. Стоит отметить, что данный справочник является первым и последним комплексным сборником, изданным оккупационной властью, содержащим в своем составе разные по теме документы. До принятия сборника русские административные органы, а также мирное население руководствовались временными, разрозненными документами. В пример можно привести «Временное постановление о налогах и сборах от 19 апреля 1942 г.» [1], которое было заменено «Постановлением об общественных налогах и сборах в Северной Оперативной Области от 9 мая 1943 г.» [2]. Данный документ, как и инструкция к его проведению [3], содержится в дополнительной части справочника, которая, к сожалению, не будет рассмотрена в этой статье. Правда, их присутствие в сборнике доказывает, что он дополнялся новыми, более поздними документами. Однако нельзя

сказать, что сборник заменял ранее изданные постановления, в его составе имеются документы, не встречавшиеся ранее. В пример можно привести «Декрет о военном управлении от 13 февраля 1943 г.» [4], рассмотренный ниже.

Основная часть справочника содержит 2 декрета, 1 приказ, 6 постановлений и 2 устава. Нужно отметить, что по своему типу документы расположены хаотично. Для того, чтобы понять причину такого расположения, считаю необходимым начать рассмотрение именно в порядке, согласно справочнику.

В таком случае начать следует с «Декрета о военном управлении от 13 февраля 1943 г.». Документ почти целиком посвящен положению русских административных органов, которые, естественно, были подчинены органам германской исполнительной власти, а также подвержены надзору со стороны военного управления. Стоит сказать, что надзор являлся уровневым: низшие учреждения надзора, то есть местные коменданты, инспектировали деятельность сельских старост, волостных старшин, а также городских голов в городах, принадлежащих району; высшие учреждения надзора в лице генерального командования, комендантов тыловых армейских областей, полевых комендантов контролировали начальников районов и городских голов в безрайонных городах (некоторые города, приравненные к районам по своей величине и значению). Возвращаясь к теме русских административных органов, стоит отметить, что они не являлись носителями государственной власти и действовали лишь по заданиям. В данном декрете выделялись следующие административные единицы: мелкие населенные места (села, деревни) во главе с сельским старостой; волости во главе с волостным старшиной; города во главе с городским головой, а также районы и безрайонные города во главе с начальником района. Все перечисленные должностные лица назначались вышеупомянутыми учреждениями надзора.

Эти же надзорные органы упоминаются и в «Декрете о ведении хозяйства и кассы при районах от 13 февраля 1943 г.» [5]. Этот документ определяет еще одну их важную обязанность – проверку районных финансовых смет. Исходя из содержания документа, районная смета должна была составляться каждый отчетный год и содержать в себе доходно-расходные показания. Обязательным условием при составлении этого отчетного документа явилось сбалансированность доходов и расходов. В противном случае, если расходы превышали доходы, была

возможность испросить недостающую сумму из распределительного фонда. Распоряжения о доходах и расходах мог издавать только начальник района. С уверенностью можно сказать, что именно он являлся главным ответственным лицом, поэтому и наделялся обязанностью написания ежегодного отчета. Естественно, при каждом районе существовала своя касса, а следовательно, и должность ее заведующего, который вел счетоводные книги и был ответственен перед начальником района.

Следующий документ «Приказ о выдаче удостоверений для гражданского населения в оперативной области от 13 февраля 1943 г.» возлагает обязанности уже на нижестоящих должностных лиц русских административных органов – городских голов и волостных старшин [6]. Они должны были вести списки жителей, проживающих на подведомственных им территориях. При этом существовало 2 вида списка жителей, имевших право проживания в городе или волости до 22 июня 1941 г. и прибывших после этой даты. Стоит обратить внимание на специфику оформления этих списков – красноармейцы обозначались буквами "RA", коммунисты буквой "К", буква "J" предусматривалась для отметки евреев, а буква "А" – для иностранцев. В случае наличия в списке лиц с такими символами или лиц сомнительной благонадежности, городские головы и волостные старшины обязаны были известить об этом местную комендатуру для дальнейшего проведения расследования. Для выявления неизвестных лиц городские головы и волостные старшины обязаны были назначать ответственных из каждого дома, требовать вывешивания списков жильцов, учитывая, квартиросъемщиков или сожителей. Неисполнение этих требований каралось расстрелом. Большое внимание было уделено выдаче удостоверений личности, лицам, достигшим 14-летнего возраста. Но они имели ограниченный срок действия – всего 1 год. Советские паспорта, остававшиеся у населения, были в ходу, но подвергались дополнениям, в них заносились личные приметы обладателя, выставлялись отметки на немецком и на русском языках. Право свободы передвижения в пределах войсковой области было фактически уничтожено. Для этого необходимо было получить специальное удостоверение для передвижения, которое имело 3 вида в зависимости от расстояния. «Удостоверения для коротких расстояний» оформлялись полевыми и местными комендатурами и выдавались при посредничестве уполномоченного по сельскому хозяйству, «удостоверения для дальних расстояний» выдавались лично полевыми комендантами,

правом на выдачу «пропусков для перехода границы» обладали лишь специальные пропускные отделы при главном командовании армии. Железнодорожные перевозки были полностью поставлены на военные рельсы, для русского населения, за исключением работающих в германских учреждениях или в военной сфере, они были недоступны.

Следующий документ – «Постановления о ведении регистров гражданского состояния от 13 февраля 1943 г.» [7], определял еще одну обязанность городских голов и волостных старшин. Речь идет именно о ведении светских регистров. Начать рассмотрение нужно с особенностей регистра родившихся. Для внесения информации отцу родившегося необходимо было в 3-дневный срок подать заявление на имя городского головы или волостного старшины. При нарушении этого срока следовало административное наказание. Внесение информации в регистр браков, умерших осуществлялось так же, по заявлениям. Наибольший интерес представляют собой некоторые основания для запрета брака. Во-первых, запрещались браки между евреями и лицами других народностей, при этом поясняется, что евреем считается тот, кто принадлежит к еврейской вероисповедной общине или происходит от трех по расе чистых евреев в 3 поколении. Во-вторых, существовало ограничение по возрасту, у мужчин до полных 18 лет и до 16 у женщин.

Внесение информации в регистры рождения и смерти производилось бесплатно, в отличие от регистрации брака, за процедуру которого требовалось заплатить пошлину в размере 100 руб., что по тем временам являлось крупной суммой (к сравнению, минимальный размер оплаты труда в оккупированном г. Порхове (в составе современной Псковской области) составлял всего 200 руб. [8]). Выписка из регистра так же являлась платной услугой и стоила 20 руб. В случае нарушения правил регистрации чаще всего устанавливался штраф в размере до 100 руб.

Поддержанием общественного порядка на оккупированных территориях на городском и волостном уровнях занималась «Служба порядка» (OD) [9], созданная городскими головами и волостными старшинами по распоряжениям местных или полевых комендантов. Нужно понимать, что данная организация не относится ни к командам полиции безопасности, ни к SD (хоть и может действовать по их указаниям), но, тем не менее, выполняет некоторые функции полиции: охрану личной и имущественной безопасности, наблюдение за чистотой улиц и порядком движения. При этом существуют специфичные задачи, к примеру контроль

рыночных цен согласно постановлениям, проведение мер воздушной защиты. Уже упомянутые вышестоящие организации, влияли на «Службу порядка». Во-первых, именно они занимались обучением сотрудников OD, а во-вторых, использовали их при арестах, обысках и других служебных мероприятиях. Сотрудники OD не носили специальной формы, знаком отличия служила белая нарукавная повязка с надписью «Ordnungsdienst der Stadt» и порядковым номером. Тем не менее у них были собственные удостоверения, а в исключительных случаях – выдавалось и оружие (правда, автоматическое было под запретом). Рядовые сотрудники OD имели возможность карьерного роста, существовал чин старшины и отрядного командира. «Постановления о службе порядка от 13 февраля 1943 г.» определили ежедневные нормы оплаты труда. Штатное жалованье для рядового составляло 8 руб., для старшины – 10, для отрядного командира – 11 руб.

Следующий документ – «Постановления о порядке административных наказаний от 13 февраля 1943 г.» [10]. Правом наложения наказаний такого вида обладали начальники районов, городские головы и волостные старшины. При этом главы районов и безрайонных городов могли назначить денежный штраф – до 300 рублей, арест или принудительные работы в течение 6 недель, в то время как остальные руководители административных органов – штраф до 100 руб., арест или принудительные работы до 2 недель.

«Ремесленный устав» [11] почти не несет в себе важной и интересной информации. Большая часть документа посвящена получению ремесленной карты, которая служила разрешением на функционирование ремесленного предприятия. Вопросами выдачи данного разрешения занимался начальник района, именно он рассматривал прошение заказчика. При этом данная процедура была платной – за выдачу взималась пошлина в размере 100 руб. Глава предприятия после ее уплаты наделялся обязанностями: во-первых, при мастерской прикрепить вывеску, содержащую его имя, профессию на русском и немецком языках, во-вторых, вести книгу заказов и, в-третьих, информировать начальника района о каких-либо изменениях, касающихся данных ремесленной карты.

Более разностороннюю и интересную информацию может дать следующий документ – «Школьный устав» [12], изданный 13 февраля 1943 г. вместе с приложением – «Служебной инструкцией для учителей» [13]. Устав предусматривал создание 4-классной школы для обучения

детей от 8 до 12 лет. Школьное обучение являлось бесплатным, однако выдача учебных пособий учащимся, за исключением неимущих (оплата из районной кассы), являлась платной услугой. Основу учебных материалов составляли работы, изданные отделом пропаганды «Остланд». Строгий контроль учебных пособий неудивителен, абсолютно все школьное дело подлежало надзору со стороны местных комендантов. Именно они назначали школьных учителей, а также школьных инспекторов, происходивших из наиболее благонадежных преподавателей. Открытие школ производилось строго в соответствии с исполнением нескольких требований: во-первых, изъятия всех коммунистических учебных пособий и, во-вторых, проверки всех учителей на политическую благонадежность.

Устав, предусматривал создание, помимо русских, особых национальных школ, для финнов, эстонцев и латышей. В такие школы назначался особый школьный инспектор, причем принадлежащий к той же национальной группе, что и учащиеся. Назначением учителей, созданием учебных программ и пособий в таком случае занималось главное командование Северной оперативной области.

Приложение посвящено деятельности заведующих, учителей и учащихся. Данный документ по содержанию напоминает нынешние школьные уставы. Однако заведующий по своим обязанностям соответствовал современным должностям директора и завуча, имел право предоставлять отпуск себе, учителям и даже учащимся. Правда, наибольшее удивление производит длительность возможных отпусков – для учителей и заведующего – всего до 2 дней, а для учащихся – до 1 недели (возможно, так назывались каникулы). Перед уходом заведующий или учителя обязаны были сообщать свое будущее местонахождение и конкретную продолжительность отпуска представителю надзорного органа. В списке должностных обязанностей учителей нет ничего особенного. Для учащихся подчеркивается их обязанность в посещении школы, для достижения этого были разрешены крайние меры – принудительная доставка или наложение денежного штрафа на родителей.

Параграф № 1 «Постановления о борьбе с эпизоотиями от 24 ноября 1942 г.» целиком состоит из списка возможных эпидемий скота [14]. Среди 22 болезней упоминается сибирская язва, сап, ящур, чума свиней, оспа овец, холера домашних птиц, туберкулез рогатого скота и многие другие. Далее, в следующих параграфах, приведен порядок действий при обнаружении эпидемии. Первым делом заявитель уведомлял начальника

района, который затем, передавал информацию коменданту и военным ветеринарам. Почти одинаковый по содержанию документ – «Постановления о борьбе с заразными болезнями от 15 марта 1943 г.» [15]. Правда, список болезней значительно больше. Помимо, возможных: холеры, желтой лихорадки, чумы, оспы, брюшного тифа встречаются и коклюш, отравление бактериально-зараженными продуктами, менингит, воспаление головного мозга, попугайная болезнь и многое другое.

Крайний в основной части справочника документ – «Постановления о санитарно-полицейских мерах от 15 марта 1943 г.» [16]. Параграф № 1 посвящен погребению трупов. Кладбища, не должны были находиться вблизи источников питьевой воды, а глубина могил не должна быть менее 1 м. 20 см. При погребении без гроба трупы перед закрытием могилы необходимо покрыть хлористой известью. О нахождении трупов военных, следовало сообщать местному коменданту, при этом указывая точное их местоположение, так как именно он отдавал приказ о захоронении. Захоронению подлежали и околевшие животные, для этого выбирались сухие места. Глубина ямы должна была составлять 1 м., скорее всего, чтобы избежать попадания в грунтовые воды.

Подводя итог, стоит отметить закономерную последовательность документов. Первым делом командование Северной оперативной области наводит порядок в сфере управления оккупированными областями, при этом особое внимание уделяется именно органам надзора и системе документоведения, которая предполагала строгую отчетность. Этот факт можно объяснить нестабильностью обстановки, ведь в немецких тылах на данной территории существовало организованное, активное партизанское движение. Не случайно введение «Школьного устава», который усиливал надзор за учителями, это косвенно доказывает существование опасения или целой проблемы враждебной к немцам агитации. Помимо явных врагов в лице партизан, командование оперативной области активно боролось с возможными внутренними проблемами, которые могли затронуть собственную армию, к примеру с эпидемиями. Рассмотренный «Административный справочник» нельзя считать долговременным законодательным актом. Предположу, что, в случае успехов германских войск на фронтах в сочетании со слабостью советского партизанского движения, наверняка Северная оперативная область была бы переквалифицирована в гражданскую, что, несомненно, повлекло бы к законодательным изменениям. В подтверждение этого, в некоторых,

рассмотренных документах упоминается переход отдельных территорий Северной оперативной области под управление государственного комиссара Остланда, коим являлся Генрих Лозе [17], затем приговоренный в 1948 г. к 10 годам заключения с полной конфискацией имущества. Источниками материала данной статьи являются фонды Государственного архива Псковской области, содержащие в себе огромное количество оккупационной документации. Рассмотренные выше документы являются хотя и основными, но далеко не единственными результатами законотворчества оккупационных властей, что не может не радовать исследователя, желающего дополнить уже изложенный материал.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Псковской Области (ГАПО). Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–10.
2. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 24–28.
3. ГАПО.Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 28–32.
4. Государственный архив Псковской области ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.
5. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 5.
6. ГАПО). Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 6.
7. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 8.
8. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–10.
9. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 10.
10. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 12.
11. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 13.
12. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 15.
13. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 16.
14. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 17.
15. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 20.
16. ГАПО. Ф. Р 905. Оп. 1. Д. 107. Л. 21.
17. Реингард Рюруп. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Берлин: Argon, 1992. URL: https://flot.com/publications/books/shelf/germanyvsussr/10.htm. (дата обращения: 17.02. 2023).

Сведения об авторе

Лосманов Иван Антонович – студент, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

Сведения о рецензенте

Колотушкин Валерий Геннадьевич – заведующий отделом по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение Государственного архива новейшей истории Новгородской области, Великий Новгород, Россия. E-mail: vgk85@mail.ru, ipd-ganino@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.03:686.862(47.25)

ОРУДИЯ ПИСЬМА ИЗ РАСКОПОК В ПСКОВЕ: ПИСАЛА И ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

Буйлова А. Е.

Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)
E-mail: builova02@gmail.com

STYLUSES AND INKWELLS FROM EXCAVATIONS IN PSKOV

Builova A. E.

Pskov State University
(Pskov, Russia)
E-mail: builova02@gmail.com

Аннотация. Данная тема в некоторых аспектах рассматривалась и анализировалась в трудах ученых: есть классические работы 25–70-летней давности, выполненные на общерусском материале или материале отдельных регионов. Единичные псковские находки введены в научный оборот, однако при изучении литературы можно отметить отсутствие обобщающих исследований. Научная новизна работы: никто ранее не сводил все находки орудий письма, обнаруженные на территории Пскова. В работах дается лишь краткая их характеристика, без выведения определенной статистики и без сопоставления с данными о Пскове как об одном из книжных центров Руси. Цель работы: изучение писал и чернильниц на территории средневекового Пскова, анализ и обобщение информации по данной теме. При проведении исследования принимались такие методы: типологический, метод сравнительного анализа, синхронный, ретроспективный и картографический. Были изучены материалы по истории использования писал и чернильниц на территории Древней Руси, на основе которых была составлена типология, а также дана характеристика псковских находок. Обнаружено 40 предметов, из них 34 писала и 6 чернильницы, также сделана картография находок.

Ключевые слова: археология, Псков, книжное дело, писала, чернильницы.

Abstract. This topic has been considered and analysed in some aspects in the works of scholars: there are works carried out on the all-Russian material or on the material of individual regions. The single finds from Pskov have been introduced into the scientific community, but a study of the literature reveals a lack of complete studies of them. Scientific novelty of the work: no one has summarized all the styloses and inkwells found on the territory of Pskov before. The works give only a brief characteristic, without statistical data and comparison with data on Pskov, as one of the book centres of Russia. Purpose of work: study of styloses and inkwells on the territory of medieval Pskov, analysis and synthesis of information on the subject. The research was carried out using typological, comparative, synchronic, retrospective and cartographic methods. Materials on the history of the use of scribes and inkwells on the territory of Ancient Russia were studied, on the basis of which a

typology was compiled, and a characteristic of Pskov finds was given. A total of 40 items were found, including 34 stylos and 6 inkwells, and a cartography of the finds was also made.
Keywords: archaeology, Pskov, bookmaking, styluses, inkwells.

Среди горожан, проживающих в эпоху Средневековья, грамотность вовсе не была исключением. Подтверждением данному тезису является многочисленное количество надписей, найденных на предметах. Навык письма постепенно становился ремеслом. Ведь в различных сферах городской жизни, в первую очередь для изготовления деловой документации, требовались специалисты [1, с. 53].

Такие категории археологических находок, как писала и чернильницы, представляют историю двух типов письма: бытового, с выполнением надписей или граффити на воске, бересте или другом твердом материале писалами, а также профессионального, с использованием перьев и чернил, в основном на пергамене и бумаге.

По археологическим материалам можно говорить, что в личной переписке использовали преимущественно писала, они имели форму заостренного костяного или металлического стержня с навершием-лопаточкой [2, с. 45]. Именно из-за формы древнерусские писала долгое время не выделялись в отдельную категорию предметов в их функциональном назначении. Порой их относили либо к «булавкам», либо к «ложечкам для причастия» [2, с. 46]. К слову, большинство дошедших до нас упоминаний названия этого орудия письма относятся к Новгороду. А. Ф. Медведев предполагает, что писало – это местное название орудия письма по навощенным дощечкам, бересте и камням [3, с. 80]. Писалами средневековые люди процарапывали надписи на бересте или воске. Надписи на бересте, примером которых служат берестяные грамоты, и надписи на воске, примером которых служит Новгородский кодекс, дошли до наших дней. Чаще всего встречаются железные, бронзовые и костяные писала. В основании лопаточки стержень имеет утолщение-яблоко или ряд валиков. Форма самой лопаточки разнообразна и лежит в основе классификации А. Ф. Медведева как важный типологический признак.

Книги и грамоты, созданные писцами, были написаны пером и чернилами на пергамене, позднее – на бумаге. Чернила хранили в чернильницах. По анализу миниатюр можно сделать вывод, что их существовало два вида: непосредственно для письма и для хранения чернил. Последние чаще всего изображены на внутренних полках тумбы, реже – на столах. Такие чернильницы имели форму воронкообразных

кувшинчиков с крышкой. Материалом для их изготовления служили стекло, рог. Формы чернильниц для письма имеют больше вариантов: прямоугольные с двумя отверстиями, в виде металлической чаши, овальные [4, с. 61]. Возможно, пишущий не придавал материалу чернильницы особого значения. Выдвигалось только одно требование – чтобы писчий сосуд «был пространен». Можно предположить, что это было связано с необходимостью помещать в него достаточно большие предметы и компоненты, например 5–6 целых чернильных орешков. В археологии часты находки керамических и металлических чернильниц XVI–XVIII вв.: «Среди них – и портативные, носимые на шнурке, и своеобразные настольные чернильные приборы, состоящие из чернильницы, отделения с гнездами для нескольких перьев и песочницы (приспособления вроде современной солонки или перечницы для посыпания написанного чернилами песком вместо позднейшей промокашки)» [4, с. 78].

Набор, входивший в состав писчего сосуда, можно изучить по ряду источников. Книжная миниатюра мало информативна в данном случае, так как содержимое чернильниц и киноварниц скрыто от наших глаз. Таким образом, наиболее полным источником становятся сборники технологических рекомендаций. Писчий сосуд, как правило, наполнялся мешалкой, полотняной подушечкой или губкой, «гнездом». Данный набор предметов мог влиять на физический и на химический состав чернил. Мешалка – тонкий и заостренный на конце железный стержень-спица, иногда встречаются рекомендации мешать чернила «железным веретенцем». Оно служило для регулярного перемешивания чернил в процессе их изготовления, хранения и использования. Губка изготовлялась из скелета морского животного, что делало ее дорогой, поэтому губку многократно промывали и использовали до износа [5, с. 81].

Чернилами писали в основном с помощью птичьих перьев, заостренных и расщепленных очень острым ножом. Благодаря литературе мы вправе говорить о существовании гусиных, лебединых, павлиньих и, наконец, металлических перьев. Однако самыми доступными были гусиные. Перед использованием перо втыкали в песок или золу, затем убирали лишние перепонки, после чего перо нагревали и снимали с него жир, что придавало орудию письма упругость [6, с. 20]. Для хранения перьев использовали чехлы. Перьями обычно писали церковные книги и государственные договоры и мало использовали их в личной переписке.

Для определения типологии писал и их описания мы будем использовать работу А. Ф. Медведева «Древнерусские писала X–XV вв.», где автор выделяет 15 типов писал и впервые дает им характеристику, и работу Б. Б. Овчинниковой «Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв.», где присутствует более расширенная характеристика писал, автор выделяет 19 типов, а также их подтипы. Распределять типы писал будем по их хронологии, в основном опираясь на классификацию Б. Б. Овчинниковой, так как ее работа новее и подробнее.

Рассмотрим первую категорию писал, датируемых XI–XII вв. К ней относится третий тип, который А. Ф. Медведев характеризует так: «Лопаточка имеет форму широкого бокальчика». Б. Б. Овчинникова дополняет типологию А. Ф. Медведева и пишет, что по новым найденным экземплярам третий тип писал пополнился узкой формой бокальчика. Также данный тип Б. Б. Овчинникова разделила на три подтипа. В Пскове мы видим подтипы «а» и «в». Писало, схожее с типом номер три по А. Ф. Медведеву и подтипом «а» по Б. Б. Овчинниковой, было найдено на раскопе XII на ул. Ленина в 1987 г. (П-87-ПЛ-XII, Ш-12 (-219)-453, ПГОИАХМЗ, колл. 36753, № 129), писала подтипа «в» были найдены на раскопах на ул. Ленина I (П-76-ПЛ-I, Ж-11-89, ПГОИАХМЗ, колл. 9152, №512) и III (П-76-ПЛ-III, Ф-9-12, ПГОИАХМЗ, колл. 91523, № 771) в 1976 г., на I Ольгинском раскопе в 2006 г. (П-06-Олг-I, ПИОМЗ, № 395), на раскопе X на ул. Ленина в 1989 г. (П-89-ПЛ-X, Г-25 (-491)-55, ПГОИАХМЗ, колл. 36591, № 391). Четыре писала сделаны из железа, материал еще одного неизвестен. А. Ф. Медведев в статье датирует данный тип писал XI – первой половиной XIII в.

Выделим вторую категорию писал, датируемых XII–XIII вв. В нее входят писала типа семь. Их А. Ф. Медведев описывает так: «Лопаточка имеет форму изящного бокальчика с оттянутыми краями». По Б. Б. Овчинниковой, данный тип делится на три подтипа. На территории Пскова встречается подтип «б». Он представлен находкой на III раскопе под здание «Псковгражданпроект» 1972 г. (П-72-ПГПР-III, З-14-97, ПГОИАХМЗ, колл. 8251, № 2545). Материал – кость. Лопаточка данного писала утеряна, так что нельзя точно утверждать о принадлежности его к седьмому типу. Однако форма стрежня позволяет отнести его именно к этому типу писал. Датировка А. Ф. Медведева совпадает с датировкой Б. Б. Овчинниковой.

К третьей категории отнесем писала, датируемые XIII–XIV вв. Первый тип А. Ф. Медведев характеризует так: «Лопаточка имеет форму

четырехугольника или слегка расширенной к острию трапеции». По Б. Б. Овчинниковой, первый тип характеризуется так: «Форма лопаточки напоминает четырехугольник или трапецию, слегка суженную к стержню». Писало из железа, схожее с типом номер один, было найдено на XII раскопе на улице Ленина в 1976 г. (П-76-ПЛ-XII, З-14-103, ПИОМЗ, № 129). А. Ф. Медведев датирует данный тип писал второй половиной X в. и первой половиной XI в., однако данная датировка не касается писал, сделанных из железа.

В четвертую категорию отнесем писала с более расширенной датировкой (два и более века).

Пятый тип писал, по А. Ф. Медведеву, характеризуется так: «Лопаточка фигурная, с крестообразной прорезью». По Б. Б. Овчинниковой, пятый тип писал выделяется также по крестообразной прорези, к нему добавляется три подтипа. На территории Пскова встречается подтип «б». Крестообразная прорезь является предположительным свидетельством их принадлежности служителям церкви; возможно, именно такими предметами осуществлялись прориси на иконах. Писало было найдено на раскопе III под здание «Псковгражданпроект» 1972 г. (П-72-ПГПР-III, З-14-102, ПГОИАХМЗ, колл. 8521, № 2544). Материал – железо, коррозировано, согнуто. Пятый тип, по А. Ф. Медведеву, датируется XI – первой половиной XIII вв. Б. Б. Овчинникова же поднимает верхнюю хронологическую границу бытования данных писал до XIV в.

Про одиннадцатый тип Медведев А. Ф. пишет: «Лопаточка писал этого типа с зубчатыми фигурными вырезами с двух сторон. Эти зубчики часто имеют вид ласточкина хвоста». Б. Б. Овчинникова делит их на два подтипа. На территории Пскова встречается подтип «а». Писало из железа было найдено на Никольском IV раскопе в 2012 г. (П-12-Ник-IV, Г-12 (-235)-38, ПГОИАХМЗ, № 85). А. Ф. Медведев относит данный тип писал к XI–XV вв., Б. Б. Овчинникова же ко второй половине XII–XIV вв.

Писала типа двенадцать А. Ф. Медведев описывает так: «Лопаточка имеет вид треугольника, с прямым лезвием и выпуклыми, плавно переходящими в стержень сторонами. Лопаточка иногда с двумя-тремя круглыми отверстиями, стержень бывает перекручен». Б. Б. Овчинникова говорит о делении их на три подтипа. На территории Пскова встречаются писала подтипа «б» и «в». Писала данного типа, подтипа «б», были найдены на раскопе X на ул. Ленина в 1988 г. в количестве четырех экземпляров (П-88-ПЛ-X, Е-18 (-344)-153, ПГОИАХМЗ, колл. 36550,

№ 530; П-88-ПЛ-Х, Г-18 (-347)-60, ПГОИАХМЗ, колл. 36550, № 558; П-88-ПЛ-Х, Г-18 (-337)-58, ПГОИАХМЗ, колл. 36550, № 531; П-88-ПЛ-Х, Г-19 (-366)-39, ПГОИАХМЗ, колл. 36550, № 713), еще одно писало на этом же раскопе, но уже через год (П-89-ПЛ-Х, Ж-26-107, ПГОИАХМЗ, колл. 36591, № 497). Одно писало сделано из меди, четыре – из железа. Писало из бронзы варианта «в» можно отметить на раскопе VIII на Романовой горке 1991 г. (П-91-РГ-VIII, А-18 (-355)-28, ПГОИАХМЗ, колл. 33283, № 170), точно такое же на Новоторговском XI раскопе 2013 года (П-13-Нг-XI, Б-20 (-395)-40, ПГОИАХМЗ, № 972). Писала типа двенадцать А. Ф. Медведев относит к первой половине XIII в. и началу XIV в. включительно. Б. Б. Овчинникова относит к периоду конца X – середины XII в.

Писала пятнадцатого типа А. Ф. Медведев характеризует так: «Этот тип писала не имеет лопаточки и был предназначен, по-видимому, для писания на бересте. Все они имеют вид граненого железного заостренного стержня с головкой». Б. Б. Овчинникова пишет: «Писала, выделенные в этот тип, не имеют лопаточки. Представлены они гранеными и гладкими заостренными стержнями с головкой в виде шестигранника, но чаще – округлой формы». Писала данного типа были найдены на раскопе III под здание «Псковгражданпроект» в 1972 г. (П-72-ПГПР-III, Д-18-61, ПГОИАХМЗ, колл. 18132, № 127) – писало костяное, украшенное циркульным орнаментом; на раскопе III на ул. Ленина 1976 г. (П-76-ПЛ-III, Ф-255, ПГОИАХМЗ, колл. 9152, № 176) – писало бронзовое с ушком для подвешивания; на Васильевском IV раскопе 2005 г. (П-05-Вас-IV, Д-11 (-218)-71, ПГОИАХМЗ, № 71) – писало из железа с орнаментированным навершием вместо лопаточки. А. Ф. Медведев говорит о находках таких писал в слоях XIV–XV вв. Б. Б. Овчинникова расширяет нижние границы бытования данного стиля до середины XIII в.

По Б. Б. Овчинниковой, шестнадцатый тип составляют так называемые составные писала. Они имеют костяную рукоять, иногда с линейным круговым орнаментом и со вставленным в нее заостренным железным стержнем. В некоторых случаях, когда этот стержень утрачивался, один конец костяной рукояти затачивался и превращался в острый стержень. Схожее с данным типом писало из кости было найдено на XIII раскопе на ул. Ленина 1985 г. (П-85-ПЛ-XIII, Ж-9 (-171)-947, ПГОИАХМЗ, колл. 36521). Б. Б. Овчинникова относит эти писала к привозным и определяет границы их бытования XIII–XVI вв.

Семнадцатый тип Б. Б. Овчинникова определяет, как костяные инструменты, объединенные по материалу изготовления и весьма

разнообразные по форме лопаточки. Однако и в этой группе можно выделить три варианта. На территории Пскова встречается подтип «б». На территории Пскова найдено подобное писало из кости на раскопе XIII на ул. Ленина 1985 г. (П-85-ПЛ-XIII, Б-18 (-347)-868, ПГОИАХМЗ, колл. 36521, № 665). Все писала 17-го типа встречены в слоях XI–XIII вв.

На территории Пскова было найдено шесть чернильниц. Первая, из бронзы, на Казанском I раскопе 1991 г. (П-91-Каз-I, Д-12 (-245)-72, ПГОИАХМЗ, № 1). Вторая, из глины, на Богоявленском XXV раскопе 2002 г. (П-02-Бог-XXV, А-11-6, ПГОИАХМЗ, № 55). Еще одна глиняная чернильница была найдена на Васильевском III раскопе 2004 г. (П-04-Вас-III, Б-13 (-243)-85, ПГОИАХМЗ, № 577). Четвертая чернильница была найдена на Петровском IX раскопе 2008 г. (П-08-Петр-IX, Д-10 (-198)-111, ПГОИАХМЗ, № 142). Материал – глина. Пятая, также глиняная, была найдена на X раскопе на ул. Ленина 1986 г. (П-86-ПЛ-X, В-11 (-206)-32, ПГОИАХМЗ, № 117). На раскопе VIII на Романовой горке 1991 г. была найдена фарфоровая чернильница (П-91-РГ-VIII, ПГОИАХМЗ, колл. 33163, № 505).

Перейдем к картографии находок. Согласно итогам анализа письменных источников, в первой половине XIV в. рукописи в Пскове переписывались для Пантелеймоновского монастыря на Красном дворе, церкви Воскресения Христова в Довмонтове стене, Пантелеймонова Дальнего монастыря, Климентьевского монастыря, церкви Воздвижения Честного креста на Княжем дворе, церкви Рождества Иоанна Предтечи в монастыре Иоанна за рекою, церкви Благовещения Богородицы в Крому, а также, возможно, для монастыря Козьмы и Дамияна на Гремячей горе и церкви Рождества Богородицы в Снетогорском монастыре. Книгописные мастерские XIV в. существовали в церквях Вознесения Христова в Домонтове городе, Николы над Греблей в Домонтове городе, Воздвижения креста на Красном Дворе в Пскове. Можно отметить местонахождения 23 писал и 1 чернильницы на территории ул. Ленина, трех писал на раскопках Псковгражданпроекта, на раскопах Новоторговском, Васильевском, Никольском, Богоявленском, Козмодемьяновском, Кузнецком, Ольгинском, Романовой горки – по одному, также на Казанском, Петровском, Васильевском, Богоявленском, Романовой горке – по одной чернильнице.

В ходе данной работы были проанализированы материалы по истории писал и чернильниц на территории Древней Руси, на основе которых была составлена типология предметов, найденных на территории Пскова. В ходе исследования были обобщены данные о 34 писалах.

Однако определить типы удалось только для 21 экземпляра, причиной чему послужило отсутствие фотографий или какого-либо изображения остальных 13 предметов. На территории Пскова можно говорить о бытовании таких типов писал, как первый, пятый, седьмой, одиннадцатый, шестнадцатый, семнадцатый (все они в одном экземпляре), третий (пять экземпляров), двенадцатый (семь экземпляров), пятнадцатый (три экземпляра). Таким образом, на территории Пскова самым распространенным стал двенадцатый тип писал. Наиболее распространенным материалом для писал стало железо (12 экз.), за ним бронза (4 экз.), кость (3 экз.) и медь (1 экз.). Самое раннее писало, если опираться на типологию, в Пскове относится к X веку, а самое позднее – к XVI веку. Если говорить о чернильницах, то на псковских раскопках всего было найдено 6 чернильниц. Из материалов самый популярный – глина (4 экземпляра), затем по одному экземпляру бронзовых и фарфоровых чернильниц.

Учитывая небольшое количество находок для сопоставления, изложим лишь предположительные топографические наблюдения. Исходя из анализа карты, можно сделать выводы, что наиболее близко к книжным мастерским были найдены писала с Ольгинского (находится близко к церкви Рождества Иоанна Предтечи в монастыре Иоанна за рекою) и с Козмодемьяновского (находится близко к монастырю Козьмы и Дамияна на Гремячей горе) раскопов. Немного отдаленно к книжным мастерским были найдены три писала из раскопок под здание Псковгражданпроекта, их можно отнести к книжной мастерской у церкви Воздвижения креста на Красном Дворе в Пскове. Наибольшее количество писал и одна чернильница были найдены на раскопках на ул. Ленина, что можно отнести к ее близкому местоположению к княжому двору, а также к тому, что ранее на данной площади находился торг. Учитывая отношение чернильниц лишь к письму пером, а писал – к бытовому письму, можно объяснить топографическую соотнесенность двух категорий находок возможной связью профессиональных книгописных центров и центров обучению бытовому письму.

Список источников и литературы

1. Тихомиров М. Н. Городская письменность в древней Руси XI–XIII веков // Труды отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. IX. С. 51–66.

2. Овчинникова Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв.: Свод археологического источника // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь. Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 1994. С. 45–105.

3. Медведев А. Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. 1960. № 2. С. 63–89.

4. Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 448 с.

5. Белов А. Б. Наполнение писчего сосуда древнерусского книгописца XVI–XVII вв. // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 79–89. URL: https://s.esrae.ru/history2014/pdf/2020/2/256.pdf (дата обращения: 9.03.2023).

6. Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси XI–XVII вв. М.: Искусство, 1964. 300 с

Сведения об авторе

Буйлова Анна Евгеньевна – студентка, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

Сведения о рецензенте

Гринев Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: amgrinev@mail.ru

УДК 81`374.2:677.024(470.24)

«НОВГОРОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТКАЧЕСТВА

Бусикова А. С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: bysikova_nastia@mail.ru

NOVGOROD REGIONAL DICTIONARY AS A SOURCE ON THE HISTORY OF WEAVING

Bysikova A. S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: bysikova_nastia@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению терминов по ткачеству, содержащихся в словарных статьях «Новгородского областного словаря». Введение в научный оборот этих данных позволит расширить возможности изучения текстиля по археологическим материалам.

Ключевые слова: Новгородский областной словарь, диалект, текстильная терминология, ткачество.

Abstract. The article is devoted to the study of weaving terms contained in the dictionary entries of the Novgorod Regional Dictionary. The introduction of these data into scientific circulation will expand the possibilities of studying textiles based on archaeological materials.

Keywords: Novgorod Regional Dictionary, dialect, textile terminology, weaving.

Изучение процесса ткачества подразумевает не только работу с археологическими находками, но также владение текстильной терминологией. В данном случае большую помощь могут оказать словари, поскольку именно в словарях можно найти достаточно подробное описание слова и варианты его употребления в языке.

Вопросом текстильной терминологии ученые начали интересоваться еще в XIX веке. Были сделаны попытки исследовать соответствие информации о средневековых предметах одежды и ее производстве в письменных и изобразительных источниках, чтобы выяснить, насколько они достоверны относительно друг друга. В данном случае стоит отметить работу С. С. Стрекалова [1], которая увидела свет в 1877 г. Данное

исследование было представлено в качестве брошюры, в которой описания средневековой одежды сопровождались иллюстрациями. В качестве источников автором были использованы летописи (Ипатьевская и Лаврентьевская), а также распространенные изображения средневековой одежды.

Стоит также обратить внимание на работу Н. И. Лебедевой [2], в которой представлены особенности домашнего прядения и ткачества восточных славян и соседних с ними народов с использованием данных славянской диалектологии. Н. И. Лебедева не только описывает механизмы процессов прядения и ткачества, но и сопровождает свои описания комментариями об употреблении в языке восточных славян названий различных орудий, необходимых для осуществления этих процессов.

В 2005 г. издается «Словарь текстильных терминов» А. А. Иерусалимской [3], в котором представлены термины, имеющие отношение к тканям, выполненным с помощью различных ткацких станков. Данный словарь является специализированным и тематическим, что облегчает работу с ним, поскольку термины, представленные в словаре, имеют отношение только к тканям, их производству и материалам, из которых они были изготовлены.

Хочется также обратить внимание на словарь-справочник Е. И. Зотовой [4], в котором представлены результаты анализа автором «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Е. И. Золотова проанализировала словарь В. И. Даля с точки зрения упоминания в нем различных предметов одежды и костюма, тканей, процессов ткачества, а также приспособлений, применяемых в процессе изготовления одежды и тканей.

В рамках данного исследования хотелось бы обратиться к материалам «Новгородского областного словаря» [5] и проанализировать словарь как источник по истории ткачества.

«Новгородский областной словарь» содержит информацию о различных диалектах, имеющих отношение к территориям бывшей Новгородской губернии, а также ее окраинам, и современной Новгородской области.

В период с 1992 по 1995 гг. над словарем работали В. П. Строгова, А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова и А. В. Никитин. Благодаря их усилиям было опубликовано 12 выпусков словаря. С 1992 г. по 2007 г. словарь редактировали, вносились исправления в словарные статьи, которые были

направлены на уточнение значения слов, а также их географической принадлежности.

«Новгородский областной словарь» составлен на основе картотеки Новгородского государственного педагогического института (сейчас НовГУ им. Ярослава Мудрого), которая формировалась составителями словаря, членами кафедры русского языка и студентами с 1958 года. Помимо этого были привлечены материалы записей студентов-заочников, которые проживали в сельских районах Новгородской области, записи преподавателей, а также материалы Боровичского краеведческого музея С. Н. Поршнякова.

«Новгородский областной словарь» содержит большой пласт информации о процессе ткачества, основных материалах, необходимых для его осуществления, а также об инструментах, используемых в процессе обработки и подготовки материалов к ткачеству.

Основными материалами для ткачества служили лен, конопля и шерсть [6, с. 9]. Также можно встретить упоминания о крапиве и липовом мочале, которые вместе со льном и коноплей помимо ткачества использовались в процессе прядения [7, с. 464].

Данные словарных статей «Новгородского областного словаря» позволяют проследить использование льна и шерсти в процессе прядения и ткачества. Информацию об использовании крапивы выделить не удалось. Представление о липовом мочале можно проследить в упоминании диалектизма «рогозка», который обозначает волокно, получаемое из лубяного слоя липовой коры путем вымачивания [5, с. 1035]. Относительно использования конопли можно отметить упоминание диалектизма «оболонь» [5, с. 670], обозначающее волокно из стебля конопли.

Процесс ткачества был достаточно трудоемким и требовал серьезной подготовки материалов. Перед тем как обрабатывать лен с целью получения волокна, его было необходимо собрать и вымочить.

Данные словарных статей предоставляют информацию о различных орудиях, которые использовались на начальных этапах обработки льна, а также названия льна, который был подвергнут первичной обработке после того, как был собран.

Для того чтобы собрать лен, использовали специальную машину, которая в словаре представлена как «теребилка» [5, с. 1183] или «льнотеребилка», отсюда происходит название времени для уборки льна – «теребиловка» [5, с. 1183]. Из собранного льна формировали снопы, или

«хохалки» [5, с. 1255], которые протаскивали через «рыбилку» [5, с. 1048] – специальное орудие с зубьями, необходимое для обрывания головок льна.

Также в словаре содержаться сведения о названиях обработанного льна. Первый вариант – «моченец» [5, с. 568] – лен, который вымачивали в воде, чтобы придать ему белый цвет, так как такой лен можно было дороже продать. Второй вариант – «сланец» [5, с. 1101] – лен, который не мочили, а расстилали во время росы или дождя, чтобы волокно отделилось от костры.

После того как лен был собран и вымочен, его было необходимо высушить и обмолоть [7, с. 266], чтобы добыть волокно, впоследствии пригодное для прядения и ткачества. Для этого использовали различные приспособления. В словаре можно встретить упоминание устройства из палок и жердин для сушки льна – «шахыри» [5, с. 1296], а также помещение для просушивания льна – «овинник» [5, с. 689], в котором также сушили зерно.

Помимо названия устройства и помещения для просушки льна, можно также отметить упоминание в словаре названия действия, которое подразумевает помещение льна на колышки для просушки – «мечить» [5, с. 554]. Самыми распространенными инструментами для обмолота льна считались колотушка-валек, пральник [5, с. 936] и лапа [8, с. 88].

После обмолота льна переходили к его механической обработке – мяли, трепали и чесали. Лен мяли для того, чтобы разделить волокно и кострику. Волокно составляло всего лишь 18–20% от всего снопа льна, все остальное обычно приходилось на кострику. Мятье позволяло отделить пригодное для прядения и ткачества волокно [2, с. 476]. В словаре можно встретить различные названия орудий, которыми мяли лен: «бросница» [5, с. 75], «мялица» [5, с. 578], «юла» [5, с. 1325]. Также упоминаются остатки льна, образующиеся при его обработке мялкой: «обмялки» [5, с. 673], «омялки» [5, с. 723].

После отделения волокна от кострики лен трепали, чтобы освободить волокно от лишних грубых частиц. Для этих целей применяли трепало, которое представляло собой длинное массивное орудие ножевидной формы [8, с. 89]. Трепало равномерно перемещалось по всей длине пучка льна, что позволяло освободить лен от мелких кусков кострики. В словаре упоминается другое название орудия для трепания льна – «яснина (ясенина)» [5, с. 1332], которое представляется как деревянная палочка из ясеня, а также указывается название для пряди трепаного льна – «волот» [5, с. 124].

На завершающем этапе обработки лен чесали. В словаре этот процесс называется «бритки» [5, с. 71] и подразумевает чесание льна щеткой. В результате процесса чесания образуются волокна лучшего качества – кудель, а также волокна, которые остаются непосредственно на самом инструменте – верховина, или «верхница (вершница)» [5, с. 102].

Наиболее известное название инструмента для чесания льна – чесало [8, с. 89], которое было предназначено для окончательной очистки волокон и выравнивании их в одном направлении, в результате чего получались длинные, вытянутые волокна. «Скоблилка» [5, с. 1094] или «щеть» [5, с. 1320] для чесания льна могли быть сделаны из железа, такие щетки представлены в словаре как «скребки» [5, с. 1097], а также из свиной щетины – «щетильны» [5, с. 1320]. Довольно часто лен и шерсть могли чесать одним инструментом, который, судя по данным словаря, мог называться «ческа» [5, с. 1278].

Данные словаря позволяют проследить как минимум три этапа, которые проходил лен в процессе чесания. После первого чесания щеткой лен называли «сугребина» [5, с. 1155], после второго – «пачеси» [5, с. 795], а после третьего – «подческа» [5, с. 870].

В результате обработки льна чесанием получали «скудель» [5, с. 1099] – пучок льна, готовый к прядению, из которого брали «опытку» [5, с. 732] – пучок льна меньшего размера, необходимый для определения готовности льна к прядению.

Обработка шерсти представляет собой менее трудоемкий процесс, который заключается в разборке руками состриженной шерсти и ее чесании. Стригли шерсть с помощью стальных пружинных ножниц, которые в словаре упоминаются как «ножни» [5, с. 651], предназначенные для стрижки овец. Данные словаря также позволяют сделать вывод о времени, когда стригли овец: летом и зимой. В первом случае получалась «лентнина» [5, с. 505], то есть шерсть, состриженная летом, а во втором – «зимнина» [5, с. 334] – шерсть, состриженная зимой в декабре.

Главная цель чесания шерсти – придать волокнам одно направление и сделать их более гладкими. Шерсть можно «раскарзать» [5, с. 1004], или расчесать, двумя способами: либо с использованием гребня (деревянного или металлического), либо применять битье лучком с тетивой [8. с. 266]. Также в словарных статьях можно встретить различные упоминания названий орудий для чесания шерсти: «ладошечка» [5, с. 492], «карзина» [5, с. 370], «шкадры» [5, с. 1307]. В результате чесания получается «жича»

[5, с. 260], «жичина» [5, с. 260], «сукно» [5, с. 1158] – все это эквиваленты названий шерстяной нити, которые представлены в словаре.

После первичной обработки материала начинался процесс прядения нитей с использованием веретена и прялки. Веретно служило основой для наматывания готовой нити, а прялка была предназначена для закрепления на ней подготовленного материала – кудели пряжи.

Веретно, «веретушка» [5, с. 99] или «верея» [5, с. 101], представляет собой длинную палочку, обычно с утолщением по середине [2, с. 481]. В словаре можно встретить упоминание диалектизма «пятка» [5, с. 989], обозначающего нижнюю часть «крутыни» [5, с. 467], так в словаре представлено одно из названий веретена. «Сурыкалка» [5, с. 1163], или веретено, употреблялась обычно вместе с пряслицем, или «кружочком» [5, с. 464], что обеспечивало лучшее вращение веретена при наматывании на него нити. Также словарь дает представление о специальных корзинках, которые использовали для хранения веретен, они также имели различные названия: «веретеница» [5, с. 98], «кузов» [5, с. 478], «цевошница» [5, с. 1261].

При прядении нитей также использовали прялку, или «копанку» [5, с. 428], служившую подставкой, к которой пряха с помощью «мутовца» [5, с. 574] или «стеблины» [5, с. 1140] прикрепляла пряжу во время работы. Кудель закреплялась на верхнюю часть прялки, которая в словаре представлена, как «голова» [5, с. 171] или «щека» [5, с. 1317]. Место для сидения пряхи во время прядения также могло называться по-разному. Самый распространенный вариант – «донце» [5, с. 277], также в словарных статьях можно встретить упоминания таких диалектизмов, как «копыл» [5, с. 431] и «хвост» [5, с. 1244]. Словарь предоставляет данные об использовании механической прялки, которая называлась «самопрялка», или, судя по данным словаря, «самопряха» [5, с. 1056], или «веретайка» [5, с. 98]. Помимо самопрялки в словаре упоминается особая прялка для прядения льна – «скудельница» [5, с. 1099].

После прядения готовые нити перематывали в мотки с помощью специальных деревянных приспособлений, которые назывались «мотовило» [8, с. 92] или «мотовилка» [5, с. 566], «турашка» [5, с. 1210]. В словаре также представлено несколько наименований инструментов, служивших для разматывания готовой пряжи: «баба» [5, с. 5], «развивалка» [5, с. 995] и «кресты» [5, с. 458]. Стоит также отметить приспособления, сочетающие в себе функции наматывания и

разматывания нитей: «крыло» [5, с. 468], «круглица» [5, с. 463] и «основальня» [5, с. 739].

Далее шерстяные и льняные нити начинают «скать» [5, с. 1091], то есть свивать, скручивать для создания более прочной основы для ткачества за счет получения одной нити из двух. Для сучения нитей применяется «скальна (скальня)» – специальный ящичек с одной ручкой, необходимый для скручивания нитей [5, с. 1089].

Скрученные нити необходимо «сосновать», то есть подготовить из них основу для ткачества на горизонтальном станке [5, с. 1123]. Для этих целей использовали специальное приспособление, которое в словаре упоминается как «сновалка» [5, с. 1112] или «сновальница» [5, с. 1113].

После завершения процесса снования готовых нитей переходили к ткачеству. Важными признаками ткачества можно считать обязательное чередование нитей основы и нитей утка, а также образование зева, который разделяет нити основы в процессе ткачества на две части [2, с. 499]. В процессе чередования нитей основы верхние нити постоянно меняются местами с нижними, в результате чего формируется рисунок. Осуществлять процесс ткачества можно различными способами. В словаре содержатся сведения о ткачестве на бердо и ткацком станке.

Бердо, или «треста» [5, с. 1201], представляет собой дощечку с разделением на пластинки, или «хмутиво» [5, с. 1250], в которых имеются дырочки. Суть использования берда заключается в правильной заправке в него нитей основы и постоянном движении берда вверх и вниз. В словаре содержаться сведения о количестве нитей, которые могли быть заправлены в бердо, такое количество называлось «пас» [5, с. 792]. Также названия берда могли отличаться в зависимости от количества нитей, которые могли быть заправлены в его пластинки, например, «одиншик» [5, с. 699] – бердо, в котором было одиннадцать пасм, или «двойник» [5, с. 211] – бердо, включающее двенадцать пасм.

Помимо ткачества на берде в словаре отражена информация о ткачестве на ткацком станке, который рассматривается исследователями в рамках двух основных систем – вертикальный и горизонтальный ткацкий стан [7, с. 267]. Системы ткацких станков отличаются главным образом тем, что размер готового изделия вертикального ткацкого стана ограничивается размером рам, тогда как горизонтальный ткацкий станок позволяет достичь неограниченной длины нитей основы, а также готового изделия [2, с. 509–510]

Ткацкие станки в словаре представлены под следующими названиями: «бёрдо» [5. с. 36], «кросна» [5, с. 461], «став» [5, с. 1135] и «ставок» [5, с. 1136]. Также в словарных статьях отражена информация о различных названиях деталей ткацкого станка и приспособлениях, необходимых для осуществления ткачества.

В ткацком станке было необходимо пропускать нити утка под прямым углом через нити основы, которые образовывали зев, или «циновку (чиновку)» [5, с. 1264]. Для этих целей «тканщица» [5, с. 1187], или ткачиха, использовала челнок, или «счалок» [5, с. 1171]. Выделяют два типа челноков: вилкообразные и полые [7, с. 267]. К ним также можно добавить ладьеобразный тип [2. с. 520]. Вилкообразные челноки чаще всего относят к системе вертикального ткацкого стана. Помимо ткацких станков челноки использовали для плетения рыболовных сетей и ковров.

Для функционирования горизонтального ткацкого станка необходимы собачка и юрок, вертикальному стану подобные приспособления не нужны [7, с. 97]. Собачка является частью ремизной системы ткацкого станка, которая предохраняет, как сам станок, так и нити изделия от сильного износа и повреждений [7. с. 96]. Юрок необходим в ткацком станке для осуществления такого процесса, как снование нити, а именно подготовки нитей основы и расположения их в длину, где каждая нить будет находиться параллельно относительно другой [8, с. 268].

В словаре также упоминаются «ниченки» [5, с. 648], которые представляют собой два прутика, находящиеся параллельно относительно друг друга. Прутики соединены двумя рядами нитяных петель, продетых попарно одна в другую [2, с. 517]. Интересно то, что льняные нити очень плохо сохраняются в культурном слое, именно по этой причине ниченки чаще всего находят без петель. Помимо ниченок в словаре также упоминаются «бобушки» [5, с. 48], представляющие собой блоки, на которых держаться ниченки в ткацком станке.

Ниченки приводили в движение с помощью подножек, которые выглядели как овальные дощечки [2, с. 517]. «Досочки» [5, с. 228], «ножки» [5, с. 651] или подножки привязывались к ниченкам, а задача ткачихи заключалась в том, чтобы наступать на них в нужной последовательности, чтобы образовать необходимый для ткачества зев основы [7, с. 95]. Н. И. Лебедева выделяет ткачество на двух, трех и четырех подножках [2]. В словаре также отражена информация о способе тканья на двух подножках, который называется «валдайка» [5, с. 89].

Анализ словарных статей «Новгородского областного словаря» позволяет сделать вывод о важности использования этого источника для

изучения процесса ткачества. Словарь не только отражает названиях этапов обработки материалов, инструментов, необходимых для осуществления процесса ткачества, но и позволяет узнать функциональные особенности каждого этапа и характеристики инструментов для ткачества с использованием данных региональной специфики.

Словарь может помочь расширить возможности изучения процесса ткачества по археологическим данным, так как в словарных статьях помимо значений слов чаще всего содержаться их подробные описания с указанием материалов, из которых были изготовлены инструменты для ткачества, а также варианты использования ткацких орудий в различных сферах хозяйственной деятельности человека.

Список источников и литературы

1. Стрекалов С. С. Русская историческая одежда от X до XIII в. Вып 1. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1877. 26 с.

2. Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. С. 458–540.

3. Иерусалимская А. А. Словарь текстильных терминов. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. 94 с.

4. Зотова Е. И. Имя вещи. Одежда и процесс ее изготовления в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Словарь-справочник. М.: Северный паломник, 2017. 200 с.

5. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.

6. Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 33. М.: Советская Россия, 1959. С. 9–37.

7. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 432 с.

8. Колчин Б. А. Археология СССР: Свод археологических источников / под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова; Акад. наук СССР. Новгородские древности: Деревянные изделия. М.: Наука, 1968. 183 с.

Сведения об авторе

Бусикова Анастасия Сергеевна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Сведения о рецензенте

Торопов Сергей Евгеньевич – директор Центра археологических исследований, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: s_toropov@mail.ru

УДК 902.2:004.9

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИФРОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАПРАВЛЕНИЯ

Маевский Д. Е., Эркенов А. Р.

Севастопольский государственный университет
(г. Севастополь, Россия)
E-mail: dmitr.maev@yandex.ru, Erkenovjb@gmail.com

METHODOLOGY FOR DIGITAL RESEARCH IN CHURCH ARCHAEOLOGY: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE FIELD

Mayevsky D. E., Erkenov A. R.

Sevastopol State University
(Sevastopol, Russia)
E-mail: dmitr.maev@yandex.ru, Erkenovjb@gmail.com

Аннотация. В статье ставится задача отразить разнообразие методик, применяемых в цифровых археологических (Digital archaeology) и цифровых гуманитарных (Digital Humanities) исследованиях. Рассмотрена потенциальная и реальная возможность применения цифровых технологий в изучении памятников религиозного наследия в опыте отечественных и зарубежных исследователей. Данные в статье представляют собой уникальный материал, включающий в себя цепь междисциплинарных работ в области истории, археологии, религиоведения и программирования. На сегодняшний день применение цифровых технологий в реконструкции культовых сооружений является слаборазвитой областью цифровой археологии. На данном этапе авторы видят потребность в совершенствовании подобного рода проектов, предлагаются теоретические наработки, применяемые в иных археологических экспедициях. В итогах статьи авторы стремятся обосновать необходимость развития цифровых методов исследования в археологии религиозных объектов.

Ключевые слова: цифровая археология, информационные технологии, церковная археология, религиозное наследие, методология.

Abstract. The article aims to reflect the diversity of methods used in digital archaeology and digital humanities research. The potential and actual application of digital technology in the study of religious heritage monuments in the experience of domestic and foreign researchers is considered. The data in the article is a unique material, which includes a chain of interdisciplinary works in the field of history, archaeology, religious studies and programming. To date, the use of digital technology in the reconstruction of places of worship is an underdeveloped area of digital archaeology. At this stage, the authors see the need to improve this kind of project, offering theoretical insights applied to other archaeological expeditions. In the outcome of the article, the authors seek to justify the need for the development of digital research methods in the archaeology of religious sites.

Keywords: Digital archaeology, information technology, church archaeology, religious heritage, methodology.

Достаточно большой опыт применения цифровых технологий в научных исследованиях влечет за собой потребность в расширении охватываемого материала. Достаточно давно в археологии выделяется и широко используется отдельное направление «цифровых исследований», которое включает в себя массив самых разнообразных технологий, формирующих последовательную практическую методологию, применяемую в разработке, исследовании и реконструкции археологических объектов. Религия в данном случае является связующим элементом для специалистов из различных сфер: от историков и археологов до программистов и антропологов.

Церковная археология проводит детальное исследование христианских храмов и других культовых сооружений, оставивших свой след в историческом наследии с точки зрения архитектурных, антропологических и религиоведческих особенностей, а также по иным критериям, которые определяют ценность объектов изучения [1, с. 169–170]. Исследование ставит цель развить концепцию данных работ с помощью применения информационных технологий и иных цифровых методов исследования.

При работе с археологическим материалом наибольшей полнотой информации обладает человек, проводивший раскопки. Он извлекает материал из культурного слоя и принимает решения о фиксации, консервации и других видах работ, а также как участник наблюдает картину в полном объеме. При этом двухмерные методы фиксации в виде чертежа и фотографии не передают с точностью все данные, поскольку могут отсутствовать некоторые необходимые замеры. Именно с этой задачей призваны справиться трехмерные модели объектов [2, с. 10–11]. Они создают полноценную картину археологического объекта в настоящем времени. В местах, где руководитель экспедиции не произвел необходимых замеров, исследователь, обращающийся к цифровой копии, может задать любые параметры. Помимо всего прочего, в поле зрения попадает не только отдельный предмет, но и его взаимосвязь с другими найденными объектами [3, с. 92].

Подобные методы уже успешно применялись в России. В 2012 году при фиксации церкви Рождества Христова на Песках с помощью программы Photoscan была создана трехмерная модель на основе фотографии [4, с. 14]. Из зарубежного опыта: в Саксонии с помощью этого же программного обеспечения и квадракоптера, оснащенного камерой, создавалась 3-D модель руин замка в Плаунэ [5, с. 125]. Суть способа заключается в том, что производятся многочисленные снимки объекта с разных позиций. Больше всего фотографий требуют объекты сложных

форм, для полной фиксации которых необходимо большое число ракурсов. Полученные изображения загружают на вычислительное устройство и работают над ними в программе. Речь идет не о простом склеивании фотографии, а скорее о наборе вершин в системе координат. Этими вершинами являются выступающие элементы двухмерной фотографии. После того как модель вершин будет построена, то есть воссоздана трехмерная геометрия объекта, на них накладывается текстура. Полученная модель может быть сохранена в форматах «*pdf», «*obj», «*3ds» и использована в другом программном обеспечении.

Отрицательные стороны у данного процесса также имеются. Во-первых, необходим компьютер с высокими вычислительными способностями. Чем более сложная у фиксируемого объекта будет геометрия, тем больше на него придется фотографий. Этот процесс будет требователен к ресурсам компьютера. Во-вторых, цифровой подход требует больших временных затрат, в то время как простая двухмерная фотофиксация в дальнейшей обработке не нуждается. В-третьих, работа с программой происходит в удалении от самого объекта, что может обернуться проблемами, в случае если были сделаны некорректные снимки [5, с. 127].

Метод создания 3-D модели из простых фотографий исключает фиксацию объектов с резким перепадом высот более 10 сантиметров. Однако для подобных случаев может быть использовано дорогостоящее, но эффективное лазерное оборудование: от Российской компании «Thor 3D» с их линейкой сканеров «Calibry» или зарубежной компании «Artec 3D» с их сканерами «Eva», «Eva Lite», «Space Spider». Подобные лазерные сканеры способны воссоздавать цифровую копию объекта с точностью до 0.1 миллиметра и в перспективе могут быть широко использованы в археологии [6; 7].

Другой положительной стороной применения 3D моделей археологических объектов является более понятная музейная визуализация. Простые снимки и чертежи не всегда могут привлечь внимание обывателя, в то время как 3D модель более интуитивна, вызывает интерес и способствует развитию интереса к науке. [8, с. 18]. С помощью 3-D модели объект может быть продемонстрирован посетителю во взаимодействии. Данные методы позволяют достигнуть «эффекта присутствия» [9, с. 11]. Таким образом, цифровые методы позволяют расширить область исследования историко-культурных объектов, в частности, особо эффективно это демонстрируется в археологии культовых объектов [10, p. 110–112] из вышеприведенных данных.

Список источников и литературы

1. Курлаев Е. А. «Церковная археология» как направление исследований // Теория и практика археологических исследований, 2019. №1 (25). С. 169–178.
2. Зайцева О. В. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 42–46.
3. Гусев А. В., Ражев Д. И., Слепченко С. М., Зайцева О. В., Пушкарев А. А., Водясов Е. В., Вавулин М. В. Археологический комплекс Зеленый Яр: новые технологии полевых исследований // Уральский истоический вестник. 2014. № 2 (43). С. 89–96.
4. Матвеев В. Н. Полевая фиксация архитектурных объектов методом построения трехмерных моделей (на примере раскопок церкви Рождества Христова на Песках) // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Сб. трудов конференции, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г. СПб: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2013. С. 14–16
5. Шуберт Х. Применение 3d моделирования в археологии: достоинства и недостатки. // Вестник магистратуры. 2017. № 1-1 (64) С. 17–18.
6. Центр морских исследований и технологий СевГУ получил новое оборудование // Севастопольский государственный университет: сайт. URL: https://www.sevsu.ru/novosti/item/11848-tsentr-morskikh-issledovanij-i-tekhnologij-sevgu-poluchil-novoe-oborudovanie/?ysclid=levs39r1yu536845976 (дата обращения: 20.02.2023).
7. СевГУ примет участие в комплексных регионоведческих исследованиях в Египте и Судане // Севастопольский государственный университет: сайт URL: https://www.sevsu.ru/novosti/item/sevgu_primet_uchastie_v_kompleksnykh_regionovedcheskikh_issledovaniyakh_v_egipte_i_sudane/ (дата обращения: 21.02.2023).
8. Шепинина Е. М. Применение 3d моделирования в археологии: достоинства и недостатки // Вестник магистратуры. 2017. № 1-1 (64). С. 17–19.
9. Зайцева О. В. Вавулин М. В. «Эффект присутствия»: 3D-визуализации процесса и результатов археологических раскопок в современных музейных практиках // Гуманитарная информатика. 2017. № 13. С. 6–11.
10. Bernyukevich T. V. The Technical and the Religious: Concepts and Contemporary Social Practices // Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. XXI Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF 2021). Cham, 2022. P. 105–112. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_10

Сведения об авторе

Маевский Дмитрий Евгеньевич – студент, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Эркенов Анзор Рамазанович – студент, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Сведения о рецензенте

Гринев Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: amgrinev@mail.ru

УДК 902

БУЛАВКИ ИЗ РАСКОПОК В СТАРОЙ РУССЕ: ОБЗОР НАХОДОК И ХРОНОЛОГИЯ

Моисеева Е. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: ekaterinamoiseeva0206@gmail.com

PINS FROM EXCAVATIONS IN STARAYA RUSSA: REVIEW OF FINDS AND CHRONOLOGY

Moiseeva E. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: ekaterinamoiseeva0206@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор булавок из цветного металла из раскопок в г. Старая Русса (Пятницкий раскоп). Находки датируются периодом начиная с рубежа XII–XIII в. по конец XIII в. Хорошо прослеживаются особенности стиля ювелирных изделий и городской ремесленной культуры Новгорода (использование ложной зерни, украшения в виде шариков и полумесяцев).

Ключевые слова: ювелирные изделия, булавки, древнерусский город, Старая Русса, Пятницкий раскоп.

Abstract. The article presents an overview of non-ferrous metal pins from excavations in Staraya Russa (Pyatnitsky excavation). The finds belong to the period starting from the turn of the 12th-13th centuries to the end of the 13th century. The features of the style of jewelry and the urban handicraft culture of Novgorod (using of false grain, ornaments in the form of balls and also crescents) are well traced.

Keywords: jewelry, pins, ancient Russian city, Staraya Russa, Pyatnitsky excavation.

Среди множества украшений эпохи Средневековья выделяются одежные булавки из цветного металла, которые, по мнению М. В. Седовой, «служили застежками верхней одежды...», характерными для костюма западно-балтских племен [1, с. 73]. Она разделила их на две группы: «булавки» (с прямым стержнем) и «булавки с загнутым стержнем», выделив внутри них типы [1, с. 73–83]. Л. В. Покровская предложила свой вариант типологии для так называемых «булавок с загнутым стержнем», назвав их «булавки с головками сложных форм» и выделив два типа: I. «Булавки с геометрическими головками» (включает в себя семь вариантов) и II. «Булавки с криновидными головками» [2, с. 181–191].

Данная категория находок хорошо известна и по материалам раскопок в Старой Руссе (летописной Русе), однако еще ни разу не становилась предметом отдельного изучения. Данная статья посвящена рассмотрению булавок, обнаруженных на Пятницком раскопе (далее – ПТР), который расположен в центре средневекового города. Исследования на нем ведутся с 2002 г. и по настоящее время археологической экспедицией Новгородского государственного университета под руководством Е. В. Тороповой [3, с. 1–2]. Для ПТР разработана дендрохронологическая шкала, позволяющая определить дату выпадения находок в слой с точностью до нескольких десятилетий [3, 2020, с. 3].

Всего на ПТР было найдено 13 находок, из них атрибутировать можно только 12. Выборка делалась на основе электронной базы данных археологических находок НовГУ [4]. Шифр представлен четырьмя значениями: x-y-z-n (x – раскоп, y – пласт, z – номер квадрата, n – полевой номер).

I. Булавки (с прямым стержнем).

А. Булавки с треугольной головкой – 1 экз. М. В. Седова описывает их так: «на концах – конусовидные навершия, при переходе к стержню – ушко для присоединения цепедержателей и нагрудных цепей. В Новгороде был найден 1 экз. в слое кон. X в. [1, с. 73]. Старорусская находка (Пт-II-21-128-349) представлена фрагментом треугольной головки (?) (литая, ложнозерненая). Предварительная датировка – начало XIII в. По М. В. Седовой, этот тип имеет гораздо раннюю датировку. Стратиграфические наблюдения, а также наличие на изучаемой средневековой усадьбе следов ювелирного производства, позволяют предположить, что данный фрагмент мог попасть сюда в качестве сырья. Поэтому датировка говорит не о времени бытования, а о времени попадания в культурный слой.

Б. Булавки с головками в виде трех лопастей – 1 экз. М. В. Седова считала их «новгородским городским украшением». В Новгороде было найдено 17 экз. в слоях конца XII – начала XIV в. [1, с. 75].

Старорусская находка (Пт-II-17-152-911) представляет собой целый экземпляр. Все три лопасти кольцевидной формы, в них продеты колечки, на игле видна спиральная нарезка (согласно М. В. Седовой – второй вариант этого типа [1, с. 75]). Относится к VII ярусу, датирующемуся 1270–1290-ми гг. Ближайшая аналогия была найдена в Новгороде в слое середины XIII в. [1, рис. 26:8].

I. Булавки с загнутым стержнем

А. Предметы со звездчатыми головками – 9 экз. М. В. Седова упомянула о 15 экз., найденных на Неревском, Ильинском, Людогощинском и Троицком раскопах в слоях XII–XIII вв. Такие украшения, как правило, имели крючок на конце [1, с. 78]. Подобные булавки были выделены Л. В. Покровской в группу «булавки с головками сложных форм» [2, с. 183]. На настоящем этапе исследования в рамках данного типа предлагается выделить три варианта:

А1. Предметы с украшениями в виде шариков – 6 экз.

Пт-I-15-16-123-125-8. Сохранилась только головка, которая обломана с одной стороны. Основу головки составляет восьмиконечная фигура с круглыми концами и узором из ложной зерни (?). Центр головки – гнездо для вставки восьмиконечной формы. Относится к XII ярусу – первая половина 1270-х – середина 1290-х гг.

Пт-I-19-1-239. В основе ромбическая фигура, в центре квадратное гнездо для вставки. В центральной части – арки с узором из ложной зерни. Конец булавки – крючок. Относится к IX ярусу – 1230–1240-е гг. Аналогии известны в Новгороде [1, рис. 28: 5; 2, рис. 1: 9].

Пт-II-20-152-233. Фрагмент головки. Морфологически очень схожа с предыдущей находкой и имеет общие аналогии. Предварительная датировка – начало XIII в.

Пт-II-21-134-157. Фрагмент головки. В центре изображение креста и вставка из зеленого стекла. Крест имеет две арки и квадраты с узором из ложной зерни. По периметру три массивных украшения в виде шариков, сложенных в пирамидку, и еще четыре маленькие пирамидки, которые чередуются с большими. Предварительная датировка – начало XIII в. Аналогии известны в Новгороде [1, рис. 27: 4; 2, рис. 1: 3].

Пт-I-20-77-41. Деформирована, без особенных характеристик, имеет ромбовидную основу и крючок на конце. Относится к VIII ярусу – 1240–1270-е гг.

Пт-II-18-134-366. Загнутый стержень, головка обломана. У основания головки украшение в виде трехлепестковой розетки, что может говорить о том, что, возможно, булавка была со звездчатой головкой [1, рис. 29: 1]. Относится к VIII ярусу – 1240–1270-е гг.

А2. Предметы с украшениями в виде полумесяцев – 2 экз.

Пт-I-20-1-4. Фрагмент – головка. Плоская, круглая, с изображением креста в центральной части и узором из ложной зерни, по периметру круга

расположены четыре украшения в виде полумесяцев (вероятно, еще четыре обломаны). Относится к IX ярусу – 1230-е – конец 1240-х гг. Аналогии не обнаружены.

Пт-II-19-135-647. Предположительно, фрагмент головки булавки (часть в виде полумесяца) (3, с. 78). Относится к VIII ярусу – первая половина – середина XIII в. Аналогии известны в Новгороде [1, рис. 27: 3, рис. 28: 4, 8; 2, рис. 1: 1, 2, 7, 8].

А3. Предметы с украшениями в виде шариков и полумесяцев – 1 экз.

Пт-II-19-164-753. Два фрагмента – головка и стержень. Имеет ромбическую форму с квадратным гнездом для вставок. Все украшения сопровождаются узором из ложной зерни. Центральную часть плоскости занимают пять кругов и арки с узором из ложной зерни. На конце крючок. Относится к VIII ярусу – 1240–1270-е гг. Аналогии известны в Новгороде [2, рис. 1: 8].

Б. Предметы, завершающиеся фигурой птицы – 1 экз. В Новгороде был найден 1 экз. в слое конца XII в., примыкал к типу «предметы с завершением в виде крылатого зверя» [1, с. 78].

Пт-II-19-126-166. Головка. Птица повернута в профиль, оперение показано рельефными линиями из ложной зерни (?), дополнена ажурными украшениями. Относится к VIII ярусу – 1240–1270-е гг. и найдена в срубе ПС-22. Украшение такого типа представлено у М. В. Седовой [1, рис. 28: 3].

Таким образом, все находки булавок из цветного металла, обнаруженные на Пятницком раскопе, укладываются в период с рубежа XII–XIII вв. по 1270-е гг. Датировки вписываются в хронологические рамки новгородских булавок, описанных М. В. Седовой, кроме одного раннего типа – «булавки с треугольной головкой».

Список источников и летературы

1. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

2. Покровская Л. В. Булавки с головками сложных форм // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы научной конференции, Новгород, 24–26 января 1995 г. Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 1995. Вып. 9. С. 181–191.

3. Самойлов К. Г., Торопова Е. В. Усадьба «Б» Пятницкого раскопа в Старой Руссе во второй половине XIII–XV вв. (стратиграфия, топография и хронология застройки) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 7(32). URL: https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1681355 (дата обращения: 10.11.2022).

4. Древности Новгородской земли: электронная база данных археологических находок // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: сайт. URL: http://portal.novsu.ru/archeology (дата обращения: 12.10.2022).

Сведения об авторе

Моисеева Екатерина Витальевна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Сведения о рецензенте

Торопов Сергей Евгеньевич – директор Центра археологических исследований, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: s_toropov@mail.ru

УДК 902.2:7.031.1(47.332)

ПИСАНИЦЫ НА СМОЛЕНСКИХ СКАЛАХ

Ячменёв О. Ю., Власенко Д. Е.

Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия)
E-mail: 19970725dyuu@gmail.com

WRITINGS ON THE SMOLENSK ROCKS

Yachmenev O. Yu., Vlasenko D. E.

Trans-Baikal State University
(Chita, Russia)
E-mail: 19970725dyuu@gmail.com

Аннотация. В рамках данной работы рассматривается археологический объект, представленный наскальным искусством. Памятник расположен в урочище «Смоленские скалы». Возраст древних рисунков предварительно определяется эпохой бронзы (1 тыс. до н. э). Нами проведена корреляция писаниц на Смоленских скалах с памятниками сопредельных территорий. Важность данного объекта состоит в том, что он располагается в непосредственной близости к столице Забайкальского края, что делает его туристически привлекательной территорией. По этой причине вопрос сохранности рисунков является актуальным, несмотря на то что на сегодняшний день памятнику практически ничего не угрожает. Кроме этого, в работе отмечается уникальность самих рисунков, в первую очередь изображение марала, т. к. древние наскальные фигуры северных оленей достаточно редки для Восточного Забайкалья.

Ключевые слова: Смоленские скалы, Д. А. Пуховский, писаницы, антропоморфные фигурки, марал, мониторинг.

Abstract. Within the framework of this work, an archaeological object represented by rock art is considered. The monument is located in the tract "Smolensk rocks". The age of the ancient drawings, presumably, varies from the Bronze Age (1 thousand BC). The article also correlates the writings on the Smolensk rocks with the monuments of adjacent territories. The importance of this object lies in the fact that it is located in close proximity to the capital of the Trans-Baikal Territory, which makes it a tourist attractive territory. For this reason, the issue of preserving the drawings is relevant, despite the fact that today the monument is practically not in danger. In addition, the work indicates the uniqueness of the drawings themselves, primarily the images of deer, since ancient rock paintings of reindeer are quite rare for the taiga zone of Transbaikalia**.**

Keywords: Smolensk rocks, D.A. Pukhovsky, writings, anthropomorphic figures, maral, monitoring.

Смоленские скалы – это скальный массив, расположенный в 10 км к северо-востоку от Читы, на вершине сопки с абсолютной отметкой

1080,8 м. Рисунки, нанесенные на поверхность данных скал, были известны местным краеведам еще с нач. 1980-х гг. В 2009 году писаницы зафиксировал Д. А. Пуховский [1, с. 268].

Осенью 2022 года члены Студенческого археологического клуба провели мониторинг степени сохранности изображений на Смоленских скалах. В момент мониторинга было обозначено три пункта писаниц (рисунок 1).



Рисунок 1. Выявленные объекты

Пункт 1. В первую очередь обследовалось основное панно с рисунками, которое приурочено к плоскостям западной части массивного скального гребня высотой ок. 14 м, ориентированного по линии запад-восток. Ранее рисунки уже изучались, во время чего были выявлены на

высоте 1–2 м от подножия скалы три антропоморфные фигуры и одно зооморфное изображение (олень или лось). Верхнее изображение напоминает клиновидную фигурку с круглой головой, расставленными ногами и гипертрофированно удлиненной левой рукой. В центре композиции две антропоморфные фигурки. Одна хорошей сохранности, туловище которой изображено в виде прямого стерженька, округлой головой, расставленными ногами и опущенными дугообразно руками. Соседняя фигурка практически выцвела. Она выполнена в той же манере [1, с. 268]. Благодаря программе aDStretch удалось более детализировано выявить данную композицию, в том числе выцветшую фигурку человечка (рисунок 2). Центральное место композиции занимает зооморфное изображение. Оно напоминает фигуру лесного животного, скорее всего оленя. Можно отчетливо увидеть голову, рога, длинную шею, туловище, ноги и хвост. В целом рисунок сохранился очень хорошо (рисунок 3).

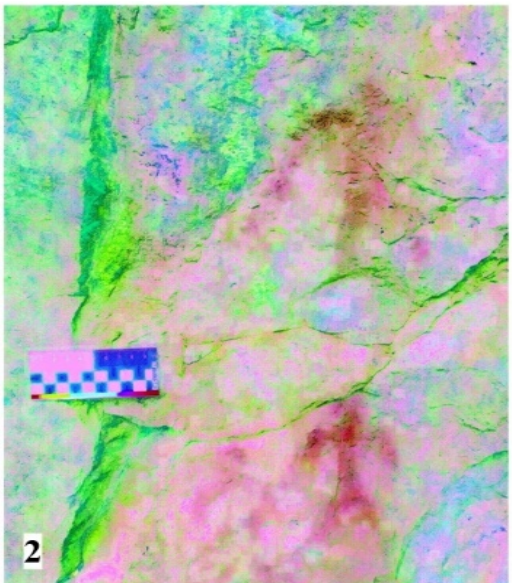


Рисунок 2. Антропоморфное изображение



Рисунок 3. Зооморфное изображение

Надо отметить, что писаницы Смоленских скал выполнены красной охрой. Большинство рисунков, хоть и находятся в бледном состоянии, сохранились благодаря естественному карнизу. Также, кроме центральной композиции, в пункте 1 присутствуют изображения линий и пятен, сосредоточенных, как правило, несколько выше, чем ранее упомянутые рисунки (рисунок 4).

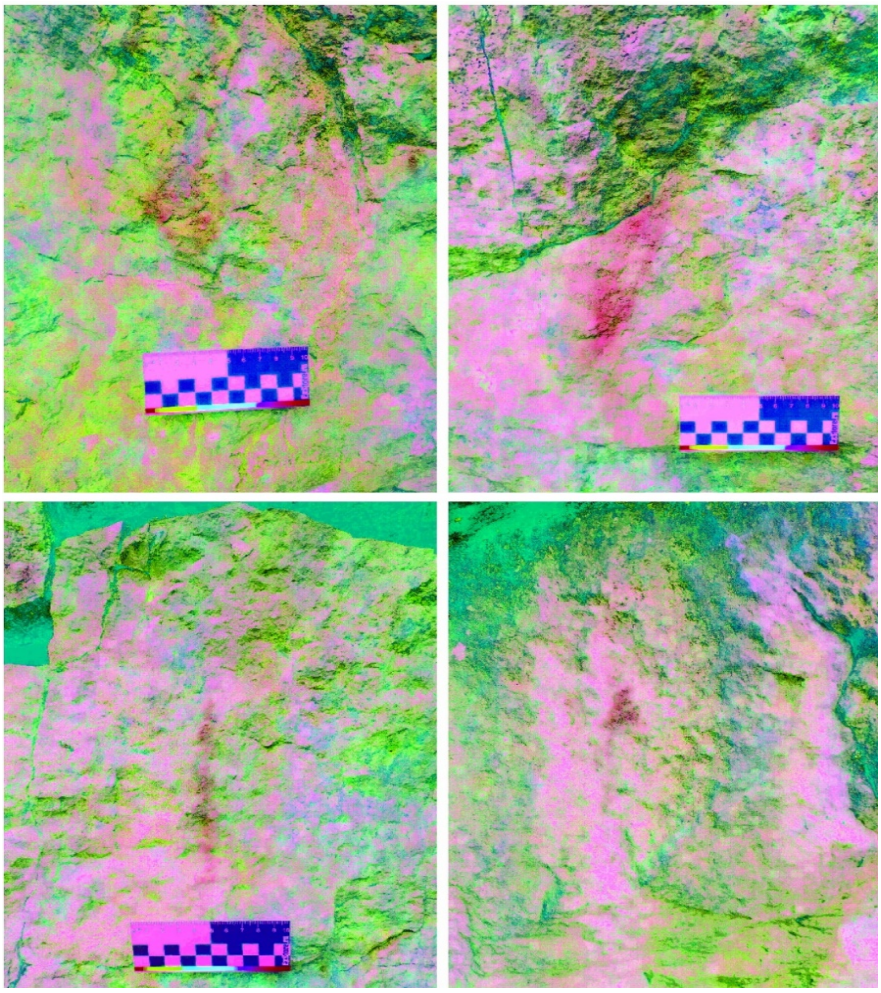


Рисунок 4. Следы охры

Подобные изображения сосредоточены на многих сопредельных территориях. Например, фигурки человечков, выполненных в той же стилистике и манере, можно увидеть на памятниках Бага-Байца, Наран-Хабсагай, Хотогой-Хабсагай, Сали [2, с. 174–210] в Западном Забайкалье; Бараун-Кондуй, Малый Улистай, Бутиха [3, с. 165, 201, 213–214] в Восточном Забайкалье и т. д. Сложно сказать, что из себя представляет основная композиция с точки зрения интерпретации (рисунок 5). Вероятно, это сцена реальной охоты, либо прообраз ритуальных действий. Отображение охотничьей магии встречается во многих памятниках наскального искусства Забайкалья, Сибири и Дальнего Востока. Например, очень выразительная картина охотничьей магии присутствует на центральной композиции Бутихи. На панно этого памятника ярко показан охотник, наставивший лук со стрелой в сторону северного оленя [2, с. 230; 3, с. 164] или на писанице Кюнкю, где с изображением лося соседствует мифическое существо, олицетворяющее, возможно, местного духа древних

людей. По всей видимости, художник попытался отобразить духа-покровителя охоты, крадущегося к животному, но это лишь одна из многих интерпретаций [4, с. 198].



Рисунок 5. Антропоморфное и зооморфное изображение

Человек с глубокой древности пытался отобразить охоту в своей художественной деятельности. Важным компонентом охоты являются две составляющие: охотник (человек, антропоморф, фантастическое или мифическое существо, хищник) и добыча (как правило – животное: лось, олень, бык, кабан и др.). Нередко совместно с охотой изображается шаман. Подобная сцена присутствует на древних рисунках Шаман Горы (Забайкалье), где рядом с загонной охотой родовой общины пристроились две фигуры шамана. Одна фигура буквально втиснута в композицию, другая, напротив, стоит поодаль, как будто бы замыкая действие ритуала, проводимого для удачной охоты [5, с. 4]. Фигуры шаманов, как правило, в Восточном Забайкалье (Забайкальский край) распространены в бассейнах рек Хилок, Чикой, Онон и Чара [6, с. 206]. Исходя из этого, очевидно, что в

данном случае рисунки могли иметь как утилитарный смысл, так и магико-религиозный. В случае с писаницей на Смоленских скалах в качестве охотника может быть фигурка антропоморфного существа с удлиненной левой конечностью, не исключено, что таким образом древний художник отобразил лук.

С животными охотничьей магии связано множество легенд у самых разных народов мира, в том числе в России. Особенно ярко это выражено в хозяйственной и духовной культуре эвенков-орочонов. А. И. Мазин считает, что доместикация оленей тунгусоязычными племенами началась в глубокой древности (ок. 5 в. до н. э.). Олени у данных народов были предметом охоты. Однако в первую очередь олени использовались, как средство передвижения. Кроме того, олень играл важную роль в поверьях и обрядах. Марала могли рассматривать как «транспорт» для отправления души умерших предков мугды в мир буни. У эвенков-орочонов домашнего оленя запрещалось убивать из лука или ружья, его кололи ножом или специальной заостренной палкой. Оленя нельзя было продавать, его дарили или обменивали. Все поверья и обряды эвенков-орочонов, связанные с оленеводством, направлены на сохранение и увеличение поголовья оленей [3, с. 124–125]. Такое же трепетное и уважительное отношение было у народа мани, только по отношению к лосям. Лоси также считались священными животными и являлись духовными покровителями. С ними связано много легенд и поверий. Исследователь упоминает легенду народа мани, согласно которой лось-буга украл солнце. На земле наступила тьма, и только благодаря отважным охотникам солнце удалось вернуть на небосвод. А. И. Мазин находит отражение этой легенды на Майской писанице, находящейся на правом берегу р. Алдан [7, с. 7–9].

Пункт 2. Располагается северо-восточней, в 300 м от пункта 1. Объект представлен одним изображением орнитоморфного существа, напоминающего птицу, размах крыльев которой ок. 12–15 см. Рисунок выполнен ярко-красной охрой и сохранился благодаря своему наклонному расположению. Подход к пункту достаточно сложный из-за скальных обвалов у подножия массива (рисунок 6). Головка у птицы мало выражена и настроена вверх, крылья подогнуты. Птица находится как бы в состоянии полета. Хвост похож на небольшой ромбовидный выступ. Изображение напоминает луну в соответствующей ей фазе. Рисунок был обнаружен студентами Забайкальского государственного университета в районе 2010–2015 гг.

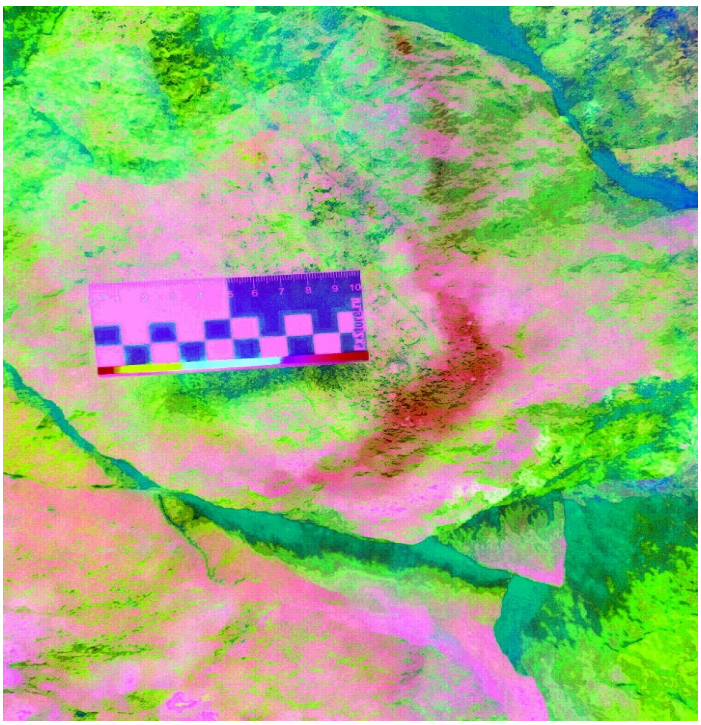


Рисунок 6. Орнитоморфное изображение

Академик А. П. Окладников относил подобные изображения птиц к селенгинской группе писаниц, характеризующейся наличием оградок, заполненных человечками, пятнами или птицами, а также автономно расположенных орнитологических фигур. По его мнению, подобные рисунки также могли иметь магико-охотничью значимость. Также птицы встречаются и в таежной группе, в лунообразном стиле, что соответствует изображению на Смоленских скалах [2, с. 66–72, 129].

Пункт 3. Объект располагается в 300 м западнее от пункта 1, на отдельно стоящем небольшом останце. Данное местонахождение было выявлено во время мониторинга в 2022 году. К сожалению, практически вся поверхность скалы обрушилась, из-за чего, по всей видимости, сохранился лишь один невыразительный фрагмент изображения, напоминающий небольшое заостренное пятно, выполненное ярко-красной охрой. Не исключено, что основная масса рисунков находится под завалами валунов, уже покрывшихся толстым слоем дерна.

На сегодняшний день писаницы Смоленских скал не датированы. Это связано прежде всего с тем, что на памятнике не велись археологические раскопки. Однако с помощью корреляции рисунков Смоленских скал с памятниками соседних территорий можно прийти к некоторому предположению касательно возраста писаниц. Если

рассматривать некоторые фигуры отдельно, то выйдет следующая картина. А. П. Окладников склонялся к тому, что изображение оленя характерно для селенгинской традиции, что соответствует ранней эпохе бронзы (вторая полов. 2 тыс. до н. э.), правда, стиль изображений оленей данной традиции несколько специфичен и близок скорее к культуре плиточных могил, чем к изображению на Смоленских скалах [2, с. 77, 89]. Согласно исследователю, олени наиболее широко распространены в таежной (лесной) традиции забайкальских писаниц. Как правило, рисунки данной группы находятся в неприветливых таежных областях. Подобные изображения встречаются, например, на писанице Судунтуй, на которой присутствует олень (скорее всего олениха) без рогов, с точки зрения анатомии похожий манерой выполнения на изображение на Смоленских скалах. А. П. Окладников выявляет некоторую схожесть изображений оленей между селенгинским и таежным стилями в способах передачи тела, но в очень редких случаях. Это объясняется сосуществованием обеих традиции на определенном историческом этапе [2, с. 129–133, 220]. А. И. Мазин полагал, что оленеводческие сцены возникли на территории Забайкалья в эпоху неолита (нач. 2 тыс. до н.э.), также как и клиновидные фигурки человечков. Оленеводческий стиль, согласно трактовке ученого, является составной частью таежного стиля, возникшего не ранее 5 тыс. до н. э. В рамках таежного стиля, до выделения из него оленеводческого и охотничьего, также присутствовали фигуры оленей, только по всей видимости, автономно от сцен охоты [8, ч. 81–88]. Из этого следует, что возраст данных рисунков может варьироваться от эпохи неолита – эпохи бронзового века (нач. 2 тысяч. до н.э. – 1 тыс. до н. э.).

Таким образом, писаницы на Смоленских скалах – крайне интересный археологический памятник, имеющий большой потенциал с точки зрения дальнейших исследований. В общей сложности на Смоленских скалах выявлены три пункта с древними рисунками. Основной пункт (пункт 1) находится в хорошем состоянии за исключением некоторых фигур. Второй пункт также сохранился благодаря своей труднодоступности. Третий пункт, скорее всего, был утрачен в результате обвалов скальной породы. Только дальнейшие исследования позволят более четко определить возраст и трактовку писаниц.

Список источников и литературы

1. Верещагин С. Б., Пуховской Д. А. Смоленские скалы // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 365 с.

2. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья в 2-х ч. Ч. 2., Л.: Наука, 1970. 264 с.

3. Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 259 с.

4. Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1994. 262 с.

5. Константинов А. В., Пономарева И. А. Новая таежная писаница Забайкалья: на перекрестках времени и пространства // Гуманитарный вектор. Т. 14. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 15–27.

6. Ячменев О. Ю. Антропоморфные фигуры в наскальном искусстве Восточного Забайкалья (Забайкальский край) // Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кызыл, 22–24 сентября 2022 г. / отв. ред. К. А. Бичелдей, П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2022. С. 203–207.

7. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

8. Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.

Сведения об авторе

Ячменёв Олег Юрьевич – студент, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия.

Власенко Дмитрий Евгеньевич – студент, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия.

Сведения о рецензенте

Борисевич Екатерина Алексеевна – младший научный сотрудник Центра археологических исследований, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: ek.razheva.novsu@mail.ru.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

УДК 271.2-788:271.2-284

ЖЕНСКИЙ ЧИН ПОСТРИГА В ВЕЛИКУЮ СХИМУ В СТАРОПЕЧАТНОЙ МОСКОВСКОЙ ТРАДИЦИИ И В РУКОПИСЯХ

Архипов М. А.

Санкт-Петербургская духовная академия
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: english98_98@mail.ru

A FEMALE RANK OF SHEARING IN THE GREAT SCHEMA IN THE OLD PRINTED MOSCOW TRADITION AND IN MANUSCRIPTS

Arkhipov M. A.

Saint Petersburg Theological Academy
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: english98_98@mail.ru

Аннотация. В дониконовской богослужебной традиции существовало множество различных чинов, которые частично были упразднены патриархом Никоном. Одним из таких чинов является чин пострига женщин в великую схиму. Данный чин был свойственен не только рукописной традиции, но и старопечатной московской. В литургической науке это чинопоследование привлекало внимание различных ученых, но никто не ставил первостепенной задачей выяснение того, какие рукописные редакции были положены в основу данного чинопоследования в старопечатных книгах. Цель данной статьи заключается в соотнесении рукописной традиции и старопечатной московской для выявления возможных источников появления данного чина пострига в печатной традиции Москвы.

Ключевые слова: женский постриг, великая схима, старопечатная московская традиция, патриарх Никон, Потребник (1623).

Abstract. In the pre-Nikonian liturgical tradition, many different ranks are widespread, which were partially abolished by Patriarch Nikon. One of these ranks: the rank of tonsure women in the great schema. This rank was characteristic not only of the handwritten tradition, but also of the early printed Moscow. In liturgical science, this rite attracts the attention of various scholars, but no one has set a power problem, what initial editions were taken as order of service in old printed books. The purpose of the article is to provide results in accordance with the introduction of the handwritten tradition and the early printed Moscow tradition, for the probability of source based on the outcome of a given tonsure printing Moscow tradition.

Keywords: female tonsure, great khimah, early printed Moscow tradition, patriarch Nikon, Potrebnik (1623).

Введение

До никоновской богослужебной традиции существовал чин монашеского женского пострига. Этот чин имел отличительные особенности от того же пострига, но только мужского. До революции данным чинопоследованием занимались прот. Константин Никольский, Н. Ф. Красносельцев, свящ. Василий Прилуцкий, еп. Иннокентий (Борисов). Эти ученые рассматривали вышеупомянутое чинопоследование, отделяя рукописную традицию от старопечатной. Они не отождествляли ни одну из рукописных традиций с последованием, которое стало публиковаться в печатных требниках. Не так давно Т. И. Афанасьева в соавторстве с Т. Либер опубликовала статью по данному чинопоследованию, где рассматривается несколько рукописных памятников для выявления форм женского пострига, которые существовали на Руси и на Балканах. Цель данной статьи заключается в соотнесении рукописной традиции и старопечатной московской для выявления возможных источников появления данного чина пострига в печатной традиции Москвы.

Источники и историография

Перед тем как перейти к сравнению чинопоследований, следует сказать о том, где они находятся.

По рукописной традиции Т. И. Афанасьева рассматривает чинопоследование по двум памятникам: РНБ ОР Гильф. 21 и РНБ ОР Сол. 1086/1195 [1. с. 83–90]. Первый памятник РНБ ОР Гильф. 21 – Требник, датируемый кон. XIII – нач. XIV в. Т. И. Афанасьева считает, что данная рукопись восходит к богослужебным переводам книжников свт. Саввы Сербского. Второй памятник – тоже Требник, но время его создания датируется кон. XV в.

По старопечатной традиции следует привести первый печатный Потребник (1623). Н. Ф. Красносельцев, проводя свое исследование, использовал более поздние издания потребника [2, с. 136].

Сравнение чинопоследований

В Таблице приводится сравнительная схема чинопоследований

Таблица. Сравнение чина пострига инокини в великую схиму по РНБ ОР Гильф. 21, РНБ ОР Сол. 1086/1195 и Потребник (1623)

<table>
<tr><th>РНБ ОР Гильф. 21
[3, л. 37–50 об.]</th><th>РНБ ОР Сол. 1086/1195
[4, л. 123-146]</th><th>Потребник (1623)
[5, л. 488–530 об.]</th></tr>
<tr><td colspan="2">После окончания утрени-седалены</td><td>По отпусту утрени, монахини идут в келью, в которой находится собирающаяся принять постриг; поют седален</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">Свящ.: Благословен Бог наш…
Трисвятое по Отче наш. Приидите поклонимся, 3 раза.
50 пс.
Канон, глас 2.
По 3й песни: седален глас 4 подобен: Скоро предвари: Хотящим приити рече Господь вслед мене…
По 6й песни: кондак глас 1: Объятия отча…</td></tr>
<tr><td colspan="3">Игумения берет руку постригаемой и введет в притвор,
где все приготовлено для чина умовения ног.</td></tr>
<tr><td colspan="3">Все сестры идут туда со свечами и поют стихиры:
Последуем сестры благому Владыце …
Слава и ныне.
Грешных молитвы приемлющи…</td></tr>
<tr><td colspan="3">Три антифона</td></tr>
<tr><td colspan="3">Мирная ектения</td></tr>
<tr><td colspan="3">Молитва: Господи Преблагий неприступный божеством…</td></tr>
<tr><td colspan="3">Главопреклоная молитва:
Владыко Господи славы, показавый нам меру смирения…</td></tr>
<tr><td colspan="3">Две перекопы из Евангелия от Иоанна (Ин. зач. 44 и 45)</td></tr>
<tr><td colspan="3">Игумения надевает «поняву», затем вливает воду в умывальню и омывает ноги той, которая хочет принять постриг. Игуменья поет стихиру глас 4:
Умый ми нозе честная мати…
Со стихами.</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th>РНБ ОР Гильф. 21
[3, л. 37–50 об.]</th><th>РНБ ОР Сол. 1086/1195
[4, л. 123-146]</th><th>Потребник (1623)
[5, л. 488–530 об.]</th></tr>
<tr><td colspan="3">Слава и ныне.
Имуще тя Богородице упование…</td></tr>
<tr><td colspan="3">Тропари и богородичны</td></tr>
<tr><td colspan="3">Игуменья и сестры умывают лица водой от умовения ног</td></tr>
<tr><td colspan="3">Поют тропари пятой песни канона утрени Великого Пятка</td></tr>
<tr><td colspan="3">Начинается Литургия</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="6">Поют три особых антифона</td><td>Изобразительные антифоны</td></tr>
<tr><td>Блаженны на 6</td></tr>
<tr><td>Вход с Евангелием</td></tr>
<tr><td>Тропари по уставу.
И ныне кондак глас 1:
Объятия отча…</td></tr>
<tr><td>Поются особые три антифона.
На третьем антифоне постригаемую приводят к Царским вратам.</td></tr>
<tr><td>Поется стихира глас 4:
Приидите ко мне вси труждающеися…
Слава и ныне.
Иже тебе ради богоотец пророк Давид…</td></tr>
<tr><td colspan="3">Вопросы от священника, такие же как и в мужском чине пострига</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">Оглашение: Блюди сестро, какова обетования даеши Владыце Христу…</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">Дополнительные вопросы</td></tr>
</table>

РНБ ОР Гильф. 21 [3, л. 37–50 об.]	**РНБ ОР Сол. 1086/1195 [4, л. 123-146]**	**Потребник (1623) [5, л. 488–530 об.]**
	Священник знаменует голову постригаемой 3 раза, после чего она падает на землю до окончания молитвы главопреклонения.	
	Священник в слух читает молитву: Сый Владыко вседержителю… Ножницы кладут на Евангелие. Священник: Мир всем. Молитва главопреклонения: Святый Господи сил, Отче Господа нашего Иисуса Христа…	
	Священник поднимает постригаемую за правую руку. Оглашенная творит метания и целует Евангелие. Священник указывает на Евангелие и вопрошает: Се Христос невидимо зде предстоит блюди… Ответ: Ей честный отче от изволения и пообещанию. Священник: Возми ножница и даждь ми я. Постригаемая поднимает ножницы и отдает игумении. Священник: Се от руки Христовы вземлеши я… Священник берет ножницы от игумени. Возглас: Благословен Бог хотящий всем человеком спастися… Стрижет волосы крестообразно: Сестра наша имярек, постригает власы главы своея… Господи помилуй 3 раза	
Постригают волосы сестры в диаконнике и поют 17 кафизму		
		Великая ектения с прошениями за новопостриженную
		Трисвятое
		Прокимен глас 3. Господь просвещение мое и спаситель мой…

РНБ ОР Гильф. 21 [3, л. 37–50 об.]	**РНБ ОР Сол. 1086/1195 [4, л. 123-146]**	**Потребник (1623) [5, л. 488–530 об.]**
		Апостол сначала дневной потом Кол. зач. 258
Чтение Евангелия дня		Евангелие дня, потом от Мф зач. 39
Приводится постригаемая в храм. Поются еще антифоны. Она идет до амвона. Потом она поднимается на амвон. Пресвитер ее заводит в алтарь.		
	Поются стихиры на облачение	
Происходит облачение в алтаре		
В этот момент поется стихира		
Священник читает молитвы из мужского чина пострига		
Поются стихиры женам		
Вне Царских Врат становится постриженная, рядом с ней становится диакон с Евангелием. Она целует Св. Писание, затем игуменя, а потом и все сестры		
	Поется стихира	
Далее Литургия идет по чину		
По окончании Литургии сестры ведут новопостриженую в трапезную и поют стихиры.		
		Пс. 144
По окончании трапезы		
По окончании трапезы возвращаются в церковь и поют 24 стихиры прп. Андрея Критского. Перед этим в трапезной поются ины стихиры. Одна	После трапезы, по пути в храм поется стихира, глас 4: Господи, Господи, призри с высока жилища Твоего…	

РНБ ОР Гильф. 21 [3, л. 37–50 об.]	**РНБ ОР Сол. 1086/1195 [4, л. 123-146]**	**Потребник (1623) [5, л. 488–530 об.]**
из которых: Господи, Господи, призри с высока жилища Твоего…		
	В храме поется другая стихира	
	На восьмой день священник читает молитву на снятие куколи	
	Молитва: Многомилостиве Господи, даровавый рабе своей имярек восприяти ради ангельскаго образа куколь…	
	Главопреклонная молитва: Иже огненней главе вещественную главу…	

Из приведенной таблицы видно, что есть некоторые различия между рукописной традицией и дониконовской печатной традицией требника. Особенности печатной традиции находятся в части Литургии: изобразительные антифоны, блаженны, далее следуют тропари и кондаки по уставу, на «И ныне» кондак глас 1 «Объятия отча…». Также есть вторая Великая ектения с особыми прошениями за новопостриженную. Также, кроме рядовых апостольских и евангельских чтений, присутствуют и свои собственные чтения: Кол. зач. 258, Мф зач. 39. Во время шествия в трапезную поется 144 пс.

Данные особенности печатной традиции связаны с перениманием из чина мужского пострига всех вышеупомянутых особенностей. При этом сохранилась своя особенность чинопоследования пострига женщин – чин омовения ног.

Данный чин по своей сути не изменился, за исключением добавления канона из мужского пострига в Великую схиму в кон. XIV в.

Татьяна Игоревна, описывая рукописную традицию, приходит к выводу о том, что практика XI–XII вв. приблизительно в XIII в. приходит к упадку, к концу XIV в. предпринимается попытка возобновить данное чинопоследование [1, с. 89–90]. Данная тенденция, как было выше сказано, была продолжена и при создания первого старопечатного Требника.

Выводы

Из всего вышесказанного следует, что в основу печатной традиции была положена предыдущая редакция данного чинопоследования РНБ ОР Сол. 1086/1195, которую выявила Т. И. Афанасьева. А также продолжилась тенденция унификации чинопоследования, в виде заимствования некоторых элементов из мужского чина пострига в Великую схиму.

Какие вопросы для дальнейшего исследования необходимо поставить:

1. Использовался ли данный чин пострига во времена составления первого печатного издания в Москве?
2. Можно ли считать, что это была попытка «реанимации» данного чинопоследования, подобно тому как это было сделано в конце XIV в.?

Список источников и литературы

1. Афанасьева Т. И., Либер Т. Женский постриг и женское монашество в Древней Руси и на Балканах // Slověne. 2020. Vol. 9, № 1. С. 81–109.

2. Красносельцев Н. Ф. К истории православного богослужения по поводу некоторых церковных служб и обрядов ныне не употребляющихся. Казань: Типография Императорского университета, 1889. 246 с.

3. Требник. Кон. XIII – нач. XIV в. РНБ ОР Гильф. 21. URL: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=3D2251EC-7BF9-4181-8DA9-BF4830E9798D (дата обращения: 20.02. 2023).

4. Требник. Кон. XV в. РНБ ОР Сол. 1086/1195. URL: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=E792CCF4-5DCD-4D35-8129-79F4C3D2AC1A (дата обращения: 20.02.2023).

5. Требник. М.: Печатный двор, 1623. 783 л.

Сведения об авторе

Архипов Максим Александрович – студент, Санкт-Петербургская духовная академия, Санкт-Петербург, Россия.

Сведения о рецензенте

Крапчунов Даниил Евгеньевич – кандидат философских наук, и. о. директора Гуманитарного института, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: daniil.krapchunov@novsu.ru

УДК 2-9:2-664.3:271.2

ПРОБЛЕМА СИНКРЕТИЗМА БОГА ВОЛОСА-ВЕЛЕСА СО СВЯТЫМ ВЛАСИЕМ

Гай С. Д.

Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск, Россия)
E-mail: sergey_guy0403@mail.ru

THE PROBLEM OF SYNCRETISM OF THE GOD VOLOS-VELES WITH SAINT VLASIUS

Gai S. D.

Udmurt State University
(Izhevsk, Russia)
E-mail: sergey_guy0403@mail.ru

Аннотация. После крещения Древняя Русь испытала давление христианской культуры, вследствие чего образы почитаемых божеств претерпели изменения. Они демонизировались или слились с христианскими святыми. Такой процесс культурной адаптации называется синкретизмом. Настоящая статья посвящена проблеме синкретизма древнерусского языческого бога Волоса/Велеса с христианским святым Власием. Сравнивая проводимые народом обряды, территории почитания, сакральные функции, автор приходит к выводу о связи языческого бога и пришедшего после крещения святого.

Ключевые слова: Древняя Русь, синкретизм, язычество, христианство, Волос-Велес, св. Власий.

Abstract. After baptism Ancient Rus experienced the pressure of Christian culture, in consequence image of worshiped gods changed. they demonized or fused with Christian saints. This process of cultural adaptations is called syncretism. This article is devoted to problem of syncretism of Volos as god of Ancient Rus with Vlasy as Christians saint. Author comes to the conclusion about connection pf pagan's god Volos/Veles with saint Vlasy thanks to the comparison of folk rituals, territories of veneration and sacral functions.

Keywords: Ancient Rus, syncretism, pagan, Cristian, Volos-Veles, Sn. Vlasy.

Мифологическое, зачастую доиндустриальное миропонимание основывается чаще всего на природном факторе, особенностях ландшафта. Еще в 19-м веке Л. Фейербах сказал, что «религия есть тождественное с сущностью человека воззрение на сущность мира и человека» [1, с. 22]. Исходя из тех условий, в которых происходило становление определенного народа, у него складывается уникальная, самобытная система восприятия окружающего мира. Наблюдаемые и

мифологизированные явления одного народа могут не находить отражения в мифологии других народов из-за отсутствия контакта с тем или иным явлением. Стоит признать, что каждая природная зона по-своему уникальна, и поэтому каждый народ имеет собственное миропонимание. Что нередко находит отражение в местных языческих верованиях.

Однако между этносами на протяжении исторического пути идет культурный обмен. И одна культура может впитать в себя части другой, дополнив или заменив уже существующие элементы. Такое соединение фрагментов или элементов разнородных учений религиозного, антропологического или космологического характера называется **синкретизмом**. [2].

Такой синкретизм можно наблюдать и в Древнерусской истории. Древнерусская цивилизация, находясь на стыке разнообразных культур, претерпела влияние от языческих верований финно-угорских, балтийских, индоиранских племен, от ислама Волжской Булгарии, иудаизма Хазарского Каганата, христианства Византии и государств Европы. Вследствие этого культурного обмена древнерусская мифология имеет множество заимствований, приспособленных под окружающую их социальную и природную среду.

Проследить такую синкретическую связь русской культуры с культурой соседей можно, рассмотрев соотношение образов Волоса/Велеса и святого Власия Севастийского.

Славянский бог **Волос** является покровителем скота, как говорится в ПВЛ – «скотьим богом» [3, с. 52]. Под «скотьим богом» подразумевался так же бог богатства [4, с. 427], счастья, везения [5, с. 47], урожая и земледелия [6, с. 14–16]. Наравне с Перуном им клялись для заключения договоров [3, с. 52]. Причем кара за нарушение клятвы Волосом звучала так: «будем золоты, якоже золото се» [3, с. 52], А. Гейштор связывает эту клятвы с болезнью золотухой, он считает, что нарушение клятвы Волосом влекло болезненные мучения. Получается, Волос так же отвечал и за здоровье человека [7, с. 126]. В «сказании о построении града Ярославля» прослеживается так же и грозовая, погодная функция бога: местные язычники, чтобы вызвать дождь, молились Волосу. В «Слове о полку Игореве» баснописец Боян нарекается «Велесовь внуче», то есть Велес выступает покровителем творчества, поэзии [7, с. 127–128].

Святой Власий – христианский великомученик, проповедовал в 3–4-м веках н. э. в городе Севастии, римской провинции Кападокия,

находящейся в Малой Азии. Власий был медиком, он исцелял христиан, помогал мученикам. Когда начались христианские гонения, он ютился в горах, причем дикие животные его не трогали, а ждали, когда он выйдет, исцелит и благословит их. Когда местный правитель Агриколай приказывает доставить Власия, тот на своем пути совершает чудеса: 1) помогает женщине, спасая, с помощью молитвы, ее единственного сына, поперхнувшегося рыбьей костью; 2) встретив вдову, у которой волк украл поросенка, Власий помолился, и наследующий день волк принес в зубах невредимым этого поросенка [8, житие 144].

Святой Власий – ярый противник язычества: его последователи скидывают идолов, а для укрепления позиций своей веры он проходит испытание водой: у христианина Власия получается ходить по воде, а язычники тонут. Так же мы видим, как в «жертву», дабы почтить память святого, Власию закалывают поросенка. Отчетливо прослеживается, что святой Власий являлся покровителем здоровья и скота. А. Гейштор отмечал, что «во всей европейской народной культуре именно этому святому достался патронат над живым инвентарем крестьянского хозяйства» [7, с. 129]

Соотношение св. Власия с древнерусской историей.

1. Владимир Святославич был крещен в Корсуни в церкви святого Василия, а по другим данным, Владимир крестился в городе с говорящим названием Васильев [3, с. 77]. При крещении князь был наречен именем святого.

2. В ПВЛ написано: «И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумири – Перунъ и прочии, идеже требы творяху князь и людье» [3, с. 81]. То есть Владимир после крещения устанавливает церковь своего покровителя Власия на месте главного политеистического капища. Однако стоит заметить, что церковь устанавливается на холме, а капище Волоса находилось на Подоле.

3. В Великом Новгороде существует церковь святого Василия на Волосовой улице. Первое упоминание о ней восходит к 1111 году, и В. Л. Янин предполагает, что церковь была основана на месте бывшего языческого капища [9, с. 38]. Такой же точки зрения придерживается и И. Я. Фроянов, называя Власия Севастийского «двойником языческого Волоса-Велеса» [5, с. 89].

4. После основания Ярославля и свержения идолов Волоса, на месте бывших капищ стал помирать скот. Тогда местный пресвитер посоветовал поставить храм Святого Власия Севастийского, «яко сей угодник Божий

вельми силен своим ходатайством к Богу разорити наветы диавола и сохранити скотие людей христианских» [10].

5. Святой Власий являлся покровителем скота, ему читали определенные молитвы, например: «Св. Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли – играли, а с поля шли – скакали» [11, с. 345].

6. Образ святого Власия являлся элементом обряда по излечиванию скота. Так, в Вологодской губернии для изгнания коровьей смерти поселянки приносили в церковь масло, называвшееся воложным, клали его перед образом св. Власия, приводили к церкви коров и окропляли их святой водой. Также во время падежа скота без священника с иконой святого Власия обходили связанных по хвостам овцу, барана, лошадь и корову, а после гнали их за село и припевали: «Мы камнями побьеми землей загребем, землей загребем – коровью смерть вобьем, вобьем глубоко, не вернешься в село» [12, с. 50].

7. В Новгородских рукописях встречается упоминание «мой скот, Власьев род» [13, с. 120].

В целом мы видим, что в культуру Древней Руси святой Власий после крещения вошел основательно. Ему возводятся церкви, читаются молитвы. Однако что же послужило почвой его удачному укреплению на русских землях?

А. Брюнкер, И. Я. Фроянов считали, что св. Власий после крещения заменил Волоса, переняв часть его функции покровителя плодородия и богатства [5, с. 89; см. 6, с. 22]. Причем Фроянов, Гейштор относили Волоса к богам, почитаемым именно на северо-западных русских землях [5, с. 89; 7, с. 129–130].

В свою очередь Г. Ловмянский, В. Мансикка, Л. С. Клейн считали, что восточные славяне познакомились с образом святого намного раньше, еще во время славянского переселения [14, с. 88–91; 15, с. 212–217; 16, с. 56–57]. Когда славяне пребывали на дунайских землях, они узнали об этом Кападокийском покровителе урожая и переняли его культ. И постепенно его имя начинает трансформацию из Власия в Власа и наконец в Волоса [14, с. 88; 16, с. 56–57]. Также Клейн, Мансикка и Ловмянский разделяли Волоса и Велеса. Волоса, в отличии от Велеса, они относили к богу, почитаемому у южных славян, которые имели непосредственный контакт с Византийскими землями.

Следовательно, имеются две точки зрения: первая – Святой Власий стал прообразом Велеса, и вторая – в русской мифологии Святой Власий

только после крещения пришел на место уже сложившегося, самобытного образа языческого бога Волоса.

Следует отметить, что прообраз Волоса уходит в глубокую древность. Еще Иванов и Топоров в концепции «единого мифа» находили корни русской мифологии в индоевропейских верованиях. Они сравнивали Волоса с ведическим змеем Валой – врагом грозового бога Индры [12, с. 46–82].

В таком случае нельзя утверждать, что бог Волос имеет в своих предках исключительно Власия Севастийского. Однако, сравнивая их функции и культы в обществе, можно сказать, что св. Власий оказал влияние на формирование образа Волоса. Но, рассматривая синкретизм в период крещения Руси, надо отметить, что Волос является уже сложившимся божеством, связь которого со святым Власием была очень тонкой и далекой. В тот момент, когда церкви святого Власия начинают заменять Волосовы капища, святой заменяет *чужого*, но близкого по функциям и по фонетике бога.

Также нельзя утверждать, что исключительно святой Власий являлся наследником языческого Волоса. Так, Б. А. Успенский пишет, что Волосу «соответствовали Никола, Власий, а также покровители лошадей Флор и Лавр» [17, с. 34]. О связи святого Николая, покровителя путешественников и купцов, говорит наличие с XIV века во Владимирском уезде Волосов Николаевского монастыря, который по преданиям был основан на месте бывшего языческого капища Волоса [17. с. 33]. Если в образе св. Власия мы видели покорителя в первую очередь скота, здоровья, то св. Николай отчетливо покровительствует богатству и достатку [8, житие 1076]. А как отмечалось выше, языческий Волос совмещал в себе все эти функции. Также в «сказании о построении града Ярославля» христианским оппонентом за вызов дождя Волосу выступает не Власий – покровитель скота, а пророк Илья – покровитель молний и грозы [10]. То есть синкретизм был многовекторным. От языческих богов, которые исполняли множество функций, он переходил к узкоспециализированным святым. Однако заметим, что Власий, в отличие от остальных святых, был фонетически ближе к Волосу.

К тому же стоит отметить, что источники о боге Волосе относятся исключительно к христианской эпохе и писали их уже авторы с христианским мировоззрением. Волос мог претерпеть изменения в описании из-за почитаемого образа Власия. Книжник, что необходимо учесть, старался демонизировать языческие культы и возвеличить христианство [18, с. 146]. Из-за этого в имеющихся источниках мы не

можем увидеть подлинный образ Волоса, а видим лишь искаженную, демонизированную версию святого Власия [6, с. 22].

Таким образом, можно утверждать, что связь между Волосом/Велесом и святым Власием, безусловно, есть. Святой, укрепившийся на русских землях после крещения, перенял от «скотьего бога» как раз его сакральные функции покровителя скота и здоровья. Но иные функции языческого бога, такие как удача, достаток, управление погодой переняли уже другие святые. Однако чаще всего волосовы капища заменяли именно храмы святого Власия, происходило это из-за фонетической созвучности и схожести обрядов, которые позволяли легче адаптироваться бывшим язычникам к новой христианской действительности.

Список источников и литературы

1. Фейербах Л. «Сущность христианства». М.: Мысль, 1965. 151 с.
2. Краткий религиозно-философский словарь URL: https://rus-religio-philosophical-dict.slovaronline.com/437-синкретизм (дата обращения: 14.02.2023).
3. Повесть временных лет (ПВЛ). Ч. 1 / подг. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 404 с.
4. Рыбаков Б. А. Язычество древних Славян. М.: Наука, 1994. 608 с.
5. Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. Во что мы верили и верим. М.: Родина, 2022. 336 с.
6. Писаренко Ю. Г. Велес-Волос в язичницькому світогляді давньої Русі. Київ: Інститут археології НАН України, 1997. 238 с.
7. Гейштор А. Мифология Славян. М.: Весь Мир, 2014. 384 с.
8. Святитель Димитрий Ростовский (Туптало), Жития святых. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/ (дата обращения: 14.02.2023).
9. Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. № 2, М., Л.: 1971. 32–61 с.
10. Сказание о построении града Ярославля. URL: https://istorija-yar.okis.ru/skazanie.html (дата обращения: 14.02.2023).
11. Максимов С. В. Нечистая, невѣдомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг,1903. 530 с.
12. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (Данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1973. Вып. 308. Труды по знаковым системам VI. С. 42–82.
13. Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб.: Типография Майкова, 1869. 164 с.
14. Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок. СПб.: Академический проект, 2003. 512 с.
15. Мансика В. Й. Религия восточных славян. М.: ИМЛИ им. А. М. Горского РАН, 2005. 368 с.

16. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. СПб.: Евразия. 2004. 480 с.
17. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 248 с.
18. Волков В. К. Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996. 463 с.

Сведения об авторе

Гай Сергей Дмитриевич – студент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия.

Сведения о рецензенте

Жуков Константин Власович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. Konstantin.V.Zhukov@novsu.ru

УДК 26-246/-247:2-135.2:2-725

СОЖЖЕНИЕ ВОЛХВОВ В АГИОГРАФИИ: ИСПЫТАНИЕ ВЕРЫ ОГНЕМ

Забирова А. С.

Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: st083713@student.spbu.ru

THE BURNING OF THE MAGI IN HAGIOGRAPHY: A TEST OF FAITH BY FIRE

Zabirova A. S.

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st083713@student.spbu.ru

Аннотация. В статье проанализированы жития Киприана и Иустины, Льва Катанского и Стефана Пермского. Целью исследования было рассмотреть, как выражается мотив сожжения волхва в этих житиях, и установить связь между символикой огня в христианской и языческой культуре и проблемой сожжения как способом выявления истины в религиозных вопросах. В ходе исследования было доказано, что жития объединены общей идеей: огонь обличает грешника, а праведники не горят. Данная концепция напрямую связана с защитными и очистительными функциями огня, которые приписывались ему в культурах разных народов и исследовались Дж. Фрэзером. В рассмотренных житиях испытание огнем выражалось либо в поединке между святым и волхвом (в житии Киприана и Иустины, житии Стефана Пермского), либо в наказании волхва сожжением за его преступления (в житии Льва Катанского). В первом случае святыми доказывалась истинность их веры, во втором случае огонь не только доказывал превосходство христианства над колдовством, но и нейтрализовывал зло, исходившее от волшебника (в чем прослеживается связь со средневековыми казнями ведьм).

Ключевые слова: агиография, волхвы, огонь, культурная символика, сожжение, испытание веры.

Abstract. The article analyzes the Lives of saints Cyprian and Justina, Leo of Catania and Stefan of Perm. The purpose of research was to consider how the motif of burning the magi is expressed in these Lives, and to establish a connection between the symbolism of fire in Christian and pagan culture and the problem of burning as a way to reveal the truth in religious questions. During the study, it was proved that the Lives are united by a common idea: fire exposes the sinner, and the righteous do not burn. This conception is directly related to the protective and purifying functions of fire, which were ascribed to it in the cultures of different peoples and were studied by J. Fraser. In the considered Lives, the test by fire was expressed either in a duel between the saint and the magus (in the Life of Cyprian and Justina, the Life of Stefan of Perm), or in the punishment of the magus by burning for his crimes (in

the Life of Leo of Catania). In the first case, the saints proved the truth of their faith, in the second case, the fire not only proved the superiority of Christianity over witchcraft, but also neutralized the evil that came from the magician (which is connected with the medieval executions of witches).
Keywords: hagiography, magi, fire, cultural symbolism, burning, test of faith.

Огонь имел сакральное значение в культурах и культах разных народов. И в дохристианских верованиях славян, и в Библии у огня есть две ипостаси – небесная, божественная и подземная, адская. В первую очередь огонь символизировал чистоту и солнечный свет. С ним связывали защитные, очистительные функции, с его помощью отгоняли злых духов, ведьм, нечисть. Огонь присутствовал на всех этапах в обрядах жизненного цикла [1, с. 513–517]. Через огонь перепрыгивали и проводили животных [2, с. 361]. Считалось, что огонь может помочь излечить болезнь, а поскольку зачастую причиной болезни считалось наведение порчи ведьмой, то проведение через огонь подразумевало разрушение колдовства (то есть целительство заключалось в избавлении от злого духа). Именно поэтому ведьм и колдунов было принято сжигать – считалось, что только так можно нейтрализовать злую сверхъестественную силу, которой они владели [2, с. 364–367].

Дж. Фрэзер, толкуя значение европейских праздников огня, выдвигал солярную и очистительную теории. Согласно первой, использование огня в обрядах символизировало попытку воздействия на солнечный свет [2. с. 357]. Подразумевалось, что огонь, символизирующий солнце, оказывает благоприятное воздействие на растительность и природу, а также указывает на существование связи между небесным и земным огнем.

В Библии огонь в первую очередь символизирует очищение от греха. Кроме того, огонь сопровождает богоявление, символизирует Божье присутствие, отражает Божий гнев. И как огонь очищает и разрушает, так и Бог очищает праведного и уничтожает нечестивого («потому что Бог наш есть огонь поядающий», Евр. 12:29). В «Словаре библейских образов» указывается, что огонь мог использоваться в религиозных обрядах. Например, в Книге Чисел (Чис. 31:22–23) огонь представлен инструментом обрядового очищения. Сожжения жертвоприношений могли иметь символическое значение: огонь символизировал желание Бога уничтожить грех и очистить Свой народ. Разрушительная, карающая, подземная ипостась огня связана с эсхатологическими представлениями [3, с. 711–713]. Огнем заканчивается мир, но если отождествлять огонь с Богом, то с него

мир и начинается, что, в свою очередь, отражает природный круговорот, закон вселенной.

Анализируя житие Киприана и Иустины, житие Льва Катанского и житие Стефана Пермского, я выявила ряд сходств и различий между ними. В первую очередь жития объединены темой огня. Во всех трех житиях христианин и язычник вступают в конфликт, который прямо или косвенно разрешается при помощи испытания огнем и водой, причем огонь выступает в качестве индикатора истинности, праведности (и, следовательно, правоты) одной из противоборствующих сторон.

Так, главная идея, доносимая житием Киприана и Иустины, заключается в том, что праведники, в отличие от грешников, не горят. Житие интересно тем, что изначально сам Киприан был волхвом – в детстве его родители отдали его на услужение богу Аполлону и с семи лет он учился у чародеев волхованию и «бесовским премудростям». По просьбе знатного юноши Аглаида Киприан соглашается с помощью колдовства влюбить в него благочестивую деву Иустину, пожелавшую быть невестой Христовой, но девушка одерживает верх над всеми бесовскими искушениями, после чего в сознании волхва происходит перелом, и он осознает всю ничтожность бесов, страшащихся крестного знамения и Христова имени. Этот эпизод отличает житие Киприана от других рассматриваемых мной житий. Киприан не только переосмысливает свою жизнь и веру, но и, одержав победу над злыми силами, обращается к христианству и искупает свой грех искренним раскаянием и усердным служением. Тем интереснее проявляется мотив сожжения в житии Киприана и Иустины. Как сообщается в житии, язычники жалуются правителю на епископа Киприана за хуление их богов и требуют его смерти. Однако, когда Киприана и Иустину погружают в кипящий котел, они остаются невредимыми. Язычник и волхв Афанасий, ставший свидетелем этого чуда, решает, что они «волшебники», и, чтобы доказать, что ничуть не уступает им в магической силе, сам входит в огонь. Однако, если епископ Киприан и благочестивая дева Иустина остались невредимыми, чем доказали истинность своей веры и свою праведность, то Афанасий сгорел.

Стоит также добавить, что две ипостаси огня – божественная и адская – вскользь упоминались и в других эпизодах жития. Так, когда бес насылает чары на Иустину, автор жития характеризует охватившую ее страсть как «бурю телесной похоти и пламя геенского огня» [4]. То есть в

бесовском колдовстве отражены черты адского огня. Когда же Киприан спрашивает у князя тьмы, почему тот не смог одолеть Иустину, князь нехотя отвечает, что бесы не могут смотреть на крестное знамение, потому что оно «как огонь опаляет их и прогоняет далеко». То есть в крестном знамении проявляются черты чистого божественного огня. Символически воспринимается и сожжение уверовавшим во Христа Киприаном всех бесовских книг. Осознав дьявольскую ничтожность и пожелав креститься, Киприан искренне раскаивается в своих прегрешениях и очищается от них, что выражается в сжигании магических книг, содержащих колдовское учение и воплощавших его грех.

В житии Льва Катанского имеет место обратная ситуация. Если язычник Киприан становится христианином, отвергнув колдовство и дьявольское учение, то волхв Илиодор изначально был сыном благочестивой христианки, но продал душу дьяволу, пожелав обладать магической силой. Он измучил всю Сицилию своими кознями и чародействами и в конце концов дошел до того, что начал устраивать беспорядки в церкви. Епископ Лев, убедившись в том, что увещеваниями нельзя исправить его, затащил волхва на костер и удерживал там до тех пор, пока Илиодор не превратился в пепел, а сам вышел из огня неопаленным, доказав свою праведность и превосходство своей веры над дьявольскими магическими трюками. Здесь также напрашивается сравнение между казнью Илиодора и средневековой практикой сожжения ведьм и колдунов: Лев Катанский затащил волхва на костер, чтобы разрушить его колдовство.

Образы епископа и волхва интересны своей символичностью. Так, и Лев, и Илиодор связаны с огненной стихией, что прослеживается на протяжении всего жития, однако воплощают они разные ее ипостаси. Лев Катанский воплощает божественный, очищающий, небесный огонь. Он восходит на костер и остается невредимым, он носит горящие угли в поле своего гиматия, кадя и не опаляясь, автор говорит о его «сродственном ангелам блеске» и уподобляет совершаемые им чудеса солнечным лучам (а солнце напрямую связано с образом божественного огня). Илиодор же связан с подземным, разрушительным, адским огнем. Он грозится «разом поджечь и погубить весь город», сведя на его жителей этнийский огонь, он «разжигает дочерей знатных и славных людей жалом неодолимого сластолюбия», он гасит огонь во всем городе, оскорбленный плюнувшей ему в лицо женой чиновника Ираклида, и наконец, «как наследник огня»

(что подчеркивается автором несколько раз), заведенный епископом Львом на костер, Илиодор превращается в пепел, отправившись «в огонь бесконечный» [5].

В житии Стефана Пермского епископ прямо договаривается с волхвом об испытании веры огнем и водой, поскольку в споре им так и не удалось убедить друг друга аргументами. Они решают: «Чья вера будет правой, тот целым выйдет, невредимым, и ему все в дальнейшем подчинятся» [6]. Однако, когда пришло время войти в огонь, волхв, «испугавшись шума огненного», отказался это сделать, и тогда Стефан схватил его за одежду и поволок на костер силой. Но, трижды принуждаемый к исполнению уговора, волхв так и не осмелился войти в распалившееся пламя. П. Ф. Лимеров пишет, что подобная схема устройства сюжетной ситуации известна и в современной Епифанию Премудрому (автору жития) византийской полемической литературе, и в качестве примера приводит «Беседу с папским легатом Павлом» Иоанна Кантакузина, где один из полемистов – император завершает свою аргументацию тем, что предлагает оппоненту развести костер и вместе войти в него [7, с. 43].

Поскольку взойти на костер Стефан Пермский и Пан должны были вместе, мотив сожжения волхва здесь проявляется в поединке, который воспринимается участниками с позиций их мировоззрений – здесь прослеживается сходство с житием Киприана и Иустины. Если для Пана-сотника намеченный поединок – это состязание в магии (как для волхва Афанасия), то для Стефана – выражение доверия к Божьей воле и возможность доказать истинность учения Христа (как для Киприана и Иустины). Однако «поединок» так и не состоялся, поэтому в житии Стефана Пермского остается некоторая недосказанность. Чем должно было закончиться испытание веры для волхва, мы уже видели на примере двух других житий.

Таким образом, в ходе исследования было доказано, что жития объединены общей идеей: огонь обличает грешника, а праведники не горят. Данная концепция напрямую связана с защитными и очистительными функциями огня, которые приписывались ему в культурах разных народов и исследовались Дж. Фрэзером. Также это подтверждается примером трех отроков из Книги пророка Даниила [3, с. 711] и примером воина Никиты Готского [8, с. 21–22], сожженных за веру, но не сгоревших, подтверждается и испытанием оклеветанных Петра

Севастийского и его жены, доказавших свою невиновность тем, что, держа в одежде горящие угли, они оставались невредимыми [9, с. 51].

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что в рассмотренных житиях испытание огнем выражалось либо в поединке между святым и волхвом (в житии Киприана и Иустины и в житии Стефана Пермского), либо в наказании волхва сожжением за его преступления (в житии Льва Катанского). В первом случае святыми доказывалась истинность их веры, во втором случае огонь не только доказывал превосходство христианства над колдовством, но и нейтрализовывал зло, исходившее от волшебника (в чем прослеживается связь со средневековыми казнями ведьм).

Список источников и литературы

1. Белова О. В., Узенева Е. С. Огонь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 513–519.

2. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Т. 2. М.: Терра–Книжный клуб, 2001. С. 496.

3. Словарь библейских образов / под общей ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб.: Библия для всех, 2005. 1426 с.

4. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. II. Месяц октябрь. С. 37–74.

5. Афиногенов Д. Е. Пространное житие святителя Льва Катанского // Scripta Antiqua. 2011. Т. 1. С. 415–430.

6. Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1897. 112 с.

7. Лимеров П. Ф. Пан-сотник: художественный образ в становлении идентичности коми литературы // Уральский исторический вестник. 2016. №1 (50). С. 40–48.

8. Истрин В. М. Апокрифическое мучение Никиты. Одесса: Экономическая типография, 1899. 97 с.

9. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. V. Месяц январь. С. 5–58.

Сведения об авторе

Забирова Амира Сергеевна – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Сведения о рецензенте

Жуков Константин Власович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: Konstantin.V.Zhukov@novsu.ru

УДК 7.046:25:27-31

ДИОНИСИЙСКИЙ КУЛЬТ И ЕГО СВЯЗЬ С ОБРАЗОМ ИИСУСА ХРИСТА В РАМКАХ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Капитонов М. С.

Стерлитамакский филиал Уфимского Университета науки и технологий
(г. Стерлитамак, Россия)
E-mail: max.kapitonov@mail.ru

DIONYSUS CULT AND ITS RELATIONSHIP WITH THE IMAGE OF JESUS CHRIST IN THE FRAMEWORK OF COMPARATIVE MYTHOLOGY

Kapitonov M. S.

Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology
(Sterlitamak, Russia)
E-mail: max.kapitonov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу базовых инвариаций образа библейского Христа и культа греческого бога Диониса. Приводимые в статье параллели рассматривается как совокупность лишь внешних связей, обусловленных культурной средой, в противовес сущностным внутренним различиям. При изучении данного вопроса были использованы материалы мифологического, этнографического и историографического характера.
Ключевые слова: Дионис, Иисус Христос, культ, бог, сравнительная мифология.

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the external parallels of the image of the biblical Christ and the cult of the Greek god Dionysus. The parallels cited in the article are considered as a set of only external relations due to the cultural environment, as opposed to essential internal differences. When studying this issue, materials of a mythological, ethnographic and historiographic nature were used.
Keywords: Dionysus, Jesus Christ, cult, god, comparative mythology.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью учета психологической и культурной специфики исторических связей, которые фиксируют иерархию ценностей в конкретном обществе и служат концептуальным обоснованием поведения отдельного взятого индивида. Особенно важным это становится в условиях глобализации. В этом дискурсе особое место занимает сравнительная мифология, призванная не только сопоставлять мифы, традиции и верования разных культур, но и

служить их упорядочиванию, систематизации и интерпретации с позиций научного историзма.

В статье проводится анализ базовых образов библейского Христа и греческого Диониса, позволяющий определить связь данных фигур с обществом, в котором заключается в определяющем значении мифологическое мышление, служащее базисом для всех остальных форм культуры. Нечто подобное можно увидеть и сегодня с той разницей, что на место классического мифа становится социально-политическая мифология. Именно мифология через средства массовой информации задает базовые паттерны человеческого поведения, служит матрицей общественно-приемлемых идей, ценностей, ориентиров.

Сравнительная мифология как наука зарождается в XIX веке. В ее основе лежит предположение о близости мифов разных культур, выстраивании сюжетов на почве единых архетипов. Так, например, у многих народов имеется миф о всемирном потопе, что находит отражение как в истории Ноя в Торе, так и в шумерском эпосе о Гильгамеше. Не менее популярной является идея умирающего, а затем воскресающего бога. Наиболее часто она встречается в ближневосточных сюжетах и объединяет таких богов, как Гор, Христос, Митра, Осирис и Дионис [1, с. 36–37]. Однако, несмотря на внешнее сходство структур многих мифологем, зачастую их внутреннее содержание выполняет разные функции.

Особый социокультурный интерес представляет сравнение образов христианского Бога-Сына и греческого бога Диониса. Они оба были рождены от верховного бога и смертной женщины, причем нетрадиционным путем – рождению Христа предшествовало непорочное зачатие от Святого Духа, а Дионис был вырезан из утробы матери и вшит в бедро Зевса.

Однако их появление на свет служило разным целям. Если мать Христа была избрана Богом-Отцом для рождения сына за благочестие, то рождение Диониса не было первоначальной волей Зевса, он лишь возжелал Семелу. Таким образом, рождение Христа происходит в рамках христианской легенды о непорочном зачатии, в то время как появление на свет Диониса считается плодом прелюбодеяния и обмана собственной жены. Приход в мир Христа был задуманным актом божественного послания людям. Дионис же возник в результате сиюминутной прихоти и, в отличие от Христа, являвшегося частью Святой Троицы, даже не входил в сонм олимпийских богов.

Несмотря на различное положение в божественной иерархии, им нередко доводилось выполнять схожие роли. Они были учителями и обладали даром врачевания душ. Дионис представляется спасителем и тела, и души, поскольку посредством вина прогоняет заботы и страдания из сердца человека и сообщает телу здоровье и крепость [2, с. 410–411]. Тем не менее, в деятельности Диониса главная трансформация затрагивает положение и состояние души. Так, почитатели Диониса, употребив вина, входили в экстатическое состояние при помощи танцев под звуки музыки. При этом они ощущали единение с богом в кульминации, когда участники рвали на части жертвенное животное и ели его сырое мясо, веря, что в нем воплощен бог. Считалось, что через это ритуальное действо единения бог Дионис входит в празднующих.

В рамках христианского вероучения Иисуса Христа также называют спасителем, но уже трех составляющих человека – духа, души и тела. Во время его земного пребывания, а после и посредством божественной жертвы, последователи Христа получали телесное исцеление от болезней. Но все-таки центральное значение в евангельском учении занимает идея спасения души. Человек, приходя к Христу, получает не чувственное блаженство, то есть экстаз, а освобождение души от тягот греховных пут и, как следствие, радость спасения. В отличие от ситуативного ритуала эту же новую жизнь человек несет в себе всю оставшуюся жизнь, несмотря на тяжесть божественной воли.

Одним из наиболее распространенных примеров сравнения Диониса и Христа выступает их связь с виноградом и вином. Как мы помним, во время христианского обряда причастия за поеданием хлеба, символизирующим плоть Христа, шло употребление вина как его крови. Момент поедания плоти бога схож в обоих культах, но если у Диониса поедание ритуального животного было вне естественного жития человека и носило также символизм ужасной, жестокой смерти, которую когда-то претерпел их бог, то в христианстве именно поедание хлеба говорит нам о том, что Бог входит в жизнь человека через самые простые, но вместе с тем и самые необходимые элементы. Хлеб есть милость божья, которую он делит с каждым в этом мире. В православной традиции также есть символизация хлеба, так что мука, которая получается из множества зерен и используется для выпечки хлеба, указывает на евхаристическое единство Церкви, в котором многие ее члены становятся одним целым.

Вино же является одинаково священным атрибутом в обеих традициях. Но до вина идет виноград, а до него виноградная лоза. Дионис

есть охраняющий и возвращающий виноградную лозу. В развитии культа Диониса эта его характеристика и описание получили более общее значение, через которое он стал покровителем растительности вообще, производителем плодов и цветов [2, с. 410–412]. Если Дионис есть бог винограда, то Христос только называет себя лозой, на которой прообразом ветвей растут его ученики, а роль возделывателя (виноградаря) берет сам Бог-Отец. В контексте того времени, когда жил Иисус, виноградная лоза могла быть выбрана на основании культурных убеждений израильского народа.

В иудейских источниках есть толкования, соотносящие виноградную лозу как с древом жизни, так и с древом познания добра и зла. В определенной мере сопоставление виноградной лозы с древом познания отвечает античным представлениям о мудрости, заключенной в вине. Однако в культе Диониса вино носила характер не мудрости, а опьянения и безумства. В то время, когда пребывал Христос, вино являлось таким же повседневным атрибутом, как и хлеб. Но после Христа вино стало кровью, символизирующей его вечную жертву за людей, а само его употребление – воспоминанием о спасительной жертве: «Сие творите в Мое воспоминание» [3, с. 1019].

Для своего времени оба культа были одиозными, так как противоречили официальным нормам и устоям общества. Культ Диониса распространился по всей Греции позже, чем культы олимпийских богов, и так как он, способствуя и располагая к роскошному наслаждению жизнью, находился в некотором противоречии к степенному и строгому характеру культа олимпийских богов, в особенности весьма влиятельного культа Аполлона, то введение его во многих местностях Греции встречало явное непринятие и даже противодействие [2, с. 411–412]. Здесь можно отметить похожие черты у Христа, поскольку его учение отличалось мягкостью в отношении людей, любовью к ним. В отличие от строгой буквы Закона, его не всегда принимали с пальмовыми ветвями и восклицаниями. Согласно евангелию от Луки, жители Назарета не только противились учению нового пророка, но и пытались организовать его убийство путем сбрасывания со скалы [3, с. 990–991].

В ответ на жесткое сопротивление со стороны иудеев, Христос, очевидно, является противопоставлением мести, в то время как Дионис – скорее ее воплощением. Это особенно заметно в таких мифах как миф о Ликурге, в котором главный герой после неуважения к Дионису ослеп,

страна обесплодилась, а сам он в бешенстве убил своего сына, приняв его за виноградную лозу; это также заметно в трагедии Еврипида, где Пенфей, выказывая непризнание Диониса богом, умирает от рук собственной матери. Разительно иную позицию занимает Христос в отношении обидчиков. В своих проповедях, пересказанных в евангелиях Нового Завета, Иисус неоднократно говорит о безоговорочной любви не только к ближнему, но и ко всем людям, включая даже самых страшных и жестоких врагов. Более того, если враг причиняет зло, христианин, вместо мести, должен «подставить вторую щеку».

В мифе о Ликурге ясно видно, что наказание, совершенное против вакханок, вершат сами боги – Зевс и Дионис. В послании Павла же говорится: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию» (Рим. 12:19), то есть последователь Христа должен положиться на божье воздаяние. В этом положении можно наблюдать явное сходство учения двух фигур: дело человека остается в почитании богу, а божественное – полная воля великой кары, отмщения за своих послушников.

Ключевым сравнением двух богов является отраженная в их историях идея об умирающем, а затем воскресающем боге. Оба были подвергнуты насильственной смерти и впоследствии вернулись к жизни. Смерть обоих богов является как бы незаслуженной, однако оставляет за собой обоснованные причины.

Смерть Дионис застает в младенчестве в качестве расплаты за провинность своих родителей перед Герой. По убеждению супруги Зевса, титаны хватают юного Диониса, терзают, разрубают его, пьют его кровь, жарят, варят и пожирают его плоть, за исключением сердца. Это еще трепещущее сердце отнимает у Титанов Афина и отдает его Зевсу, который в отместку испепеляет Титанов молнией. Сердце же Диониса передают Деметре, которое она облекает новой плотью Вакха-человека, вновь возрожденного к жизни [4, с. 193–196]. Идея смерти и возрождения в культе Диониса нашла отражение в его обожествлении как бога природы, такой же цикличной, переходящей из смерти в жизнь, из увядания в расцвет.

В отличие от Диониса, познавшего смерть вскоре после рождения, Христос приходит к концу жизни в зрелом возрасте, во время расцвета своей деятельности. На высшем суде – Синедрионе иудейские первосвященники перед Пилатом обвиняют Иисуса в богохульстве за его

слова, что тот является сыном божьим, а также за огромное число иудеев, покинувших синагоги ради нового учения.

На третий день богочеловек воскресает в обновленном теле и является к своим ученикам как доказательство победы над самой смертью и преисподней. В свете христианства смерть Христа в первую очередь исходит из цели, ради которой божий сын и воплотился в мир людей. Иисус становится спасительной жертвой за грехи человечества, через которую каждый человек получает возможность общаться с богом напрямую и обретает вечную жизнь после смерти.

Несмотря на всю жестокость и несправедливость смерти богов, для Диониса смерть остается неожиданной, внезапной. Смерть же для Христа приходит в свое, известное ему время и становится главной причиной его рождения на земле, целью всего его земного существования. Воскресение Диониса отражает его божественность и важность для других богов. Воскресение же Христа приобщает всех его последователей к бессмертной жизни.

Таким образом, проведенная работа демонстрирует важный феномен. Несмотря на то, что многие образы, персонажи имеют общие атрибуты и символы, в действительности они очень часто выполняют разные функции. Мы полагаем, что в основе мнимого тождества лежат схожие особенности жизни разных народов и общие закономерности человеческого мышления.

Список источников и литературы

1. Запорожченко А. В. Сравнительная мифология. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 197 с.

2. Люкбер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885. Вып. I. 449 с.

3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета: канонические. М.: РБО, 2013. 935, 303, XXXIV с.

4. Торчинов Е. А. Опыт запредельного. Религии мира. СПБ.: Азбука-Аттикус, 2021. 570 с.

Сведения об авторе

Капитонов Максим Сергеевич – студент, Стерлитамакский филиал Уфимского Университета науки и технологий, Стерлитамак, Россия.

Сведения о рецензенте

Жуков Константин Власович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: Konstantin.V.Zhukov@novsu.ru

УДК 271.2:27-772(47.54-25)

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ: ОРГАН МЕСТНОГО ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В XVIII–XIX ВВ.

Сивков М. Н.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)
E-mail: confessork@yandex.ru

YEKATERINBURG SPIRITUAL GOVERNMENT: THE BODY OF LOCAL CHURCH GOVERNMENT IN THE 18TH–19TH CENTURIES

Sivkov M. N.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)
E-mail: confessork@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история Екатеринбургского духовного правления с 1738 по 1885 г. Автор анализирует функционал органа епархиального управления, состав правления в XIX-м веке. Рассмотрен генезис образования духовных правлений (заказов) на Среднем Урале. Также была установлена административно-территориальная принадлежность Екатеринбургского духовного правления, его место в системе епархиального управления Тобольской митрополии. Основными источниками послужили адрес-календари Пермской и Екатеринбургской епархий и Пермской губернии. На основании проанализированных источников было установлено количество благочиннических округов, существовавших на территории Екатеринбургского уезда во второй половине XIX столетия, а также количественный состав присутствия и канцелярии духовного правления. Рассмотрены судьбы отдельных членов Екатеринбургского духовного правления.

Ключевые слова: духовное правление, епархиальное управление, административно-территориальное деление, Екатеринбург, духовенство, благочиние.

Abstract. The article deals with the history of the Yekaterinburg spiritual government from 1738 to 1885. The author analyzes the performance of the diosesan administration, the composition of the board in the 19th century. The genesis of the formation of spiritual boards (orders) in the Middle Urals is considered in the article. Also, the author defines the administrative-territorial affiliation of the Yekaterinburg spiritual government and its place in the system of the administration of the Tobolsk Metropolis. The main sources are the address calendars of the Perm and Yekaterinburg dioceses and the Perm province. According to the analysed sources, the author states: the number of deanery districts that existed on the territory of the Yekaterinburg district in the 2nd half of the 19th century; the quantitative composition of the presence and office of the spiritual government. The fate of individual members of the Yekaterinburg spiritual board is considered.

Keywords: spiritual government, diocesan administration, administrative-territorial division, Yekaterinburg, clergy, deanery.

В системе церковного управления Русской Церкви первой половины XVIII века духовное правление служило органом епархиального управления. По своей сути духовные правления выполняли функции консистории, и до официального введения в оборот термина «духовная консистория» указом Святейшего Синода от 9 июля 1744 г. консистории именовались духовными приказами, духовными дикастериями, духовными заказами и духовными правлениями в том числе [1, с. 19]. В большинстве случаев применялись именно 2 последних наименования настоящего органа, окончательное утверждение своего оригинального имени орган управления получил лишь к концу XVIII столетия. Совместное употребление названий «правление» и «заказ» можно объяснить следующим образом: в каждом благочинии существовало свое духовное правление, а благочиния также имели 2-е наименование – «заказ», ввиду этой вариативности названий территориальной единицы и возникала своеобразная метонимия в обозначении рассматриваемого учреждения [2, с. 42].

В связи с увеличением численности православного населения в первой половине XVIII в. на Уральских землях в довольно быстром темпе возрастают как крестьянские духовные заказы: Ирбитский, Камышловский, Далматовский, так и горнозаводские, в числе которых Екатеринбургский. Имела место определенная соподчиненность заказов, когда мелкие заказы объединялись вокруг крупного [3, с. 141]. История Екатеринбургского духовного правления (далее – ЕДП) начинается в 1738 г. Территориально правление принадлежало Сибирской епархии и подчинялось Тобольской духовной консистории до 1799 г. Зауральские уезды бывшей Пермской губернии входили в состав Тобольской губернии до 1781 г. Согласно Высочайшему указу от 16 (27) октября 1799 г. епархиальные границы должны соответствовать границам одноименных губерний [4, с. 460]. Соответственно, все уральские и зауральские уезды были переданы в ведение Пермской губернии и в подчинение Пермской духовной консистории. В 1833 г. на территории Пермской епархии было учреждено Екатеринбургское викариатство, в ведение которого из 5 зауральских уездов перешло 3: Екатеринбургский, Камышловский и Шадринский [5, с. 2]. Причем изначально в состав викариатства входил только Екатеринбургский уезд, затем в соответствии с указами синода в его состав вошли Шадринский (1851) и Камышловский (1883) уезды. Каждый из вновь вошедших уездов в состав викариатства сохранял

собственные духовные правления. В связи с открытием викариатства духовное правление стало подчиняться викарию. Но все же сохраняло свою зависимость и от Перми [2. с. 233].

Фактически являясь консисторией до их официального введения в 1744 г., духовное правление осуществляло административную, надзорную и судебную деятельность. С появлением уже официальных консисторий правление выполняло посреднические функции между вверенными ему приходами и духовной консисторией. Деятельность духовных правлений определялась посредством Устава духовных консисторий и епархиальными инструкциями. Область полномочий на законодательном уровне четко не регулировалась, зачастую эта сфера определялась церковной традицией, которая задавалась епархиальным архиереем. Стоит заметить различие между духовной консисторией и правлением с точки зрения делопроизводства: дела, поступавшие на рассмотрение в консисторию, распределялись по соответствующим столам, тогда как в правлении данный механизм отсутствовал. Как уже было сказано выше, правление после введения консисторий играло посредническую роль, поэтому возникали следующие компетенции духовного правления: через правления духовенство получало указы, которые должны были оглашаться народу в храмах. Правление осуществляло пересылку документов прихода о постановке в церковный причт, о строительстве новых церквей. В правление поступали жалобы о проступках духовенства. Мелкие дела разбирались в самом правлении, а некоторые направлялись в консисторию: например, дела о драках между духовенством, хотя допросы проходили в правлении [6, с. 62]. В правлении также рассматривались случаи мелкого злоупотребления в отношении церковного имущества, уклонения прихожан от строительства и содержания храмов. Также правление ведало церковными сборами, направляемыми в епархию. Над старообрядцами, желавшими перейти в официальное православие, чин присоединения совершался именно в духовном правлении. Благочинные округа были подведомственны духовным правлениям: от них правление получало документацию, необходимую для отправления в консисторию. Правление осуществляло проверку ведения приходского делопроизводства: в первую очередь – метрических книг; исповедных росписей и др. Духовные правления, подведомственные правящим архиереям и консисториям, должны были связываться с ними по всем важным вопросам [7, с. 30].

По типу управления духовные правления были коллегиальными органами. На заседаниях рассматривались указы, распоряжения, присланные из синода, консистории, слушали доклады и сообщения его членов. Штат духовного правления формировался чаще из назначенных

епархиальным архиереем лиц или из выборных от духовенства. Некоторыми исследователями штатная структура духовных правлений определялась как «протопопская канцелярия» [8. с. 152]. Данное описание приводится автором применительно к XVIII веку, когда еще правления могли называться заказами. Как сообщают и другие исследователи, на заседаниях председательствовал уездный протопоп, а при правлениях действовали канцелярии [9, с. 152]. В XIX веке духовные правления могли возглавлять священники крупных городских церквей (обычно настоятель в сане протоиерея) или же настоятели некоторых монастырей. Имеются данные о составе ЕДП за определенные годы: 1863, 1867, 1877, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 (таблица 1). В последние 2 года (1886, 1887) уже существовала самостоятельная Екатеринбургская епархия. В самостоятельной епархии органом епархиального управления является духовная консистория, но адрес-календари Пермской губернии продолжают сообщать о составе именно ЕДП. Хотя, в адрес-календаре Екатеринбургской епархии мы находим состав уже Екатеринбургской духовной консистории.

Таблица 1. Состав членов присутствия Екатеринбургского духовного правления за 1863, 1867, 1877, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 гг.

Сан	1863	1867	1877	1879	1880	1881
Члены присутствия:	3	4	2	4	4	4
– Протоиерей	2	3	2	3	2	2
– Священник	1	1	–*	1	2	2
– Иеромонах; игумен (1887)**	–	–	–	–	–	–

Продолжение таблицы 1

Сан	1882	1883	1884	1885	1886	1887
Члены присутствия:	3	4	4	4	4	4
– Протоиерей	1	–	–	–	–	–
– Священник	2	3	3	3	3	3
– Иеромонах; игумен (1887)**	–	1	1	1	1	1

Составлено автором по материалам адрес-календарей Пермской губернии, епархии, Екатеринбургской епархии и памятным книжкам Пермской губернии

* Вакантно

** По календарю Пермской губернии (1887), член правления указан в сане иеромонаха, по данным адрес-календаря Екатеринбургской епархии (1887) тот же самый иеромонах указан уже в сане игумена.

Как видно из таблицы, количество членов присутствия духовного правления варьировалось в диапазоне 3–4 членов, однако в 1877 г., ввиду вакантности места 3-го члена, состав правления насчитывал 2 человека. По материалам адрес-календарей Пермской губернии, епархии, Екатеринбургской епархии и памятным книжкам Пермской губернии за указанные выше годы имеется списочный состав ЕДП. Так, в 1863 и 1867 гг. правление возглавлял настоятель Богоявленского кафедрального собора г. Екатеринбурга протоиерей Алексей Мартемьянович Кротков, благочинный г. Екатеринбурга, кавалер ордена св. Анны 3-й ст. В 1877 г. ЕДП возглавлял настоятель Екатерининского собора протоиерей Матвей Григорьевич Попов, кавалер ордена святой Анны 2-й степени с императорской короной; на этот год протоиерей А. М. Кротков в правлении не состоял, но уже имел орден св. Владимира 4-й ст. и орден св. Анны 2-й ст. С 1879 по 1881 г. духовное правление снова возглавлял протоиерей А. М. Кротков. Известно, что после 1881 г. и даже после основания самостоятельной Екатеринбургской епархии он оставался настоятелем кафедрального собора [10. с. 50]. Позже – с 1890 и по 1894 г. протоиерей А. М. Кротков назывался благочинным этого же собора. В 1882 г. правление возглавил его многолетний член – протоиерей Андрей Иванович Коровин, настоятель Успенской церкви Ново-Тихвинского монастыря. С 1883 и до 1885 г. правление возглавлял клирик Екатерининского собора священник Андрей Егорович Любимов. Более в составе правления членов в сане протоиерея не состояло. 29 января (11 февраля) 1885 г. была учреждена самостоятельная Екатеринбургская епархия. Епархиальное управление должно было осуществляться посредством духовной консистории взамен духовного правления. В 1885 г. был выпущен календарь Пермской губернии на 1886 г., в котором орган епархиального управления еще именовался Екатеринбургским духовным правлением. Это может быть вполне объяснимо тем, что на основании указа о создании епархии епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому до образования консистории предписано производить «…Управленiе и Судъ чрезъ Екатеринбургское духовное правление» [11, с. 2]. В Екатеринбургских епархиальных ведомостях за 1886 г. находим

следующее: «Согласно предложенію Его Преосвященства Екатеринбургское духовное Правленіе закрыто и открыта Екатеринбургская духовная Консисторія 8 ноября» [11, с. 5]. Таким образом, ЕДП прекратило существовать 08 (20) ноября 1885 г. и в тот же день была образована консистория и, возможно, в издательство адрес-календаря Пермской губернии эти сведения не поступили своевременно, ввиду чего консистория именовалась правлением. Однако в 1886 г. был выпущен календарь Пермской губернии на 1887 г., где наименование органа епархиального управления не претерпело изменения. Также, сравнивая этот календарь и адрес-календарь Екатеринбургской епархии на 1887, можно отметить имеющиеся фактические расхождения:

1. По версии календаря Пермской губернии количество членов ЕДП составляло 4 человека: священники: Андрей Георгиевич Любимов, Алексей Григорьевич Серебренников, Дмитрий Игнатьевич Любимов и иеромонах Нил, а также столоначальник Андрей Степанович Посохин. Согласно, адрес-календарю Екатеринбургской епархии на 1887 г., который называет орган епархиального управления уже конкретно консисторией, как это и должно быть, состав присутствия включает в себя 3 человека: игумен Нил, священник Андрей Любимов и священник Алексей Серебренников. Андрей Степанович Посохин в этом календаре является одним из 3-х столоначальников канцелярии консистории. Священник Д. И. Любимов указан как исправляющий должность секретаря консистории и секретарь при архиерее.

2. По версии адрес-календаря Екатеринбургской епархии консисторию возглавляет игумен Нил, являвшийся членом ЕДП с 1883 по 1885 г. Также он был назначен настоятелем Далматовского монастыря в 1887 г., до этого не состоя в братии данного монастыря. Введение иеромонаха Нила, бывшего экономом архиерейского дома, в 1883 г. в ЕДП и его дальнейшее продвижение может быть связано с тем, что он являлся приближенным назначенного в 1882 г. Екатеринбургским викарием епископа Нафанаила, который и стал первым епископом самостоятельной Екатеринбургской епархии. Игумен Нил (ранее иеромонах) часто сослужил преосвященному владыке [11, с. 11–19]. 27 апреля (09 мая) 1886 г. иеромонах Нил произведен в сан игумена [12, с. 56]. Он пробыл настоятелем Далматовского монастыря с 1887 по 1890 г. По тем же источникам удалось проследить состав канцелярии ЕДП за те же годы (таблица 2)

Таблица 2. Состав канцеляристов Екатеринбургского духовного правления за 1863, 1867, 1877, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 гг.

Должность	1863	1867	1877	1879	1880	1881
Канцеляристы:	–	1	2	1	1	–
– Столоначальник	–	1*	1*	1*	1	–**
– Письмоводитель при преосвященном викарии	–	–	1	–	–	–

Продолжение таблицы 2

Должность	1882	1883	1884	1885	1886	1887
Канцеляристы:	1	–	1	2	2	1
– Столоначальник	1*	–	1	1	1	1
– Письмоводитель при преосвященном викарии	–**	–	–	–	–	–

Составлено автором по материалам адрес-календарей Пермской губернии, епархии, Екатеринбургской епархии и памятным книжкам Пермской губернии.
* Исправляющий должность
** Вакантно

По тем же источникам удалось проследить состав канцелярии ЕДП за те же годы. Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что обязательным канцелярским служащим, как это, впрочем, и положено, был столоначальник правления. В разные годы столоначальники имели разные чины: канцелярский служитель, коллежский регистратор, губернский секретарь, коллежский секретарь. Не было строгого требования к чину при назначении на должность. Зачастую столоначальники не были официально в этой должности, а были лишь исправляющими ее. Еще одной должностью канцеляриста является письмоводитель при преосвященном викарии. Из таблицы мы видим, что за представленные годы нам известен лишь 1 письмоводитель – Василий Ксенофонтович Петров, губернский секретарь. С учреждением Екатеринбургской духовной консистории в ее штате имелась должность, аналогичная предыдущей, – секретарь при архиерее. Имена мы можем узнать, изучив адрес-календари Екатеринбургской епархии и Пермской губернии.

Также за указанные годы мы имеем данные о составе благочиннических округов Екатеринбургского уезда, находившихся в ведении ЕДП (таблица 3).

Таблица 3. Количество округов (благочиний), находившихся в ведении Екатеринбургского духовного правления за 1863, 1877, 1879, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 гг.

Территория	1863	1877	1879	1881	1882
Екатеринбургский уезд:	6	6 (7)	6 (7)	6	6
– в г. Екатеринбурге	1	1	1	1	1
– в уезде	5	5+1*	5+1*	5	5

Продолжение таблицы 2

Территория	1883	1884	1885***	1886	1887**
Екатеринбургский уезд:	6	6	5/6 (7)	6	6/10
– в г. Екатеринбурге	1	1	1	1	1
– в уезде	5	5	5/5+1*	5	5/9

Составлено автором по материалам адрес-календарей Пермской губернии, епархии, Екатеринбургской епархии и памятным книжкам Пермской губернии

* По адрес-календарю Пермской епархии указывается отдельный единоверческий округ; в остальных источниках единоверческие церкви отдельного округа не образуют, у каждой церкви есть свой благочинный.
** 1-е значение взято из Календаря Пермской губернии на 1887г, 2-е из адрес-календаря Екатеринбургской епархии.
*** 1-е значение взято из Календаря Пермской губернии на 1885г, 2-е из адрес-календаря Пермской епархии.

Как видно из таблицы, в ведении ЕДП находилось в основном 6 округов (благочиний) в некоторые годы это число уменьшалось или увеличивалось лишь на 1 единицу. В адрес-календаре Екатеринбургской епархии в городе Екатеринбурге и уезде насчитывается 10 округов, в то время как в адрес-календаре Пермской губернии за тот же год и в последующие годы количество округов оставалось неизменным – 6.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

При рассмотрении ЕДП в плане структуры и функционала можно сделать вывод, что в этих аспектах оно не имело особых отличий от других

духовных правлений как в Пермской епархии, так и в других епархиях. Состояло из присутствия, членами которого, в основном, были представители белого духовенства. Само правление, как правило, также возглавлялось протоиереем кафедрального собора города. А также включало канцелярию, в ведении которой находился 1 стол, возглавляемый, соответственно, столоначальником.

ЕДП являлось одним из ключевых звеньев, составлявших систему церковного управления сначала Тобольской, а затем и Пермской епархии. Более крупное значение оно приобрело, несомненно, в составе последней. Ведь среди прочих многочисленных духовных правлений, которые существовали в Пермской епархии, именно состав Екатеринбургского духовного правления указывался в составе адрес-календарей Пермской губернии и епархии. Одновременно с заметно увеличивавшимся значением Екатеринбурга для государства укреплялось и положение ЕДП среди других близлежащих правлений, что, в свою очередь, также сыграло немалую роль в создании Екатеринбургского викариатства, а впоследствии и в создании самостоятельной Екатеринбургской епархии.

Также необходимо отметить, что почти 150-летняя история ЕДП требует более масштабного и тщательного изучения. Необходимо изучить журналы, докладные журналы дел, а также, конечно, указы духовного правления.

Список источников и литературы

1. Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

2. Любимов А. Г. Создание и деятельность Духовных правлений на Южном Урале в XVIII веке: дис. … канд. истор. наук / Челябинский гос. ин-т культуры. Челябинск, 2021. 188 с.

3. История Екатеринбургской Епархии. Екатеринбург: Сократ, 2010. 552 с.

4. Сергеев В. Открытие Пермской и Оренбургской епархии в 1799 году // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 22. Отдел неофиц. С. 460.

5. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Тип. Ф. К. Хомутова, 1902. 647 с.

6. Нечаева М. Ю. Далматовское духовное правление в XVIII веке // Исторические чтения. Вып. 2. Челябинск, 1996. С. 59–63.

7. Цысь О. П. Духовные правления как звено церковного управления на Тобольском Севере в 1810–1860-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 75. С. 28–38.

8. Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Часть 1-я // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. VII. Оренбург, 1900. 346, VI с.

9. Цыпин В. Духовные правления // Православная энциклопедия. 2007. Т. 16. С. 423–424.

10. Адрес-календарь Екатеринбургской епархии на 1887 г. П.: Типография Губернской Земской Управы, 1886. 182 с.
11. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886. № 1–2. Отдел офиц. С. 2, 5, 11–19.
12. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886. № 3–4. Отдел офиц. С. 56.

Сведения об авторе

Сивков Максим Николаевич – студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Сведения о рецензенте

Крапчунов Даниил Евгеньевич – кандидат философских наук, и. о. директора Гуманитарного института, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: daniil.krapchunov@novsu.ru

УДК 7.033.23:26-246/-247:94(495)

ОБВИНЕНИЯ В КОЛДОВСТВЕ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ИКОНОБОРЦЕВ И ИКОНОПОЧИТАТЕЛЕЙ

Соловьева Е. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург, Россия)
E-mail: ea.solovyeva@urfu.ru

ACCUSATIONS OF SORCERY AS A MEANS OF POLITICAL CONFRONTATION OF ICONOCLATORS AND ICONODULTORS

Soloveva E. A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)
E-mail: ea.solovyeva@urfu.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка продемонстрировать функционирование «образа врага», который применяется в случае конфронтации социальных групп на протяжении всей истории. Рассматривается практика использования обвинений в колдовстве при политическом противостоянии иконоборцев и иконопочитателей. Византийцы связывали колдовство с действиями «нечистой силы». Политические противники при обличении друг друга прибегали не только к пейоративной лексике, но и к приписыванию союза с дьяволом. Жития святых, созданные иконопочитателями, победителями в религиозном споре, выполняли в некотором смысле пропагандистскую функцию. Работа выполнена в рамках социальной антропологии. Привлекая агиографический, а также иллюстративный материал, автор рассмотрел, как при помощи обвинений в причастности к колдовству обличалось иконоборчество и утверждалось торжество иконопочитания.

Ключевые слова: иконоборчество, иконопочитатели, агиография, иконоклазм, колдуны в Византии.

Abstract. In the article there is an attempt to demonstrate how the “enemy image” functioned throughout history. The author considered the practice of using accusations of sorcery in the political confrontation between iconoclasts and iconodules. The Byzantines themselves associated sorcery with the actions of the “evil spirits”. The political opponents resorted to pejorative vocabulary, when they exposed each other. One side also attributed the other to an alliance with the devil. The lives of saints, which were created by iconodules – the victors in a religious dispute, in a sense were having a propaganda function. The work was done within the framework of social anthropology. Drawing on hagiographic and illustrative material, the author examined how with the help of accusations of involvement in sorcery iconoclasm was denounced and the triumph of the icon veneration was affirmed.

Keywords: iconoclasm, iconodules, hagiography, iconoclasm, sorcerers in Byzantium.

Сюжет обвинения некой социальной группы или отдельного человека в совершении магических действий часто встречается в житийной литературе. Стоит отметить, что памятники агиографии содержат большое количество подробностей жизни изучаемого общества и отражают представления этого общества о каких-либо явлениях или событиях, в данном случае представления о колдовских действиях и причастности к ним иконоборцев. Изучение таких представлений в парадигме современной гуманитарной рефлексии помогает отвечать на вопрос о соответствии репрезентативного образа действительности в источниках и исторической реальности.

В период противостояния иконоборцев и иконопочитаталей византийская агиография носила весьма тенденциозный характер. Поскольку победу в религиозной и политической борьбе одержали иконопочитатели, многие произведения, написанные рукой иконоборцев, были уничтожены. Однако сохранилось большое количество памятников, созданных авторами-иконопочитателями, в которых можно наблюдать ряд приемов, использованных для подтверждения правоты иконопочитателей.

Вероятно, в связи с арабским нашествием, серией природных катаклизмов, в том числе землетрясениями и извержением вулкана на острове Тира, в период иконоборчества в византийском обществе усилились эсхатологические ожидания. Поэтому агиографы в указанной обстановке стали прибегать к использованию образов с негативной коннотацией, в том числе образов «нечистой силы», ведьм и колдунов. Апеллирование к упомянутым образам стало одним из способов дискредитации противников.

Нужно сказать, что само восприятие феномена магии и колдовства в византийском социуме было неоднозначным. Согласно А. П. Каждану, во многом оно определялось христианской традицией, которая разделяла сверхъестественное на чудеса как явления божественной воли и результат деятельности «нечистой силы» [1, p. 1265–1266].

Святые, причем как живые, так и умершие, обладали способностью контролировать сверхъестественные силы [2, с. 254]. Например, в византийской агиографии широко известны топосы борьбы святого с бесом, практики экзорцизма и исцеления больных. Действия святого отождествлялись с проявлением божественной воли.

Иное отношение в Византии сложилось к народной магии и колдовству, понимаемому в традиционном смысле. Магия оказывалась

неполноценной в случае противостояния с божественной силой. Считалось, что колдовские действия направлялись на осуществление сексуальных желаний, причинение разного рода вреда и создание неистинных светских знаний [1, p. 1265–1266]. Кроме того, одержимость считалась результатом вредоносного колдовства, а одержимый – жертвой колдуна или порчи [3, с. 131].

Обратившись к материалу житий, повествующих о втором иконоборческом периоде (814–842), можно заметить, что олицетворением злых сил и «главным колдуном» признавался патриарх-иконоборец Иоанн Грамматик, образ которого соответствовал перечисленным выше характеристикам. Агиографы представляли читателям одержимого императора и патриарха-колдуна, воздействующего на главу государства.

Для иллюстрации обратимся к отрывку из жития Никиты Мидикийского: «Восстав против него [Михаила I Рангаве] и захватив не по достоинству Ромейское царство, звероименный и зверонравный Лев не прославил и не поблагодарил Бога, попустившего это, ***но осуетился в опустошении ума своего, счел, что, поддерживая нечестие, он этим сохранит себе царство***… Затем он [Лев V] стал искать сообщников и учителей зла… Искал он и в священническом чине, и ***подбросивший ему это диавол***, обойдя Византий, нашел Иоанна по прозвищу Грамматик, нового Тертилла… И вот как Павел Христовыми, так и сей стал ***устами диавольскими***, и как образовавшийся из разных ливней поток несет зловонные и мутные воды, так и он из мерзкого сокровища сердца своего вынес ***зловоннейшие и грязные учения, напояя ближних развращением мутным***» [4, с. 288].

В приведенном фрагменте автор описывает восхождения на императорский трон Льва V Армянина и на патриарший престол – Иоанна Грамматика. Став императором, Лев V принял решение вернуться к политике уничтожения икон. Фраза об отсутствии вознесения благодарности Богу и опустошении ума Льва V отсылает читателя к Посланию к Римлянам: «Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели» [5, 1:21–1:24]. Таким образом агиограф указывает на умопомрачение императора, в состоянии которого последний ищет сообщников и распространителей еретического учения.

Иоанна Грамматика Льву V посылает сам дьявол. Автор обращается к библейскому сюжету, сравнивая будущего патриарха с Тертиллой –

ритором, обвинявшим апостола Павла перед прокуратором. Также на связь Иоанна Грамматика с демоном указывают эпитеты «зловоннейшие», «грязные», «мутные», противоположные чистоте и благоуханию, свидетельствующим о Божьем присутствии и Божьей благодати.

В цитируемом отрывке присутствует лишь указание на взаимодействие патриарха с дьяволом. В других случаях Иоанн Грамматик напрямую обвиняется в колдовстве. Например, в житии архиепископа Сардского Евфимия Иоанна Грамматика называют «волхвогадателем, положившим начало злу» [6, с. 330].

Колдуном Иоанн Грамматик именуется в житии Феофана Исповедника: «Несправедливейший [Лев V] передал преподобного ***колдуну*** Иоанну, надеясь, что тот изворотливостью в речах – той самой, в которой (Лев) не преуспел, нападая (на святого), – и красноречием склонит благородного» [7, с. 192–193].

Интересно отметить, что в данном фрагменте имеется указание на красноречие патриарха. Ряд житий содержит схожий сюжет, когда Иоанн Грамматик пытается убеждать святых-иконопочитателей в истинности иконоборческого учения. Автор жития игумена Пелекитского Макария признает за патриархом ораторские способности, однако талант убеждения объясняет исключительно колдовством и чародейством: «И вот, поскольку некто сущий другой ***Ианний***, предтеча (всех этих) бедствий, постоянно трудился над их изобретением, ***колдовством и колдовскими хитростями***, обманывая легкомыслие властителя и ввергая в свою пропасть, пытался он и против святого выступить с этими ухищрениями» [8, с. 409–410].

В отрывке из жития преподобного Иоанна Психиата патриарх-иконоборец обвиняется уже не только в колдовстве, но и в попытке уморить святого голодом и дымом, чтобы заставить отречься от иконопочитания: «И тут выскакивает перед всеми ***предтеча антихриста*** в обольщении благодаря магическим изобретениям оставивший позади ***Ианния***, а наглостью превосшедший псов, и предлагает похожими (уловками) убедить преподобного, если получит его в свою власть. Итак, взяв его, ***колдун*** запирает его в находящемся на возвышении домике, в котором внизу был зажжен огонь для содействия его надобностям, рассчитывая совратить святого через мучение голодом и силой дыма» [9, с. 164].

Характерно, что в двух последних фрагментах Иоанн Грамматик именуется Ианнием. Иконопочитатели прибегали к использованию этого

наименования, исходя из созвучия настоящего имени патриарха и стремясь отослать читателя к образу волхва Иannия, противостоящего вместе с Иамврием Моисею в Египте. Тем самым, судя по всему, агиографы стремились показать иконоборчество лжеучением, противостоявшим истине.

Однако не только письменные источники сохранили идею уличения иконоборцев в колдовстве и связях с «нечистой силой». Не менее показательны изобразительные источники. Так, на миниатюре из Хлудовской псалтири Иоанн Грамматик изображен с торчащими дыбом волосами и стоящим рядом дьяволом, что может указывать на восприятие патриарха как обезумевшего человека, оказавшегося под влиянием Сатаны.

Нужно отметить, что иконопочитатели одарили Иоанна Грамматика еще одним прозвищем – Леканомантис. Дело в том, что патриарха обвиняли в леканомантии, то есть в гадании, при котором используется емкость с водой. Об этом свидетельствует дошедшая до нас миниатюра из Хроники Иоанна Скилицы XII в. На миниатюре константинопольский патриарх гадает на воде в лохани, видимо, для предсказания будущего византийскому императору.

Показателен тот факт, что на обоих изображениях умышленно затерта голова патриарха. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с феноменом «опасных» образов [10, с. 21–31]. В данном случае негативный образ исторического деятеля не просто создавался художником, но и считывался зрителем. Порча изображений могла производиться из-за магических соображений. Вера византийцев в сглаз связывалась с мыслью о том, что глаза «опасных» персон являются воплощением средоточия зла, поэтому лицо становилось символически значимым элементом. Как следствие, именно эта часть тела подвергалась повреждению на изображениях, чтобы лишить образ возможности негативного воздействия.

В заключение можно отметить, что средневековый мир был пропитан образами и символами, которые считывались обществом. Если провести аналогию, то жития для людей в Средние века в каком-то смысле играли ту же роль, что и современные СМИ. Это были те тексты, которые выполняли воспитательную функцию и освещали особенно значимые для конкретного социума события. Визуальные образы же работали на моментальную рецепцию и понимание заложенных смыслов. Соответственно, иконопочитатели умышленно создавали памятники,

содержащие обвинения иконоборцев в причастности к колдовству и взаимодействию с «нечистой силой», таким образом транслируя на контрасте в общество идею о силе иконопочитателей, их истинной приверженности православию и политике, направленной на благо народа.

Список источников и литературы

1. The Oxford Dictionary of Byzantium. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol 2. 389 p.
2. Антонов Д. И. Насилие и допрос: практики экзорцизма в русской агиографии // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 4. С. 50–71.
3. Крылова Д. Д. Колдуны, святые, одержимые: проблемы идентификации фигуры одержимого в локальных сообществах Западной Европы XV–XVI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 129–135.
4. Слово надгробное преподобному отцу нашему и исповеднику Никите, писанное Феостириктом, учеником самого блаженнейшего // Жития византийских святых эпохи иконоборчества / под ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). СПб: Изд. проект «Квадривиум», Алетейя, 2015. Т. 1. С. 273–312.
5. Послание к Римлянам // Bible.by. URL: https://bible.by/syn/52/1/#22 (дата обращения: 03.02.2023).
6. Житие преподобного отца нашего и священномученика Евфимия // Жития византийских святых эпохи иконоборчества / под ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). СПб: Изд. проект «Квадривиум», Алетейя, 2015. Т. 1. С. 335–373.
7. Житие преподобного отца нашего и исповедника Феофана, творение Мефодия, патриарха Константинопольского // Жития византийских святых эпохи иконоборчества / под ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). СПб: Изд. проект «Квадривиум», Алетейя, 2015. Т. 1. С. 146–209.
8. Житие и деяния преподобного отца нашего исповедника Макария, бывшего игуменом монастыря, называемого Пелекит, описанные монахом Саввой // Жития византийских святых эпохи иконоборчества / под ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). СПб: Изд. проект «Квадривиум», Алетейя, 2015. Т. 1. С. 392–425.
9. Житие преподобного Иоанна Психиата // Мир Православия. 2019. Вып. 10. С. 147–176.
10. Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М: Индрик, 2011. 384 с.

Сведения об авторе

Соловьева Екатерина Алексеевна – студентка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Сведения о рецензенте

Крапчунов Даниил Евгеньевич – кандидат философских наук, и. о. директора Гуманитарного института, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: daniil.krapchunov@novsu.ru

УДК 329.361:141.45:94(47).084.4

ОБРЯДОТВОРЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЕ 1920-х ГГ.: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Табачник К. К.

Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: tabachnik.ksen@yandex.ru

RITUAL-MAKING CAMPAIGN AS A TOOL OF ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA OF THE 1920S: THEORY AND PRACTISING

Tabachnik K. K.

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: tabachnik.ksen@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается концепция «красной обрядности» в трудах ведущих идеологов антирелигиозной пропаганды 1920-х гг.: Л. Д. Троцкого, Е. М. Ярославского, А. В. Луначарского и И. И. Скворцова-Степанова. Опираясь на ряд архивных источников, автор уделяет особое внимание идеологическому содержанию разрабатываемых «красных обрядов», а также основным тенденциям в практической реализации обрядотворческой кампании как в городской, так и в сельской среде. Предпринимаются попытки обосновать причины отказа советской власти от практики введения «красных обрядов» как главного инструмента борьбы с религиозными убеждениями населения. Актуальность изучения «красной обрядности» на территории РСФСР в 1920-е гг. связана с глобальностью эпохальных изменений в духовно-нравственной и культурной жизни общества после утверждения советской власти.

Ключевые слова: красная обрядность, антирелигиозная пропаганда, Л. Д. Троцкий, советские ритуалы, Комсомольское рождество, Комсомольская пасха, октябрины.

Abstract. The article is concerned with the development of the theory about “red rites” in the works of the leading anti-religious ideologists of the 1920s: L. D. Trotsky, E. M. Yaroslavsky, A. V. Lunacharsky and I. I. Skvortsov-Stepanov. Relying on a number of archival sources, the author focuses on both the ideological content of the soviet new rites and the main tendencies of the ritual-making campaign in urban and rural areas. In the article the attempts of substantiation the reasons of for the refusal of the Soviet government from the practice of introducing “red rites” are being made. The relevance of the study of the “red rites” on the territory of the RSFSR in the 1920s is able to be proved by the global nature of epochal changes in the spiritual, moral and cultural life of society after the establishment of Soviet power.

Keywords: red rites, antireligious propaganda, L. D. Trotsky, Soviet rituals, Komsomol Christmas, Komsomol Easter, Oktiabrina.

На карте образуется государство с принципиально новым политическим строем – государство, уже одним своим существованием бросившее вызов всей европейской общественности. Концепция сокрушения мира старого, капиталистического на немалом участке земного шара должна была сопровождаться построением новой идеологической основы. Данная идеология исключала возможность существования на территории РСФСР института Русской православной церкви как структуры, придерживающейся консервативных начал.

Еще до Октябрьской революции в практике населения появляются внешние элементы «новой обрядности». Согласно воспоминаниям одного из участников похорон жертв революции на Марсовом поле в марте 1917 г., гробы погибших были обиты красным материалом [1, л. 1]. Другой современник, описывая то же событие, рассказывал, что во время прохождения траурной процессии непрерывно играла оркестровая музыка, а в момент опускания гробов звучали ружейные залпы [2, л. 2–3 (об)]. На фотокарточке панихиды во время упомянутого происшествия мы обнаружим признаки «двойственного» характера обрядности: на церемонии присутствует православный священник, а на заднем плане виднеются подобные хоругвиям революционные знамена [3].

Около 1922 г. новая власть переходит от репрессивных методов борьбы с Церковью к практикам, которые должны были, с одной стороны, не подрывать авторитет Советского Союза на внутренней и международной арене, а с другой – создать новую консолидирующую силу во избежание развития центробежных тенденций в различных уголках нового государства.

Социально-психологический феномен обрядов и традиций, способствующих передаче накопленного опыта из поколения в поколение и закреплению комплекса морально-нравственных норм в обществе, осознавался деятелями коммунистической партии. К началу 1920-х гг. в большевистской элите наблюдается оживленная дискуссия о роли обрядности в советском обществе и необходимости создания комплекса безрелигиозных «красных» ритуалов с целью их противопоставления религиозным.

Можно выделить три течения развития доктрины «красной обрядности». К идеологам, принявших участие в разработке семейно-бытовой обрядности, относились Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский. Сторонниками создания «красных» торжеств, направленных на

дискредитацию православных христианских праздников – Рождества и Пасхи, являлись И. И. Скворцов-Степанов и Е. М. Ярославский. Третьим путем развития доктрины было сосредоточение на естественно-научной пропаганде – к нему примыкали Е. М. Ярославский после 1925 г., А. В. Луначарский после 1925–1926 гг., Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев.

Еще до Октябрьского переворота в выступлениях представителей партии фигурировала идея построения «нового быта». Но методика замены старой православной обрядности революционной системой традиций впервые упоминается в трудах Л. Д. Троцкого [4; 5]. С его точки зрения, существования общества «без ритуализма, заключенного в бытовую формацию», невозможно [4, с. 48]. Идеолог выделил две важнейшие функции обряда: выражение коллективного чувства, удовлетворение потребности рабочего украсить знаковые жизненные вехи – рождение ребенка, вступление в брак и смерть [4, с. 48].

К главным теоретикам создания «красной» семейно-бытовой обрядности относился и народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. К 1910 г. складываются основные положения теории «богостроительства». В составе сборника «Очерки по философии марксизма» в 1908 г. была опубликована статья Луначарского «Атеисты», в которой будущий народный комиссар просвещения, опираясь на заключение Фейербаха: «бог есть человечество в высшей потенции», – выделил понятие «религиозного атеизма» [6, с. 159]. В последующих статьях и работах Луначарского – «Идеализм и материализм», «Религия и социализм» прослеживается новое, аксиологическое освещение марксизма и его противопоставление религии. На страницах двухтомного труда «Религия и социализм» Луначарский относит философию марксизма к «философии религиозной», вытекающей из «религиозных исканий прошлого» [7, с. 326]. В исканиях Луначарского прослеживается гиперболизированный вариант концепции Троцкого о «красном перевоплощении» обряда: «Человек не может жить без надежды, но надежда и есть вера без бога. Человек не должен искать смысл мира, он должен дать миру смысл…» [8, с. 36].

В отличие от Троцкого, остававшегося в положении теоретика, практическая роль Луначарского в пропаганде «красных обрядов» документально зафиксирована. Сохранился фотографический снимок 1924 г., на котором нарком был запечатлен в качестве крестного отца на церемонии «октябрин» [9]. В 1923 г. был опубликован очерк «Новый быт. Революционный обряд крещения», автором которого предположительно

является Луначарский (в качестве подписи указаны начальные буквы словосочетания «нарком просвещения» – «Н. П.») [10, с. 1–2].

К концу 1920-х гг., когда происходит внешнее сворачивание программы построения «красной обрядности», относится и идеологическое преобразование концептуальных построений Луначарского. Однако неизменным оставалось понимание идеологом значения эмоциональной стороны «революционной» обрядности. С особым воодушевлением народный комиссар выражает важность выработки советских праздников и ритуалов в приветственной речи на II Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников: «Должны ли мы религиозным праздникам противопоставлять свои? <…> Праздники нужно построить так, чтобы каждый мог вспоминать об этом, как о такой купели, в которую он окунался, где он соприкасался своим сердцем с сердцем масс…» [11, с. 2].

Аналогично с концепцией Троцкого, Луначарский всегда подчеркивал значимость функции обрядов, способствующей выражению коллективного чувства в сообществе, приверженность к которому должна базироваться на добровольном желании человека [12, с. 110].

Практическая реализация концепции о «новой обрядности» нашла выражение в пропаганде «красных» крестин («октябрин», «звездин»), гражданских свадеб и похорон. Изначально обрядотворческая кампания была нацелена на создание полноценной альтернативы христианским обрядам – крещению, венчанию и отпеванию.

«Октябрины» легитимизировали вступление ребенка в ряды советских граждан. По мнению некоторых исследователей, «красные крестины» были впервые зафиксированы на территории Урала и Курской губернии [13, с. 69–70]. Сценарий праздника включал торжественную процессию с новорожденным в сопровождении комсомольцев или пионеров с красными звездами в руках. Исполнялись революционные песни, служившие безрелигиозными аналогами церковным песнопениям. Обряд имянаречения, в ходе которого ребенок мог быть наделен «революционным» именем, был кульминационной точкой праздника. Подобия «красных святцев» могли включать имена крупнейших революционных деятелей, аббревиатуры красных дат [13, с. 49; 14, л. 44–44 (об)].

При организации обрядов «красной свадьбы» и «красных похорон» также использовалась псевдорелигиозная атрибутика. Через мистическую эстетику, полагал Троцкий, Церковь осуществляла прямое воздействие на

верующих: торжественные процессии, хоровое пение. Именно поэтому все три мероприятия сопровождались пением «Интернационала», наподобие церковных песнопений, а гражданские похороны также – оркестровой музыкой и несением знамнн вместо панихид [4, с. 92; 13, с. 67]. По свидетельствам современников, несмотря на попытки местных властей подчеркнуть эмоциональность ритуалов, они носили «казенно-бюрократический характер» [15, с. 285–286].

Обрядотворческая кампания на территории сельской местности, сопровождающаяся широким распространением художественной инициативы, служила плацдармом для распространения атеистических настроений среди населения. «Деревня», согласно партийной линии, признавалась отстающим от «города» элементом, требующим немедленного решения вопросов безграмотности населения, искоренения религиозных убеждений, роста материальной обеспеченности в сельских условиях и т. д. [16, с. 43–45].

Обратимся к позиции председателя «Союза воинствующих безбожников» и Антирелигиозной комиссии Е. М. Ярославского. На наш взгляд, основным принципом и антирелигиозно-пропагандистской, и теоретической работы Ярославского, как и у Троцкого, является достаточная гибкость, учитывающая изменения позиции партии по отношению к религии, вопросу о свободе совести.

Понятие «нового быта» затрагивается в докладе 1925 г. «Как вести антирелигиозную пропаганду» [17]. Несмотря на то, что идею проведения первого «Комсомольского рождества» Ярославский встречает с энтузиазмом, в своем выступлении он отмечает несуразность проведения антирелигиозных выступлений подобного характера и антицерковной политики 1917–1920 гг. в целом [17, с. 7–8]. Как и Троцкий, идеолог настаивает на переходе к планомерной и строго продуманной работе. Докладчик точно так же отмечает необходимость создания новой, революционной обрядности [17, с. 19–20]. Но, в отличие от Троцкого, Ярославский считал, что семейно-бытовая обрядность способствует складыванию «коммунистического двоеверия» [17, с. 20]. Он уделяет внимание циклу празднеств, связанных с жизнью Христа, выступая сторонником организации «Комсомольского рождества» и «Комсомольской пасхи».

Кроме того, Ярославский предлагает провести замену традиционных образов святых портретами главных коммунистических лидеров – создать

подобие «красного угла» [17. с. 22–23], то есть провести фактическое дублирование религиозных обрядов. Идеолог понимал, что заимствование религиозных атрибутов должно носить временный характер, быть переходной стадией от старой обрядности к новой [18, с. 13]. В труде «Мысли Ленина о религии» в пункте «Можно ли называть социализм религией» Ярославский выступает активным противником Луначарского, критикуя последнего за использование религиозно-окрашенной терминологии [19. с. 11].

В отличие от Л. Д. Троцкого, выступавшего лишь в роли разработчика теории борьбы с «религиозным ударом», Ярославский занимался в большей степени не теоретической разработкой марксистко-ленинского атеизма, а практической агитационной деятельностью [20, с. 6]. Согласно воспоминаниям Н. С. Хрущева, за Ярославским закрепляется роль «красного попа» [21, с. 600].

И. И. Скворцов-Степанов, публиковавшийся под псевдонимом «Степанов», является главным идеологом и разработчиком сценария «Комсомольского рождества» и «Комсомольской пасхи». В ноябре и декабре 1923 г. в газете «Правда» были опубликованы две статьи Скворцова-Степанова, в которых излагался сценарий и принципы «Веселого карнавала с музыкой» [22, с. 93; 23, с. 2; 24, с. 3].

В период с 25 декабря по 6 января 1922 г. «Комсомольское рождество» было проведено не только в Москве и Петрограде, но и 417 городах [25, с. 45]. В 184 городах по РСФСР центральное место в первой антирождественской кампании отводилось факельному шествию «ряженых богов» [25, с. 45]. Парад участников «Комсомольского рождества» проходил на центральных улицах городов. В Петрограде шествие проходило по улице 3-го июля (совр. Садовой ул.) [26; 27], а в Москве – по Тверской улице [25, с. 44–45].

Впоследствии партийная элита, в том числе сам И. И. Скворцов-Степанов, пересматривают тактику борьбы с христианскими праздниками и сосредотачивают проведение кампания в стенах клубов, театров, домов культуры. Причина заключалась в неоднозначности результатов первой кампании. Агрессивно-провокационные действия со стороны комсомольцев грозили опасностью развития социального раскола между верующим и атеистически настроенным населением. К «злоупотреблению» зрелищно-театральной стороной мероприятия негативно относились В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Г. Е. Зиновьев и пр.

[13, с. 72]. Согласно резолюции «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», принятой на XII съезде, партия переходила к более углубленной пропаганде. В Циркуляре РКП (б) 1923 г. «Об антирелигиозной пропаганде во время пасхи» содержалось указание провести мероприятие в клубах, избегая уличных шествий, «оскорбляющих чувства верующих» [28, с. 624]. С 1925 г. «Комсомольская пасха» и «Комсомольское рождество» фигурируют в документах как «антипасхальная» и «антирождественская» кампании. В городской среде празднества сосредотачиваются в стенах домов культуры, школ, университетов, а в сельской среде – в избах-читальнях, местных клубах [29, л. 33; 30, л. 14]. К началу 1930-х гг. главным средством борьбы с празднованием христианских Рождества и Пасхи являлось не высмеивание религии с помощью художественных средств или ведение естественно-научной пропаганды, но переход на непрерывную неделю [31, с. 4], что обусловлено проведением широкомасштабной индустриализации и коллективизации.

На рубеже 1920–1930-х гг. наблюдается отказ представителей советской власти от практики ведения борьбы с религиозными воззрениями путем разработки идеологически-сакрализованных советских обрядов. Главная причина изменения методики борьбы с религиозными воззрениями заключалась в осознании руководителями партии недостаточной эффективности данного курса.

Можно выделить несколько причин неудовлетворяющих результатов обрядотворческой кампании советского правительства 1920-х гг. Во-первых, основное программное содержание обрядов семейно-бытового цикла заключалось в проведении стандартизированного партийного собрания, что не вызывало долгого живого интереса к подобным мероприятиям. В результате отсутствия опыта проведения безрелигиозных обрядов семейно-бытового цикла они превратились в долгие, утомляющие длительностью «процедуры», присутствие на которых стало считаться формальным [15, с. 285; 32, с. 5–6].

Во-вторых, смысловой наполненности православного Рождества и Пасхи оказалось сложным противопоставить безрелигиозную идеологическую составляющую, способную удовлетворить и верующую часть общества, и атеистически настроенную комсомольскую молодежь.

Тема «новой обрядности» как альтернативы христианской системе традиций отражает динамику церковно-государственных отношений в

советский период, а также является немаловажным аспектом социальной истории СССР. Потому, на наш взгляд, она требует дальнейшего детального изучения отечественными исследователями.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1392. 1 л.
2. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1317. 7 л.
3. Российский государственный архив кино-фото-фонодокументов (РГАКФФД). Ед. хр. № 5-8843.
4. Троцкий Л. Д. Вопросы быта: эпоха культурничества и ее задачи. М.: Красная Новь, 1923. 167 с.
5. Троцкий Л. Д. О задачах деревенской молодежи; О новом быте. М.: Красная новь, 1924. 22 с.
6. Луначарский А. В. Атеисты // Очерки по философии марксизма. СПб.: Зерно, 1908. 329 с.
7. Луначарский А. В. Религия и социализм. Т. 2. СПб.: Шиповник, 1911. 400 с.
8. Луначарский А. В. Религия и социализм. Т. 1. СПб.: Шиповник, 1911. 230 с.
9. Российский государственный архив кино-фото-фонодокументов (РГАКФФД). Ед. хр. № 4557.
10. Н. П. Новый быт. Революционный обряд крещения. // Красная Нива. 1923. 1 января.
11. Луначарский А. В. Приветственная речь на II Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников 10 июня 1929 г. // Безбожник. 1929. 16 июня.
12. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов. Кн. 3. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. 283 с.
13. Брудный В. И. Обряды вчера и сегодня. М.: Наука, 1968. 200 с.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 1544. Оп. 1. Д. 67. 50 л.
15. Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. Еще раз об обрядах // Вопросы научного атеизма. Вып. 34. М.: Мысль, 1986. С. 271–297.
16. Мурин В. А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926.
17. Ярославский Е. М. Как вести антирелигиозную пропаганду. М.: Красная Новь, 1925. 96 с.
18. Ярославский Е. М. Мысли Ленина о религии. М.: Красная Новь, 1924. 17 с.
19. Ярославский Е. М. Против религии и церкви: в 5 т. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1932–1935. 416 с.
20. Гребенников Р. В. Е. М. Ярославский как воинствующий марксист-атеист: автореферат дис. … канд. филос. наук / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Минск, 1966. 22 с.
21. Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 605 с.
22. Шмелев С. А. Красное «Комсомольское рождество» и проблема нового быта в начале 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2015. № 3. С. 92–99.
23. Степанов И. «Комсомольское рождество» или почему бы нам не справлять религиозные праздники // Правда. 1922. 15 ноября. С. 2.
24. Степанов И. Еще о комсомольских святках // Правда. 1922. 13 декабря. С. 3.

25. Тульцева Л. А. Комсомольские, антирелигиозные [праздники и обряды 20-х годов] // Наука и религия. 1978. № 10. С. 44–45.

26. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Др 2541. № 293830.

27. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Др 2540. № 293829.

28. Шахнович М. Н. Ленин и проблемы атеизма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 671 с.

29. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 6392. Оп. 1. Д. 3. 118 л.

30. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Ф. 4591. Оп. 13. Д. 1225. 71 л.

31. Фатов Н. Н. Пасхальные куличи и религиозная обрядность. Не праздник, а день отдыха // Молодой Ленинец. 4 апреля. 1928 г. С. 4–5.

32. Данилевский М. Праздники общественного быта. Торжественное заседание, октябрины, годовщины. Организация, методика практика. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927. 63 с.

Сведения об авторе

Табачник Ксения Кирилловна – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Сведения о рецензенте

Самойлова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородскоий государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: irina.samoylova@novsu.ru

УДК 271.2:242-523.6(47)

ORA ET LABORA: ПУТЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Уткин И. Д.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)
E-mail: ivan-duck@mail.ru

ORA ET LABORA: THE WAY OF SAINT SERGIUS OF RADONEZH

Utkin I. D.

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
E-mail: ivan-duck@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению соотношения молитвы и труда на разных этапах биографии преподобного Сергия Радонежского как основных составляющих монашеского пути святого, прославленного в лике преподобных. Актуальность рассматриваемой темы состоит в огромном значении личности «игумена земли русской», деятельность которого способствовала возрождению монашеской культуры на Руси в XIV–XV вв. Делается вывод о гармоничном сочетании двух компонент формулы «ora et labora» преподобным Сергием в своем монашеском подвиге. Согласно исследованию, преимущественное внимание подвижник уделял молитве, совершаемой как келейно или соборно, так и совместно с интенсивным физическим трудом различного характера. Труд в форме крайней аскезы, призванной искусственно смирить плоть, не был характерен для преподобного. Он уступал место служению ближнему: монашеской братии и приходившим в Троицкую обитель за помощью людям.

Ключевые слова: Ora et labora, преподобный Сергий Радонежский, молитва, труд, монастырская культура.

Abstract. The article is devoted to the study of the correlation of prayer and work at different stages of the biography of St. Sergius of Radonezh as the main components of the monastic path of the saint. The relevance of the topic under consideration lies in the great importance of the personality of the "abbot of the Russian land", whose activities contributed to the revival of monastic culture in Rus' in the 14th–15th centuries. The conclusion is made about the harmonious combination of the two components of the formula "ora et labora" by St. Sergius in his monastic deed. According to the study, the ascetic paid primary attention to prayer, performed both in private or in conciliation, and in conjunction with intense physical labor of a different nature. Labor in the form of extreme asceticism, designed to artificially humble the flesh, was not characteristic of the monk. He gave way to work-service to his neighbor: the monastic brethren and people who came to the Trinity Convent for help.

Keywords: Saint Reverend Sergius of Radonezh, ora et labora, prayer, labour, monastic culture.

Ora et labora – это ставшая крылатой фраза из устава святого Бенедикта Нурсийского, известного реформатора западноевропейского монашества шестого века, основавшего монастырь Montecassino в центральной Италии. Она переводится с латинского языка как «Молись и трудись». Данный монашеский завет имеет давнюю традицию и восходит к житию преподобного Антония Великого, который считается одним из основателей монашества. Согласно преданию, святому, впавшему в уныние из-за незнания ответа на вопрос, как достигнуть спасения, явился Ангел, показав ему попеременное сочетание молитвы и труда, сказав: «И ты делай так, и спасешься!» [1, с. 107.].

Следует полагать, что именно сочетание молитвы и труда и обуславливает специфику пути любого святого, подвизавшегося на ниве монашеского делания. Необычайно многогранная личность преподобного Сергия Радонежского традиционно привлекала внимание исследователей, которых интересовали самые разные аспекты его биографии и монашеского подвига. В той или иной степени тема молитвы и труда в многочисленных научных трудах неизбежно затрагивалась. Однако вопрос о том, какую роль играли молитва и труд в жизни святого, как они соотносились между собой и с прочими жизненными обстоятельствами и явлениями прямо еще не ставился**.**

Следует отметить, что изучаемый источник – житие преподобного Сергия, составленное святым Епифанием Премудрым, ярко выделяется из комплекса русской агиографии. Знакомство составителя жития с людьми, знавшими святого Сергия, его личная заинтересованность в правдивом отображении событий биографии радонежского подвижника привели к появлению на свет редкого явления в духовной литературе русского средневековья – произведения, написанного не по образцу типичного поучения, испещренного различными топосами, порой полностью вытесняющими исторический элемент из повествования, а жития, составленного «по горячим следам» недавно преставившегося подвижника. По мнению современного исследователя, житие святого преподобного Сергия «является шедевром житийной документалистики в том, что касается перечисления источников» [2, с. 362–363].

Необычайные события, описанные в источнике, рассматриваются нами «как исторические факты постольку, поскольку они были фактами для людей той эпохи» [3, с. 9]. Если реконструкция трудовой деятельности преподобного еще возможна на основе удаления из жития всех

сверхъестественных моментов, то относительно молитвы подобный подход, очевидно, неприменим. Итак, мы будем действовать в рамках мировоззренческой парадигмы человека русского средневековья, а точнее – следуя за видением и трактовкой событий биографии святого Сергия преподобным Епифанием и редакторами жития.

Преподобный Сергий Радонежский родился 3 мая 1314 года в семье ростовских бояр Кирилла и Марии [3, с. 13]. Согласно анализируемому источнику, святой, находясь в утробе матери, стоявшей на воскресной литургии, трижды прокричал перед ключевыми событиями богослужения. Ужаснувшись чудесному явлению, мать святого истолковала его как божественное указание на особое значение своего ребенка. Она соблюдала строгий пост, ограждала себя «от всякой скверны и от всякой нечистоты» и усердно молилась. После рождения младенец, получивший имя Варфоломей, не прикасался к материнской груди, если мать съела что-либо скоромное, а также воздерживался от пищи по средам и пятницам [4, с. 265]. Итак, еще только находясь в материнской утробе, св. прп. Сергий через нее приобщался к особой молитве. Именно это предопределило столь легкое вхождение святого на стезю полноценного следования принципу «Ora et labora» уже в детском возрасте, что выражалось в сугубом посте и воздержании младенца, усиливавшего свой подвиг по мере взросления.

На этапе описания детства святого основная сюжетная линия связана с мотивом освоения Варфоломеем грамоты, которая первоначально никак не давалась отроку. Ее постижение людьми изучаемой эпохи рассматривалось как дело богоугодное, поскольку оно открывало возможность для чтения и осмысления Священного Писания и творений прославленных подвижников благочестия. Варфоломей стремился разрешить учебные трудности в первую очередь при помощи молитвы [4, с. 265]. Умственный труд находится вне фокуса внимания жизнеописателя.

Тем более симптоматично, что событие, послужившее к окончательному разрешению рассматриваемой проблемы, связано именно с выполнением святым своих трудовых обязанностей. Как точно подметил Б. К. Зайцев, Варфоломей воспитывался родителями не как барчук, а потому и исполнял, казалось бы, не совсем приличествующую положению знатного человека работу [5, с. 475]. Однажды он был послан отцом на поиск пропавших лошадей и встретил «подобного ангелу» [4, с. 277]

старца, который дал ему вкусить кусочек просфоры. После принятия старца в доме Варфоломея отрок, по его повелению, начал петь псалмы и с этого момента уже не испытывал трудностей при освоении грамоты [4, с. 279].

Неотъемлемым условием победы над обстоятельствами выступает труд. Мотив с поиском пропавших лошадей – событие, казалось бы, абсолютно заурядное – органически вписывается в канву повествования и свидетельствует о том, что способность к познанию грамоты была дарована святому Сергию Богом за его молитвы, но через труд физический, что находит имплицитное выражение на страницах жития.

В период отшельничества подвижника трудовая деятельность была призвана лишь обеспечить его насущные телесные потребности. Она сводилась к необходимости приносить воду, очевидно, требовался сбор хвороста и дров для отапливания келии и церкви в холодное время года. Хозяйство преподобного не было самодостаточно: кто-то должен был приносить хлеб, текст источника не содержит информации о попытках святого выращивать овощи или злаки. В условиях дикой лесной местности обработка земли, бесспорно, требовала изрядной доли усилий, но не была невозможна. Позже, когда вокруг Маковецкого холма образуется обитель, монастырская братия постарается хотя бы отчасти обеспечить свое существование за счет сельского хозяйства: «Вокруг церкви много колод и пней повсюду было, здесь же различные сеяли семена и выращивали огородную зелень» [4, с. 315].

В этот период своего монашеского делания святой Сергий большую часть времени посвящал исключительно молитве. Особенно важно подчеркнуть, что молитва преподобного Сергия – это молитва предельно сосредоточенная. Следование распространенной монашеской традиции, заключающейся в сочетании молитвы с нерассеивающими внимание монотонными занятиями (рукоделием, плетением корзин и проч.) чуждо святому: его призвание состоит в молитве абсолютно сугубой. Примечателен отказ святого от использования вериг – разнообразных металлических предметов, носимых на теле зрелыми монахами для усиления аскетического подвижничества. По словам Л. П. Карсавина, «прирожденная святость», благодать увлечения добром… делают излишними крайние формы аскезы» [6, с. 6.]. Эти слова точно передают черты характера подвижника, необычайная гармония личности которого не позволяла прибегать к особенно суровым средствам спасения.

Учреждение монастыря вызвало объективную трансформацию жизни преподобного: в ней резко усилилась роль физического труда. Характеристика, данная главе обители жизнеописателем, является точной и лаконичной: «без лености братии как купленный раб служил» [4, с. 315]. Святой исполнял присущие монастырскому хозяйству тяжелые физические работы – сбор и рубку дров, приготовление хлеба и иной пищи, изготовление обуви и одежды, обеспечение братии водой.

Во всем «преподобный старался быть учителем и исполнителем: и кутью сам варил, и свечи делал, и кануны творил… испекши просфоры, служил он Богу от своих праведных трудов, а другому не разрешал никому, хотя очень хотели многие из братии печь просфоры» [4, с. 315]. Следует полагать, что столь трепетное отношение преподобного Сергия к просфорам объясняется их исключительным богослужебным значением. Можно предположить, что святой стремился огородить вверенную ему паству от исполнения дела, к которому они, в силу своей недостаточной духовной зрелости, могли быть не готовы. То, что он сам желал печь литургический хлеб, свидетельствует о его личном благочестии и особенном стремлении послужить Богу.

Важно понимать, что изначально обитель строилась на особножительных порядках и каждый монах не был ничем обязан своему окружению в материальном плане. Тем более показательным становится деятельнейшее участие преподобного в жизни монастырской братии. Его забота о монахах простиралась вплоть до того, что преподобный «воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил» [4, с. 315].

В Православном понимании труд традиционно рассматривается не через призму общественной пользы, а как непременное средство достижения личного спасения [7, p. 125–140]. На первый взгляд, как раз подобным принципом и руководствовался подвижник, добровольно исполняя неисчислимые физические работы. Однако необходимо вспомнить о соотношении молитвы и труда в жизни святого в период его единоличного подвижничества, когда св. прп. Сергий имел возможность для сколь угодного изменения баланса составляющих понятия «Ora et labora» в выработке своего личного варианта монашеского делания. Тогда труд занимал значительное место в его жизни, но все же первоочередное внимание преподобный уделял предельно сосредоточенной молитве, несочетаемой с какой бы то ни было физической работой.

Теперь подвижник безропотно принял на себя бремя изнурительного труда. Следует полагать, что тем самым преподобный стремился к совершенному исполнению заповеди любви. Он был образующим звеном монастырской обители, той компонентой, без которой существование общины становилось бесцельным и бессмысленным. Братия приходила сюда не ради спасительных условий радонежского леса, а для того, чтобы спасаться вместе с ним. Очевидно, что осознание этого заставляло св. Сергия деятельно участвовать в жизни своих духовных братьев если и не в качестве наставника в начинаниях духовных (чему препятствовало исключительное смирение преподобного), то как непременного помощника во всем остальном.

Следует обратить внимание на то, что св. Сергий, взваливая на себя ношу трудовой помощи братии, не оставляет, а лишь переводит молитву в иное состояние, совершая ее без отрыва от рабочего процесса: «И что бы он ни делал, псалом на устах его всегда был» [4, с. 315]. Другим видом молитвы являются богослужения, совершаемые в храме ежедневно: «И каждый день пел он с братьями в церкви и полунощную, и заутреню, и Часы, и третий, и шестой, и девятый, и вечерню, и мефимон» [4, с. 313]. Келейная молитва святого не удаляется из его жизни, а осуществляется в свободные от соборных служб и физического труда ночные часы [4, с. 313, 315].

По прошествии некоторого времени волынский епископ Афанасий рукоположил святого Сергия и поставил его игуменом Троицкого монастыря [3. с. 67–90]. Принятием благодати священства и сана игумена преподобный Сергий выражал свое добровольное согласие на несение ответственности перед Богом за всех членов возглавляемой им обители. Среди многообразных трудов преподобного первое место отныне занимало духовное руководство монахами. Святой проявил себя мягким, но в то же время крайне внимательным руководителем. Он неукоснительно соблюдал правило ежевечернего обхода келий. Праздные разговоры жестко пресекались преподобным, но только на следующий день игумен беседовал с провинившимся с необычайной кротостью и накладывал епитимию в том только случае, если не замечал в собеседнике раскаяния [4, с. 329, 331].

Знаменательно, что ни в одном месте жития мы не можем обнаружить примеров таких занятий подвижника, как написание икон, перепись книг или сочинение собственных наставлений [5. с. 495]. В отличие от работы, доступной грамотным людям, простой физический

труд в наименьшей степени мог способствовать развитию превозношения и позволял облегчить тяготы монашеской братии.

В быту преподобный Сергий был очень прост. Пришедший однажды в обитель крестьянин долго отказывался признать работавшего в огороде в ветхой одежде монаха преподобным Сергием [4, с. 345], до того нетипичным был подобный характер занятий для игумена. Подобная простая жизнь насельников общежительных монастырей, следовавших заветам преподобного, привела к последствиям, о которых сами они едва ли задумывались. Тесно соприкасаясь с монашеским миром, уходившие на неосвоенные территории «крестьяне увидели в монахах самих себя – таких же тружеников, живущих столь же скудно и скромно» [8, с. 5], и это обеспечило потрясающий успех крестьянской и монастырской колонизации удаленных районов страны. Более того, святому Сергию удалось обеспечить преемственность своего дела. Его последователи, становясь основателями новых обителей, «устраивали их в духе аскетической традиции своей религиозной alma mater» [9, с. 49].

Таким образом, мы видим, что, не оставляя молитву, подвижник взваливает на себя все новые и новые трудовые обязанности. Новые труды не заменяют прежнего подвига, а дополняют его. Переносить столь серьезные физические нагрузки подвижнику помогало крепкое от природы здоровье: «Преподобный Сергий был молод и крепок телом (ведь сила у него была в теле, как у двух человек)» [4, с. 313].

Квинтэссенцией сочетания молитвы и труда можно считать участие преподобного в жизни княжеской семьи и русских земель. В тексте жития есть очень показательный момент. Однажды в монастыре закончился хлеб и все съестные припасы. Пока в обитель не прибыл обоз неизвестного благотворителя, братия несколько дней голодала, поскольку преподобный Сергий запретил даже в случае острой нужды покидать обитель [4, с. 333–337]. Анализ данного житийного свидетельства позволяет понять, что выходы преподобного Сергия за монастырскую ограду сами по себе были явлением исключительным… но неоднократным. Примирение князей, крещение их детей, основание новых общежительных обителей – во многих событиях русской истории зримо присутствует благословляющая рука преподобного.

За полгода до кончины преподобный назначил любимого ученика игуменом, решив «замкнуть свой жизненный путь, вернуться к тому, с чего он начинал» [3, с. 228] духовное восхождение в период отшельничества. Окруженный многочисленной монастырской братией, в своем внутреннем мире подвижник «начал безмолвствовать», все свое

время посвящая молитве. 25 сентября 1392 года преподобный «чистую свою и священную душу с молитвой Господу предал» [4, с. 387, 389].

На протяжении всего земного существования преподобного Сергия – от зачатия до преставления – молитва и труд являлись его главными занятиями. Опосредованно воздействуя на младенца, находящегося в утробе, через мать, они с самого начала оказали главнейшее влияние на дальнейший путь святого. Находясь в миру и в обители, в деревне и княжеских палатах, в уединенной келье и среди монастырской братии – где угодно, когда угодно, подвижник ни на мгновение не отступал от этого основополагающего монашеского постулата.

Существовали периоды, когда святой не совершал каких-либо действий, которые можно увязать с традиционным пониманием труда. Перед кончиной подвижник все свое время посвящает одной только молитве, значение труда сводится к минимуму в период его отшельничества, наконец, первый поступок, совершенный собственно преподобным Сергием – крик, раздавшийся из утробы матери в момент божественной литургии, как особая форма молитвы, – также свидетельствует в пользу данной точки зрения.

Основной формой молитвословий святого выступают его личные молитвы, возносимые святым при любом рабочем занятии. Предельно сосредоточенная келейная молитва, не сопровождаемая никаким физическим или иным трудом, совершается подвижником в минуты уединения. Неизменно присутствие преподобного на соборных монастырских богослужениях, зачастую в качестве служащего священника.

Все три разновидности молитвы гармонично сочетались между собой. Совершаемая в форме вариативных молитвословий, по своему духу и своей сути это была единая непрерывная неделимая молитва, возносимая святым преподобным Сергием в течение всей своей жизни.

Труд для святого был служением ближнему, которое принимало самые разные формы: от простой физической работы до действий, оказывавших огромное влияние на ход истории Русской Церкви и Русского государства.

Список источников и литературы

1. Древний патерик, изложенный по главам. 3-е изд. М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1899. Репринтное издание: М.: Правило веры, 1997. 444 с.

2. Топоров В. П. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.Т. 2: Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). 1998. 863 с.

3. Борисов Н. С. Сергий Радонежский. М.: Молодая гвардия, 2003. 296 с.
4. Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 254–391.
5. Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский // Осенний свет: повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1990. С. 474–511.
6. Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М.: Высшая школа, 2012. 190 с.
7. Tarasov A. E. The Religious Aspect of Labour Ethics in Medieval and Early Modern Russia // International Review of Social History. 2011. P. 125–140.
8. Перевезенцев С. В. Преподобный Сергий Радонежский в истории России // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 2. С. 3–11.
9. Смолич И. К. Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: Православная энциклопедия, 1999. С. 44–56.

Сведения об авторе

Уткин Иван Дмитриевич – студент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Сведения о рецензенте

Жуков Константин Власович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород Россия. E-mail: Konstantin.V.Zhukov@novsu.ru

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЧЕ: ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Сборник статей Второй Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов и молодых ученых Великий Новгород, 8–10 февраля 2023 года

Редактор *В. О. Шипулин*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 12.04.2024. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 500 экз. Заказ № 12042024.
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано: ИП Копыльцов П.И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

